

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2020 '2

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2020

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),

К. Р. Некемьяс (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2020

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2020

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 2 — 2020

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saraliev**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **E. V. Pankratova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2020
© Ivanovo State University, 2020

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Woman in Russian Society
2020. No. 2. P. 3—9
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.1

Женщина в российском обществе
2020. № 2. С. 3—9
ББК 63.3(2)622-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.1

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ЖЕНЩИН В ТЫЛУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945) (На примере Ивановской области)

О. А. Хасбулатова, В. С. Околотин

Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru

Статья посвящена трудовому подвигу женщин в годы Великой Отечественной войны. На обширном фактологическом материале и архивных источниках показано, что женщины, занятые в текстильной и швейной промышленности Ивановской области, в сложных условиях военного времени, оставшись одни с детьми, сыграли основную роль в вещевом снабжении действующей армии, проявили подлинный героизм на рабочих местах, сдавали кровь, ухаживали за ранеными бойцами в госпиталях. Авторы подчеркивают, что этот исторический пример жизнестойкости женщин в очередной раз развеивает миф о слабом поле, актуализирует их роль как субъекта социального прогресса.

Ключевые слова: трудовой подвиг ивановских текстильщиц и швей, вещевое снабжение армии, ткань цвета хаки «гимнастёрочка», милосердие, миф о слабом поле.

LABOR FEAT OF WOMEN IN THE REAR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941—1945) (Case study of the Ivanovo region)

O. A. Khasbulatova, V. S. Okolotin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
oax37@mail.ru

The article is devoted to the labor feat of women during the Great Patriotic War. Based on extensive factual material and archival sources, it is shown that women employed in the textile and clothing industry of Ivanovo region, in difficult wartime conditions, played a major role in the clothing of the active army. They showed true heroism, donated blood, took care of wounded soldiers in hospitals, and nurtured children. The authors emphasize that this historical

example of women's resilience once again crosses out the myth of the weak sex, actualizes their role as a subject of social progress.

Key words: labor feat of Ivanovo women — textile workers and seamstresses, clothing supply of the army, khaki cloth “gimnasterochka”, the myth of the weak sex.

Российские женщины вписали немало славных страниц в летопись Великой Отечественной войны. Миллионы женщин сражались на фронтах в рядах Красной армии, совершали подвиги милосердия в военных госпиталях, трудились в металлургии, на железной дороге, в сельском хозяйстве. Данная статья посвящена трудовому подвигу ивановских текстильщиц и швей, которые сыграли основную роль в вещевом снабжении действующей армии.

Осенью 1941 г. обстановка на фронтах войны осложнилась настолько, что текстильные предприятия Калининской и части Московской областей, других регионов Центральной России, а также Ленинграда практически прекратили свою деятельность. В этой ситуации 15 ноября 1941 г. на областном совещании партийно-хозяйственного актива, проходившем в Иванове, нарком текстильной промышленности СССР И. Н. Акимов заявил, что удельный вес текстильных предприятий г. Иваново и области продолжает составлять 80 % к объему производства всей текстильной промышленности страны и от ее работы во многом зависит снабжение фронта и тыла [ГАИО, ф. П-327, оп. 7, д. 72, л. 1—2].

В Ивановской области как традиционном центре текстильной промышленности мощности текстильных и льняных предприятий позволяли обеспечивать полный производственный цикл, от производства пряжи до получения готовой продукции. Фабрики практически не останавливались и уже в 1942 г. добились больших производственных успехов. Для этого в сжатые сроки было переоснащено оборудование предприятий текстильной и легкой промышленности, освоен военный ассортимент тканей и их крашение, применительно к нуждам действующей армии усилилась разработка новых видов текстильной продукции и их внедрение в производство. Женщины и девушки заняли все рабочие места, на которых до начала войны работали мужчины, стали массово переходить на повышенное уплотнение оборудования. Ударная работа ивановских текстильщиц была отмечена в сообщении Советского информбюро 10 августа 1941 г. [Сообщения Советского информбюро, 1944: 131].

В конце мая 1942 г. текстильщицы Ивановского меланжевого комбината совместно с Ореховским хлопчатобумажным комбинатом (г. Орехово-Зуево Московской области) стали инициаторами проведения Всесоюзного социалистического соревнования в текстильной промышленности страны. Они обязались как можно больше дать сверх плана пряжи, ниток, суровья и готового товара для обмундирования Красной армии, а также для снабжения населения страны.

Это обращение нашло поддержку в ВЦСПС, Совнарком и ГКО СССР. В результате ГКО СССР принял постановление «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования предприятий текстильной промышленности Союза ССР», которое было опубликовано в центральной и местной периодической печати и поддержано текстильщиками страны [РГАСПИ, ф. 644, оп. 2,

д. 63, л. 143]. Победителю вручалось переходящее Красное знамя Государственного Комитета Оборона и присуждалась первая денежная премия [Известия. 1942. 27 мая].

С первых дней Великой Отечественной войны Ивановский меланжевый комбинат стал основным производителем «трико-диагонали меланжевой водупорной пропитки цвета хаки», а мощность прядильных, ткацких и отделочных предприятий города составила свыше 1 млн метров готовой ткани в сутки, которая шла на военные и гражданские нужды. Кроме диагонали меланжевой цвета хаки (рабочие ее ласково называли «гимнастерочка»), текстильщицы производили байку для теплого белья, марлю для перевязочного материала, ткань для солдатских плащ-палаток, перкаль для парашютов и другую важную для фронта и гражданского населения продукцию [ГАИО, ф. П-327, оп. 1, д. 1574, л. 8].

В годы войны коллективы ивановских предприятий неустанно и в круглосуточном режиме трудились для нужд фронта и тыла. Перед ними ставились все новые сложные задачи. Так, в 1943 г., после напряженной работы конструкторов, ивановские текстильщицы начали производить огнеупорные, водонепроницаемые ткани, брезент для авиационной и танковой промышленности. Объемы этой продукции измерялись миллионами метров и сотнями тонн [РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 125, л. 59, 60; д. 127, л. 41]. Примеры освоения новых видов тканей и увеличения выпуска прежнего ассортимента можно приводить по всем ивановским предприятиям.

Не менее важной задачей был пошив обмундирования и одежды для нужд действующей армии и гражданского населения страны, который также был сконцентрирован в Иванове и области. В преддверии осенних и зимних холодов 25 августа 1941 г. для снабжения Красной армии была утверждена к пошиву «куртка ватная стеганая со стояче-отложным воротником». В это же время ГКО СССР принял постановление «О дополнительном изготовлении и о поставке вещевого имущества для Красной армии в III квартале 1941 года». Согласно ему Наркоматам текстильной и легкой промышленности предстояло изготовить 1 млн шапок-ушанок, 1 млн шинелей, 2 млн хлопчатобумажных гимнастеров и шаровар, 1 млн телогреек, 1 млн ватных шаровар, 1,2 млн пар армейских сапог, 1 млн пар валенок и др. К изготовлению этой продукции Наркомату текстильной промышленности СССР и промкооперации было разрешено привлекать надомников [там же, д. 2, л. 141]. Выполнение основной части заказа Государственного Комитета Оборона также было возложено на предприятия и швейные мастерские промкооперации Иванова и области. В целях практичности и удешевления стоимости обмундирования отдельным категориям военнослужащих Красной армии приказом НКО СССР с 1 апреля 1942 г. была прекращена выдача шинелей с заменой их на ватные куртки. Их тоже шили ивановские швейницы, и эта продукция оказалась востребованной не только в действующей армии, но и в тылу, как спецодежда для рабочих оборонных заводов и предприятий других отраслей промышленности, а также в сельском хозяйстве.

К перечню мер по усилению производственных мощностей легкой промышленности следует отнести распоряжение СНК СССР № 1367-р от 25 февраля 1942 г. «О завозе в Ивановскую область эвакуированного швейного оборудования и организации в городах области швейных производств». На его

основании в Иванове была организована новая швейная фабрика. Одновременно усилены возможности швейных мастерских промкооперации. За 9 месяцев 1942 г. облшвейсоюз выполнил план на 137,5 % и пошил 587 тыс. комплектов гимнастерок и шаровар. По штатам военного времени только этим количеством можно было обмундировать 53 стрелковые дивизии. Ассортимент плановой продукции для предприятий промкооперации в конце 1942 г. составлял 54 наименования, это были жизненно необходимые одежда и белье, без которых военнотружущие в повседневной жизни, в том числе и женщины, обойтись не могли [Околотин, 2019: 270].

Артелями и мастерскими промкооперации Иванова осуществлялся сезонный ремонт, химчистка и стирка обмундирования, шинелей, ватных курток и шаровар, а также кожаной и валяной обуви военнотружущих. Об объеме выполняемых работ свидетельствует штатная численность Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД, которая в общей сложности в январе 1943 г. составила 10 776 тыс. человек, а с учетом находившихся в госпиталях — 11 691,6 тыс. [РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 119, л. 138—140].

Важным направлением в деятельности ивановских текстильщиц и швей стало переобмундирование Красной армии в 1943 г. Объем работ был огромным. Согласно постановлению ГКО СССР № 2479 от 5 ноября 1942 г., на склад НКО СССР к 1 апреля 1943 г. предстояло заложить в запас «9 млн комплектов новых летних хлопчатобумажных гимнастерок, шаровар, головных уборов, портянок и обмоток и 6 млн пар обуви». Обмундирование, говорилось там же, «должно быть изготовлено применительно к новым знакам различия — погонам» [там же, д. 108, л. 78].

При значительном вкладе ивановских тружениц поставленная задача была выполнена. В итоге вместе со старой формой у бойцов и командиров уходила в прошлое горечь поражений первых лет войны, значительно усилились их боевой дух и вера в победу над нацистской Германией и ее союзниками. В новой форме армия стала совершенно иной, она стала армией-победительницей.

За этими достижениями стоял труд тысяч женщин, которые работали изо всех сил, а часто и сверх сил. В качестве примера можно привести коллектив Ивановской швейной фабрики, которая, согласно постановлению СНК СССР от 30 июня 1941 г., была преобразована в «завод № 3». В результате работницы завода, кроме ватных телогреек и шаровар, стали производить парашюты. Коллективу предприятия пришлось освоить выпуск наиболее трудоемких типов парашютов: спасательных, десантных, грузовых, парашютов для осветительных бомб. Специалисты наладили ремонт парашютов с изготовлением для них запасных частей.

Набранные производственные темпы позволили заводу № 3 за годы войны пять раз стать победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании с вручением переходящего Красного знамени ГКО СССР. 24 января 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами текстильных предприятий» за успешное и образцовое выполнение заданий правительства по снабжению Красной армии вещевым довольствием и специальных заданий командования Красной армии коллектив завода № 3 был награжден орденом Трудового Красного Знамени [Известия. 1944. 25 янв.].

Ударно, не жалея сил трудились коллективы всех текстильных предприятий Ивановской области. Кинешемская фабрика «Красная ветка», Южская прядильно-ткацкая фабрика, Тейковский хлопчатобумажный комбинат, Кохомская льнофабрика за высокие достижения по выполнению государственных заданий становились победителями Всесоюзного социалистического соревнования с вручением им переходящих Красных знамен ГКО СССР.

Текстильщицы фабрик им. С. Кирова, Н. Крупской, Ф. Дзержинского, рабочего Ф. Зиновьева, С. Балашова, Большой Ивановской мануфактуры, Новой Ивановской мануфактуры, Подгорной фабрики, «Красной Талки», Сосневской объединенной мануфактуры, Шуйско-Тезинской фабрики и других предприятий неоднократно завоевывали во Всесоюзном социалистическом соревновании переходящие Красные знамена ВЦСПС и Наркомата текстильной промышленности СССР [РГАСПИ, ф. 5451, оп. 26, д. 105, л. 131—137].

24 января 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Родниковский меланжевый комбинат «Большевик», единственный из текстильных предприятий страны, был награжден орденом Ленина [Известия. 1944. 25 янв.]. По окончании Великой Отечественной войны за выдающийся вклад в Победу переходящее Красное знамя ГКО СССР было навечно закреплено за трудовым коллективом Ивановского меланжевого комбината [Книга Памяти: 1995: 47].

Правительство высоко оценило трудовые подвиги ивановских текстильщиц: 64 человека были награждены орденами и медалями Советского Союза и 365 человек — значками «Отличник соцсоревнования Наркомата текстильной промышленности» [ГАИО, ф. П-327, оп. 1, д. 1974, л. 10].

Медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» награждены 38 тыс. жителей города Иваново [История города Иванова: 1962: 225]. Представления к их награждению находятся на вечном хранении в Государственном архиве Ивановской области. За короткими строками этих исторических документов — напряженный, изматывающий, такой важный для страны труд.

Приведем несколько имен.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 января 1944 г. одним из первых руководителей текстильных предприятий области орденом Трудового Красного Знамени была награждена *Т. В. Молоснова*, которая в годы войны возглавляла Шуйско-Тезинскую фабрику. Ее коллектив неоднократно становился победителем Всесоюзного социалистического соревнования с вручением ему переходящего Красного знамени ВЦСПС и Наркомата текстильной промышленности СССР [Рабочий край. 1944. 26 янв.].

Д. У. Захарова «в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., работая в совете жен сотрудников УМВД, проявила себя исключительно добросовестным работником. Несмотря на свой 60-летний возраст, она, не жалея сил, не считаясь со временем, круглые сутки находилась в среде бойцов, находящихся на излечении в подшефном госпитале № 1070, и являлась, по выражению бойцов, их матерью, от командования госпиталя имела несколько благодарностей» [История города Иванова, 1962: 225].

Е. Ф. Шешна — взварщик Ивановского кирпичного завода, «на протяжении всего периода работала, где до войны работали мужчины, норму выполняла от 110 до 130 %» [ГАИО, ф. Р-1510, оп. 2, д. 3758, л. 179].

А. П. Селиванова — секретарь обкома профсоюза рабочих хлопчатобумажной промышленности, «проявила себя добросовестным работником. Активно участвовала в работе по оборонительным сооружениям. Один из лучших доноров организации. 29 раз сдавала кровь для раненых бойцов, всего сдала около 13 литров...» [там же, л. 186].

Е. Н. Гудкова — работница Ивановской швейной артели «Победа», «...в артели с 1941 г. в качестве портнихи массового пошива, план выполняет от 170 до 200 %, продукцию дает хорошего качества, замечаний не имеет» [там же, оп. 28, д. 375, л. 207].

И таких примеров множество.

С первых месяцев войны в область стали прибывать с фронта раненые бойцы и командиры. В госпитали превратились гостиницы, школы, общежития вузов и лечебные учреждения (по количеству коек Ивановская область занимала 4-е место в СССР). Жители региона собрали на их оборудование более 2 млн рублей. В развертывании и оборудовании госпиталей для раненых и больных бойцов и командиров участвовали жители областного центра. Женщины и девушки после фабричной смены шли в здания, отведенные под госпитали, мыли окна, расставляли кровати, стирали, убрали, ремонтировали одежду солдат, читали раненым газеты, писали под диктовку письма домой, клеили конверты. Благодаря таланту ивановских врачей и внимательному уходу медицинских сестер из ивановских госпиталей около 90 % раненых возвращались в строй [История города Иванова, 1962: 205].

Массовым проявлением патриотизма женщин, девушек и подростков стала безвозмездная сдача крови для раненых бойцов. Многократно умножалось число доноров. Жители сдавали кровь по нескольку раз в год. Кровь сдавали рабочие и работницы предприятий, студенты ивановских вузов. Большинство доноров были женщины. Всего за время Великой Отечественной войны ивановцы отдали фронтовикам 125 тыс. килограммов крови [Борисов, 1964: 175]. Ивановская областная станция переливания крови за время войны стала одной из крупнейших станций страны по заготовке и консервированию крови для фронта.

Война вызвала огромный патриотический подъем по всей стране. «В труде — как в бою!» — под этот лозунг встали все женщины текстильного края. Они работали по 10—12 часов в сутки, без отпусков, без выходных, обеспечивали ударную круглосуточную работу фабрик и швейных мастерских, а после работы шли сдавать кровь, ухаживали за ранеными солдатами в госпиталях, выполняли всю работу по дому, воспитывали детей, стойко переносили тяготы военного времени.

1417 дней, в течение которых на пределе физических и моральных сил женщины Ивановской области вместе со всей страной шли к победе, лучше всех теорий доказали, что мифы о слабом поле опровергнуты исторической практикой. На всех последующих этапах жизнедеятельности российского общества женщины выступали и продолжают выступать активными субъектами социального прогресса.

Библиографический список

- Борисов Б. А. Записки секретаря горкома. М.: Политиздат, 1964. 304 с.
ГАИО (Государственный архив Ивановской области).
Известия.
История города Иванова. Иваново: Иван. кн. изд-во, 1962. Ч. 2: Иваново социалистическое. 364 с.
Книга Памяти: Российская Федерация. Ивановская область: в 6 т. / сост. В. П. Терентьев. Иваново: Талка, 1995. Т. 1: г. Иваново. 814 с.
Околотин В. С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Иваново: А-Гриф, 2019. Кн. 2: 1 января — 31 декабря 1942 года. 674 с.
Рабочий край.
РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).
Сообщения Советского информбюро: в 8 т. М.: Совинформбюро, 1944. Т. 1: Июнь — декабрь 1941 г. 456 с.

References

- Borisov, B. A. (1964) *Zapiski sekretaria gorkoma* [Notes of the secretary of the city committee], Moscow: Politizdat.
Istoriia goroda Ivanova (1962) [History of Ivanovo City], pt. 2: Ivanovo sotsialisticheskoe, Ivanovo: Ivanovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
Kniga Pamiati: Rossiiskaia Federatsiia. Ivanovskaia oblast' (1995) [Book of Memory: Russian Federation. Ivanovo region], vol. 1: Ivanovo City, Ivanovo: Talka.
Okolotin, V. S. (2019) *Ivanovskaia oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Ivanovo region during the Great Patriotic War], vol. 2: 1 ianvaria — 31 dekabria 1942 goda, Ivanovo: A-Grif.
Soobshcheniia Sovetskogo informatsionnogo biuro (1944) [Messages from the Soviet Information Bureau], vol. 1, Moscow: Sovinformbiuro.

Статья поступила 17.03.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, ведущая кафедрой социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Околотин Владимир Сергеевич — доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Woman in Russian Society
2020. No. 2. P. 10—25
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.2

Женщина в российском обществе
2020. № 2. С. 10—25
ББК 66.3(2Рос),15
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.2

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ В ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (На материале кинематографа Великой Отечественной войны)

О. В. Рябов

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, Riabov1@inbox.ru

При помощи понятия символических границ анализируется место гендерного дискурса в формировании советской идентичности периода Великой Отечественной войны. Вначале рассматривается роль, которую играют в политике идентичности символические границы, создаваемые в том числе при помощи гендерного дискурса. Затем характеризуются основные черты политики советской идентичности, осуществляемой посредством кинематографа. Наконец, предметом анализа становится использование гендерного дискурса в фильмах Великой Отечественной войны. Исследуется, как образы женственности привлекались в такие направления политики советской идентичности, как производство образов «своих» и формирование чувства принадлежности к сообществу; обеспечение внутреннего единства через ослабление внутренних символических границ; укрепление внешних символических границ и создание негативной идентичности за счет конструирования образов «чужих» — женщин нацистской Германии. Автор приходит к выводу о том, что «граничный подход» обладает значительным эвристическим потенциалом и может успешно применяться в гендерных исследованиях.

Ключевые слова: политика идентичности, советская идентичность, образ врага, советский кинематограф, Великая Отечественная война, символические границы, гендерный дискурс, образ немецкой женщины, женственность.

© Рябов О. В., 2020

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ» (руководитель О. В. Рябов).

**SYMBOLIC BOUNDARIES IN THE POLITICS
OF SOVIET IDENTITY: GENDER DIMENSION
(On the materials on the Great Patriotic War's cinema)**

O. V. Riabov

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation, Riabov1@inbox.ru

Using the boundary approach, the paper dwells upon the role of gender discourse in politics of the Soviet identity in the time of the Great Patriotic War. In the beginning, it discusses what role symbolic boundaries created with help of gender discourse play in politics of identity. Then, the essential traits of politics of Soviet identity are examined on the material of the film "Circus" (1936). Finally, the paper focuses on utilizing the gender discourse by cinema of the Great Patriotic War. It investigates how the films used the representations of femininity in such directions of the politics of the Soviet identity as producing the images of "us" and forming the feeling of belonging to the political community; providing the national unity through weakening internal symbolic boundaries; strengthening external symbolic boundaries and forming negative identity through constructing the images of "them" — the women of Nazi Germany. The author comes to the conclusion that the boundary approach has significant heuristic potential and may be employed in Gender Studies.

Key words: Soviet identity, politics of identity, Soviet cinema, symbolic boundaries, image of the enemy, German women image, Great Patriotic War, gender discourse, femininity.

Одним из факторов победы в Великой Отечественной войне стала макрополитическая идентичность советских мужчин и женщин, которая позволяла рассматривать свою судьбу в неразрывной связи с судьбой страны, проявлять солидарность с другими советскими людьми, испытывать гордость за Родину, идентифицировать врага. Заметную роль в формировании советской идентичности играл гендерный дискурс; его использование также помогало противопоставлять «своих» и «чужих» и гордиться своей страной, что может быть проиллюстрировано названием плаката И. Астапова, помещенного в 1942 г. в «Ленинградских "Окнах ТАСС"», — «Победа будет в той стране, где женщина с мужчиной наравне!»¹. Целью статьи является анализ роли гендерного дискурса в формировании советской идентичности периода Великой Отечественной войны, которое мы будем рассматривать при помощи понятия символических границ. Эвристический потенциал «границного подхода» (boundary approach) для анализа политики идентичности в отечественном социально-гуманитарном знании используется недостаточно до сих пор. Между тем в зарубежной науке рассматривают «boundary studies» как отдельное научное направление, «boundary approach» — как методологический принцип, а «boundary turn» — как очередной поворот в социально-гуманитарном знании (подробнее см.: [Рябов, 2017])².

¹ «Ленинградские "Окна ТАСС" 1941—1945 гг.» в собрании Российской национальной библиотеки: каталог / сост. И. В. Селиванова, Н. Н. Школьный. СПб.: РНБ, 1995. Ил. 7.

² Методология изучения символических границ вызывает большой интерес во всем мире; в рамках «boundary studies» активно исследуется и политика идентичности

Материалом исследования служат игровые фильмы, выпущенные в 1941—1945 гг. Роль кинематографа как актора политики идентичности, оказывающего серьезное влияние на формирование образов «своих» и «чужих», интенсивно изучается в мировой науке, в первую очередь в рамках критической геополитики и популярной геополитики (напр.: [Carter, Dodds, 2014]). Активно изучается и вклад фильмов военного времени в создание представлений о «своих» и «чужих» (напр.: [Багдасарян, 2003; Youngblood, 2006; Барабан, 2008; Колесникова, 2013; Чистякова, 2013; Орлова, 2015]).

В первой части статьи рассматриваются методологические вопросы — прежде всего роль, которую играют в политике идентичности символические границы, создаваемые в том числе при помощи гендерного дискурса. Затем мы охарактеризуем основные направления и формы политики советской идентичности, осуществляемой посредством кинематографа. Наконец, предметом анализа станет использование гендерного дискурса в фильмах Великой Отечественной; объем статьи вынуждает ограничиться рассмотрением только одного аспекта репрезентаций гендерного порядка — образами женственности «своих» и «чужих».

Символические границы в политике идентичности: проблемное поле гендерных исследований

Формирование идентичности — результат нескольких факторов, одним из которых является целенаправленная политика — политика идентичности, представляющая собой деятельность политических акторов, которая ориентирована на достижение социальным сообществом чувства целостности и тождественности [Ачкасов, 2013: 71]³.

Реляционная концепция идентичности исходит из того, что необходимым условием идентичности являются представления о Других [Jenkins, 2015]. В связи с этим установление, поддержание, корректировка и уничтожение символических границ связаны с процессами включения и исключения как необходимыми условиями создания коллективной идентичности.

Важность социальных границ определяется тем, что они связаны с сущностными характеристиками социальности — собственностью и неравенством. Во-первых, границы фиксируют право собственности, которое, в частности, лежит в основе таких аспектов понимания человека, его прав и обязанностей, как автономия, свобода, право на частную жизнь. На уровне государства право собственности воплощается в принципе суверенитета, связанного с такими ценностями, как независимость и безопасность. Во-вторых, границы обозначают социальное неравенство; они фиксируют неравный доступ к ресурсам (материальным и нематериальным) и социальным возможностям, а также их неравное распределение [Lamont, Molnar, 2002: 168].

(напр.: [Lamont, Molnar, 2002; Oommen, 1995; Колосов, Туровский, 1999; Paasi, 2001; Kuus, 2004; Jenkins, 2015]).

³ Термин «политика идентичности» появился для обозначения деятельности, направленной на изменение статуса дискриминируемых групп, повышение их «видимости», однако в отечественной науке этот термин используется в более широком понимании (напр.: [Ачкасов, 2013; Назукина, 2014; Рябов, 2016]).

Границы отражают объективную дискретность социального бытия и в то же время выступают социальным конструктом: в процессе проведения границ объективные различия не только фиксируются, но также акцентируются или, напротив, сглаживаются. Социальные границы, таким образом, дополняются символическими, которые создаются при помощи маркеров — символических пограничников; к ним можно отнести любые семиотические средства, с помощью которых проводится такая граница.

Своим интересом к конструктивистскому подходу в интерпретации социальных границ академическое сообщество во многом обязано книге «Этнические группы и границы», вышедшей в 1969 г. под редакцией Ф. Барта [Barth, 1969]. Норвежский антрополог показал, что сами содержательные компоненты этнической культуры в значительной степени определяются необходимостью границы между сообществами. Границы создаются при помощи этнических маркеров, или диакритиков, — элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих [Barth, 1969: 14]. В книге Дж. Армстронга, который применил идеи Барта для анализа национальных сообществ, для обозначения этих маркеров и был предложен термин «символические пограничники» [Armstrong, 1982: 6]. Очевидно, к символическим пограничникам можно отнести не только содержательные элементы культуры (такие, как выделенные еще Бартом одежда, формы хозяйствования, язык, стиль жизни), но и любые семиотические средства, с помощью которых можно создавать, поддерживать и корректировать символическую границу, т. е. отличать одно от другого: названия и изображения на географических картах, награды и музыкальные вкусы, собственно символы и метафоры.

При этом следует принимать во внимание гетерогенность коллективной идентичности, которая существует как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между собой за определение «своих» и «чужих». Борьба ведется как за право проведения границ, так и за выбор самих символических пограничников. Таким образом, для того чтобы укрепить одни символические границы, требуется ослабить альтернативные: создание символических границ включает в себя практики легитимации и делегитимации.

При обосновании правильности собственного варианта проведения границы нередко прибегают к использованию тех маркеров, которые ассоциируются с природными, натуральными, характеристиками человека. Среди таковых особая роль принадлежит гендерным маркерам. Их эффективность в качестве «строительного материала» символических границ определяется, на наш взгляд, тремя важнейшими свойствами гендера. Прежде всего, это его способность выступать в роли дифференцирующего признака. Собственно, само включение гендерной проблематики в исследовательское поле проблем коллективной идентичности берет начало с предложения рассматривать образы мужчин и женщин определенного сообщества в качестве маркеров включения и исключения: Н. Ювал-Дэвис, основываясь на идеях Ф. Барта и Дж. Армстронга, интерпретировала гендерные маркеры как «символических пограничников», которые принимают участие в формировании коллективной идентичности, отделяя одно сообщество от другого [Yuval-Davis, 1997: 23]. Эффективность таких «символических пограничников» в политике определяется тем, что стереотипные представления

о качествах мужчин и женщин, картина отношений полов легко соотносится с личным опытом человека и воспринимаются едва ли не как самые очевидные, понятные, а потому легитимные. Кроме того, это апелляция гендерного дискурса к природным свойствам человека, каковыми в традиционной картине мира воспринимаются половые различия. И наконец, гендерная асимметрия, а также неравенство гендерных моделей позволяют эксплуатировать гендерные маркеры не только для различения «своих» и «чужих», но также для их иерархизации.

Политика советской идентичности 1930—1940-х гг.

Вначале кратко охарактеризуем основные черты советской идентичности, утверждающейся со второй половины 1930-х гг.

В первую очередь она основывалась на приоритете классового принципа над национальным: классовая принадлежность выступала основным дифференцирующим признаком. Соответственно символические границы между классами укреплялись и легитимировались, в то время как альтернативные ослаблялись. Вместе с тем, помимо классовой солидарности и пролетарского интернационализма, с середины 1930-х гг. все большее значение приобретала советская идентичность. Политика советской идентичности не преследовала цели достижения полной культурной гомогенности политического целого. Однако сохраняемые при этом национальные идентичности не должны были вступать в конфликт с идентичностью советской.

Еще одной чертой советской идентичности было признание равенства представителей всех национальностей страны, которое, однако, дополнялось приоритетом русского народа на символическом уровне (что отразилось в концепте «старшего брата», появившемся во второй половине 1930-х гг. [Brandenberger, 2002: 43]).

Наконец, советская идентичность подразумевала определенную открытость внешних символических границ между «своими» и «чужими». В отличие от нации, в которой граница, отделяющая «своих» от внешних «чужих», — это достаточно незыблемый элемент данного сообщества, в советской идентичности подобная незыблемость границ не предполагалась; расширяться могли не только политические границы СССР, но и символические границы советскости: в число «своих», советских людей могли быть включены и граждане других государств.

Среди направлений политики идентичности выделяют, во-первых, создание позитивной коллективной идентичности, т. е. производство образов «своих» и формирование чувства принадлежности к сообществу; во-вторых, обеспечение внутреннего единства через ослабление внутренних символических границ; в-третьих, укрепление внешних символических границ и создание негативной идентичности за счет конструирования образов «чужих» (см. подробнее: [Рябов, 2016]).

Рассмотрим эти три направления применительно к политике советской идентичности 1930—1940-х гг., одним из ведущих акторов которой в исследуемый период был кинематограф, на примере фильма «Цирк» (реж. Г. Александров, 1936). Его вклад в формирование советскости сложно переоценить, причем это происходило благодаря не только режиссуре и игре выдающихся актеров, но и «Песне о Родине» И. Дунаевского и В. Лебедева-Кумача.

Прежде всего, в фильме создается привлекательный «Мы-образ». Хотя образ «нового советского человека», конструируемый кинематографом 1930-х, в большей степени ассоциируется с такими картинами, как, скажем, «Депутат Балтики» (реж. А. Зархи, И. Хейфиц, 1936), «Член правительства» (реж. Ф. Эрмлер, С. Юткевич, 1939), «Трактористы» (реж. И. Пырьев, 1939), «Цирк» тоже внес заметный вклад в создание советскости, ее норм и ценностей, а также образа самой Страны Советов. Включение индивида в политическое сообщество легитимировалось при помощи концепта Советской Родины-матери, который был призван подчеркнуть, что связь советского человека и его страны носит естественный, легитимный и неразрывный характер.

Второе направление политики советской идентичности предполагало ослабление внутренних символических границ, развитие солидарности, в первую очередь между представителями различных национальностей. Здесь также обратим внимание на роль материнского символа страны: Советская Родина для всех является матерью, вне зависимости от национальной принадлежности, все «дети» перед ней равны. В этом плане показательна сцена в цирке, когда колыбельную маленькому Джимми поют представители различных национальностей (хотя нельзя не заметить, что Родина ассоциируется прежде всего с русской женщиной, которая и начинает песню).

Третье направление — укрепление внешних символических границ и создание образов «чужих». Образ капиталистического окружения всегда играл значимую роль в советской идентичности. Внешние символические границы проводились в том числе при помощи гендерных маркеров. В «Цирке» противопоставление гендерных порядков «своих» и «чужих» становится одной из основных тем. Сюжет фильма выстроен вокруг интернационального любовного треугольника: оказавшись в СССР, Мэрион Диксон находит здесь свое счастье. И дело не только в том, что она обретает любовь, впервые чувствует себя счастливой матерью [Барабан, 2008: 50], — советский строй и советская маскулинность помогли обрести ей человеческое достоинство. Из американской актрисы она превращается в советского человека, и в заключительных кадрах фильма Г. Александров и Л. Орлова смогли показать это преобразование. Выбор героини в пользу советского, а не западного мужчины служит средством демонстрации превосходства одной маскулинности над другой (впоследствии этот прием был повторен Голливудом в фильме «Ниночка» и его многочисленных ремейках периода холодной войны).

Девиантность маскулинности фон Кнейшица как представителя мира «чужих» манифестируется в фильме и через телосложение, и через нарушения кодекса чести, и через убогость представлений о том, что нужно любимой женщине. И хотя сюжет фильма связан в первую очередь с расизмом в США, показательно, что олицетворением гендерного порядка «чужих» выбран немец.

Кинематограф Великой Отечественной как актер политики советской идентичности: образы женственности

Свидетельством вклада советского кино в победу, как отмечал министр кинематографии И. Большаков, стало награждение 16 художественных и 12 документальных фильмов Сталинскими премиями, а 490 работников кино —

орденами и медалями Советского Союза⁴. Рассмотрим, как кино в качестве актора символической политики работало с символическими границами для укрепления и корректировки макрополитической идентичности.

Охарактеризуем такое направление политики советской идентичности, как формирование позитивной коллективной идентичности. Создание «Мы-образа» осуществлялось, в частности, при помощи репрезентаций советских женщин как воплощения любви к Родине, чувства собственного достоинства, доброты, сострадания, стойкости и ненависти к врагу. Лейтмотивом большинства публикаций о советских женщинах была идея о том, что в этой войне им есть что защищать⁵; источник патриотизма — их новый статус в социалистическом обществе. Для понимания закономерностей политики советской идентичности важное значение имеет позиция ее самого влиятельного актора — И. Сталина, внимание которого к кинематографу в СССР хорошо известно. Показательна критика, высказанная им в адрес киноповести А. Довженко «Украина в огне» на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) (31 января 1944), связанная с изображением жизни женщины в советской деревне; по его словам, Довженко «не хочет понять, что только колхозы по-настоящему раскрепостили советскую женщину». Он подчеркивает: «Благодаря трудодню колхозница перестала быть экономически зависимой от семьи, от мужа. <...> Это и есть настоящая эмансипация женщины, а не болтовня об эмансипации, которой столь усердно занимались и занимаются буржуазные политики»⁶.

Примером кинорепрезентаций счастливой женщины советской деревни может служить образ трактористки Прасковьи Лукьяновой в начале фильма «Она защищает Родину» (реж. Ф. Эрмлер, 1943). Однако после гибели на фронте мужа и убийства гитлеровцами маленького сына Прасковья меняется. В работе Е. Барбан показано, что эволюция ее образа может служить примером того, как в фильмах военного времени происходит переработка женских образов 1930-х гг. в символ Родины-матери. Канадская исследовательница обращает внимание на то, что характерной приметой внешнего облика женщин становится платок, завязанный таким же способом, как у женской фигуры с плаката И. Тоидзе «Родина-мать зовёт!». Особенно выразительным является образ Федосьи Кравчук в фильме «Радуга» (реж. М. Донской, 1943), в котором сложно не заметить параллели с образом, созданным Тоидзе [там же: 69] (ил. 1). Фигура женщины-матери, символизирующая Родину, становится знаком несокрушимой силы родной земли; она призвана вселять в зрителей уверенность в победе советского народа.

Кроме того, женские персонажи служат олицетворением страдающей Родины, поруганного материнства. На их долю выпадают самые тяжелые испытания (ил. 2). Образы страданий женщин в качестве апелляции к гендерной идентичности мужчин широко используются в военном дискурсе [Yuval-Davis, 1997: 94]. Особый

⁴ *Большаков И.* Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны. М.: Госкиноиздат, 1950. С. 4.

⁵ *Мишакова О.* Женщина в борьбе с фашизмом — могучая сила // *Крестьянка*. 1943. № 3. С. 14.

⁶ *Сталин И.* Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко // *Кино на войне: документы и свидетельства* / авт.-сост. В. И. Фомин. М.: Материк, 2005. С. 383—392.

модус подобных репрезентаций связан с созданием картин бесчестья или насилия, которым женщины подвергаются со стороны врага. Пропаганда активно привлекала такой традиционный прием военного дискурса, как репрезентации врага в качестве насильника [Вашик, 2005: 210; Рябов, 2019]⁷, в том числе в фильмах «Она защищает Родину», «Во имя Родины» (реж. В. Пудовкин, Д. Васильев, 1943).

Таким образом, военная мобилизация — это еще одна функция кинообразов советских женщин.

Ил. 1

Ил. 2

Другим направлением политики советской идентичности была работа с *внутренними символическими границами*. Прежде всего речь шла о национальном единстве: чтобы максимально ослабить символические границы между представителями всех регионов страны, они должны были воспринимать происходящее на Украине или Кавказе, на Волге или под Ленинградом как имеющее к ним непосредственное отношение. В кинофильмах это проявилось в том, что представительницы различных народов страны вносят вклад в победу над общим врагом в армии, в партизанских отрядах, на трудовом фронте. Гендерный дискурс, кроме того, привлекается для ослабления внутренних символических границ за счет использования материнской метафоры: представители всех национальностей — дети общей Советской Родины-матери. Критикуя киноповесть Довженко, Сталин подчеркивал, что если судить о войне по ней, «то в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы». Между тем, по его словам, украинцы понимают, что «бороться за Советский Союз означает бороться за их родную Украину», что «все народы Советского Союза борются за Украину»⁸.

Еще одно обвинение, предъявленное Сталиным Довженко, также показательно для понимания работы с внутренними символическими границами. По оценке Сталина, режиссер замалчивает «известные факты выступлений петлюровцев и других украинских националистов на стороне немецких захватчиков против украинского и всего советского народа». Однако война носит и классовый

⁷ О функциях и формах использования темы изнасилования в политическом символизме см.: [Riabova, Riabov, 2019].

⁸ Сталин И. Указ. соч. С. 391. Вместе с тем обращает на себя внимание усиление роли русского компонента в политике советской идентичности [Синицын, 2018]; в рассматриваемых фильмах, например, свидетельством этого является посвящение кинокартины «Она защищает Родину» — «Русским женщинам посвящаем».

характер: «Остатки разбитых эксплуататорских классов... оказались в одном лагере с нашим лютым врагом — немецкими захватчиками»⁹.

Внутренние «чужие» в интересующем нас аспекте — в первую очередь те женщины, которые сожительствоваали с военнослужащими армии агрессора, так называемые «немецкие овчарки». В кинематографе эта тема была поднята в фильме «Радуга»: Маша (которую все называют «Пуся»), любовница немецкого офицера, предает не только Родину, но и собственного мужа-красноармейца, сражающегося против оккупантов. Проблема любви и верности имела важное значение для политики идентичности; так, в фильме «Жди меня» (реж. А. Столпер, Б. Иванов, 1943) было показано, до какой степени боевой дух воинов Красной армии зависел от того, ждут ли их дома. Для проведения символической границы с внутренними «чужими» создатели фильма делают Пуся максимально отличающейся от тех женщин деревни, которые помогают партизанам. К примеру, ее внешность, а также прическа и одежда, напоминающие немку с карикатур, напечатанных в «Крокодиле» (канон к этому времени был сформирован прежде всего в сатирической графике [Рябов, 2019]), контрастируют со славянской внешностью ее сестры Ольги. Еще одним символическим пограничником служит платок: в деревне только Пуся носит шляпки (ил. 3). Ту же функцию выполняет такой маркер, как отсутствие у нее детей, в то время как большинство женщин деревни — многодетные матери. Наделение ее образа такими чертами, как алчность, жестокость, глупость, трусость, эгоизм и неспособность любить никого, кроме себя, призвано объяснить ее предательство.

Ил. 3

Ил. 4

Еще один образ «немецкой овчарки» создан в фильме «Поединок» (реж. В. Легошин, 1944), рассказывавшем о попытке группы диверсантов, посланных в СССР, похитить советского ученого — изобретателя новой военной техники. В числе диверсантов, внутренних «чужих», — бывший провокатор царской охраны; сын кулака, дезертировавший из Красной армии; дочь беглого петлюровского офицера; «адвокат, репрессированный советской властью за взятки и злоупотребления», а также Ирина — «модистка», ставшая любовницей немецкого офицера. Ее моральный облик раскрывает такой факт биографии, как отказ в приеме в комсомол из-за «дурного поведения»; ее распущенность подчеркивается в фильме неоднократно. Ирина и внешне схожа с Пусей: жеманные манеры, вульгарный смех, обилие косметики (ил. 4).

⁹ Сталин И. Указ. соч. С. 384.

Наконец, проанализируем роль контрастирования «своей» и «чужой» женственности в проведении *внешних символических границ*. Как было отмечено в начале статьи, противопоставление гендерных порядков СССР и нацистской Германии играло заметную роль в советской пропаганде. Квинтэссенция идеологии врага представлена так: «Все народы стоят ниже немцев, а у каждого народа женщина ниже мужчины»¹⁰. Не только женщины покоренных фашистами стран Европы, но и немецкие женщины были представлены в качестве жертв нацизма: по меньшей мере, до второй половины 1942 г. советская пропаганда придерживалась классового подхода, выработанного в 1930-х гг. [Григорьева, 2008: 15].

Очевидно, именно такой подход отразился в фильме «Убийцы выходят на дорогу» (реж. В. Пудовкин, Ю. Тарич, 1942). Фильм не появился на экранах страны; правдоподобным выглядит следующее предположение о причине этого: установка картины на показ «двух Германий», вытекающая из довоенных интернационалистических традиций, оказалась в противоречии с образом врага, который утверждается в пропаганде с середины 1942 г. [Марголит, Шмыров, 1995: 84]. Действительно, кто-то из немок открыто возмущается нацистскими порядками, кто-то прячет свое недовольство, пытаясь к ним приспособиться, но все они вызывают сочувствие. Гитлеризм же предстает как сила, едва ли не внешняя по отношению к немцам. Иными словами, классовые границы по-прежнему рассматриваются как приоритетные. Очевидно, в условиях, когда появляются такие образцы пропаганды, как «Наука ненависти» М. Шолохова, «Убей его!» К. Симонова, «Убей!» И. Эренбурга, подобный подход в кино выглядит анахронизмом.

Классовый подход ставил в тупик создателей фильмов и в дальнейшем. Так, М. Ромм признавался, что, приступая к работе над фильмом «Человек № 217» (1944), посвященном судьбе советских людей, угнанных нацистами на работы в Германию, он столкнулся с «деликатным вопросом о немецком рабочем классе»: «Мы не могли найти никаких материалов не только о деятельности каких-либо подпольных рабочих организаций, но даже об отдельных случаях хорошего отношения к нашим товарищам или помощи им»¹¹. Именно поэтому режиссер решил снимать фильм о «домашнем рабстве», хотя физически самым страшным было рабство именно на фабриках и заводах.

Фильм «Человек № 217» представляет для нас особый интерес, поскольку кинообраз женщин нацистской Германии получил в нем наиболее яркое воплощение. Советская девушка Татьяна Крылова, которая попала в семью бакалейщика Иоганна Краусса, лишилась не только свободы и всех прав, но и имени: теперь она — «человек № 217». Краусс, как характеризуют его советские персонажи фильма, — «обыкновенный средний немец»; город, в котором происходит эта история, — «обыкновенный немецкий город, похожий на все немецкие города». Словом, фильм призван показать типичную семью нацистской Германии.

В репрезентациях жены Краусса и его дочери Лотты можно выделить два компонента: один традиционно используется в политике советской идентичности для укрепления символических границ с капиталистическим миром, другой характерен именно для репрезентаций женщин нацистской Германии.

¹⁰ Гопнер С. Что несет фашизм женщинам // Работница. 1942. № 15. С. 4.

¹¹ Ромм М. И. О себе, о людях, о фильмах. М.: Искусство, 1982. URL: https://royallib.com/read/romm_mihail/o_sebe_o_lyudyah_o_filmah.html#0 (дата обращения: 10.12.2019).

Наиболее примечательной чертой образов этих немок была жестокость. Отсутствие доброты, милосердия, сострадания часто используется для демонстрации гендерной девиантности «чужих» женщин. В данном случае, однако, важно, что их бесчеловечность обусловлена нацистскими воззрениями: они считают себя представительницами высшей расы, а советских людей — недочеловеками. Как отметил М. Ромм, когда он слушал рассказы советских людей, вернувшихся из германского рабства, более всего его поражала не жестокость немцев, а «полное, искреннее непонимание, что русские — это люди»¹². Очевидно поэтому он сделал дискуссии о человечности одной из главных тем фильма. Антропологический дискурс традиционно используется в политике идентичности для проведения границ между «своими» и «чужими». В этом фильме подчеркивается, что право считаться человеком определяется не национальностью, а умением вести себя по-человечески.

Другая черта репрезентаций буржуазных женщин в советской картине мира — алчность. Денежные вопросы для немок важнее семейных уз и любви и в этом фильме. Однако был еще один модус жадности, связанный с темой мародерства гитлеровцев. Большой резонанс в СССР вызвала история о том, как немка написала письмо своему мужу, воюющему на Восточном фронте, с просьбой присылать детские вещи, даже если они будут в крови... Кукрыниксы посвятили этой теме известную карикатуру «Пятна крови», а С. Маршак — стихотворение¹³. И в анализируемом фильме нашел отражение этот важный в пропагандистском отношении сюжет: заботливый сын Макс присылает с Восточного фронта в семью Крауссов детские вещи.

Заслуживают внимания и образы немок, созданные в короткометражном фильме «Юный Фриц» (реж. Г. Козинцев, Л. Трауберг, 1943) по сценарию С. Маршака. Хотя фильм был положен на полку [там же: 90—91], он характерен для политики советской идентичности: для создания картины тотальной инаковости Германии символические границы укреплялись за счет противопоставления советской и немецкой женственности. Выразительна сцена, в которой Фриц выбирает себе невесту: образцом «расово чистой арийской женственности» фактически объявляется корова (ил. 5). Высмеивание так называемых брачных пунктов, созданных в Германии для «сохранения чистоты арийской расы» и увеличения рождаемости (речь, очевидно, шла о программе «Лебенсборн»), было излюбленной темой советской сатиры [Рябов, 2019: 87]. В этом видели, с одной стороны, проявление мизогинии фашизма, приравнивавшего женщин к самкам животных, с другой — показатель того, насколько расистские предрассудки затуманили сознание

Ил. 5

¹² Там же.¹³ Кукрыниксы, Маршак С. Урок истории. М.: ОГИЗ, 1942. С. 46—47 (см. подробнее: [Рябов, 2019: 88]).

немок: во имя «крови и почвы» они не придают значения вопросам женского достоинства. Образ мамы Фрица, которая, разделяя взгляды нацистов, гордится «успехами» сына, позволяет авторам фильма поставить вопрос об ответственности родителей гитлеровцев за их преступления.

К проблеме ответственности немецких женщин советский кинематограф обращается и в дальнейшем. В заключительных кадрах фильма «Человек № 217» Таня произносит страстный монолог, который выглядит как закономерный вывод, сделанный после перенесенных ею испытаний: «Они [немцы] говорят, что виноваты только их фюреры. Один, пятьсот, тысяча. Ну, пять тысяч фюреров. Ложь! Пусть узнают, что такое война! Наши идут! <...> Наше горе идет по ихней земле! <...> Горе убийцам!» В «Радуге» устами Федосьи еще высказана надежда, что немки просто не ведают, что творят их мужья, сыновья, братья на территории Советского Союза, иначе, несомненно, прокляли бы их. Этой надежды заметно меньше в картине «Во имя Родины», героиня которой, Марфа Петровна Сафонова, перед казнью говорит немецкому офицеру: «Хотела бы я, господин капитан, полететь в города ваши немецкие, взять ваших матерей за шиворот и перенести их сюда по воздуху. И показать им сверху, кого они на свет народили, каких жаб на свет родили, гадюк каких. И если б не прокляли они вас после этого, то убила бы их вместе с вами, сыновьями ихними».

Подводя итоги, подчеркнем, что одной из целей статьи было привлечь внимание к возможности применения «граничного подхода» в гендерных исследованиях, продемонстрировав его эвристический потенциал на примере политики советской идентичности.

Символические границы — важнейший компонент формирования и корректировки коллективной идентичности — создаются при помощи различных семиотических средств; гендерные маркеры обладают особенной эффективностью, поскольку использование их позволяет приблизить политическую проблематику к личному опыту каждого индивида. Это объясняет востребованность гендерной риторики за пределами обсуждения собственно вопросов гендерных отношений. В то же время необходимо учитывать обратное влияние: проведение, корректировка, уничтожение символических границ акторами политики идентичности становится фактором, оказывающим воздействие на каноны маскулинности и фемининности. Например, сегодня гендерные маркеры активно используются в противостоянии России и Запада в риторике как отечественных, так и западных политиков для работы с символическими границами; в свою очередь, эта конфронтация влияет на гендерные отношения и в России, и в странах Запада [Riabova, Riabov, 2019].

В настоящей статье роль символических границ исследовалась на материале советского кинематографа Великой Отечественной. Политика советской идентичности предполагала формирование позитивной коллективной идентичности. Кинообразы женщин вносили значительный вклад в создание «Мы-образа» советского народа, акцентируя в нем такие черты, как человечность, жертвенность, нравственность, показывая прогрессивность и справедливость социально-политического строя СССР и его превосходство над нацистскими порядками. Советские женщины не только защищали Родину, но и олицетворяли ее. Кинообразы женщин

выступали еще одной ипостасью Родины и напоминали о ее несокрушимой силе, равно как и необходимости ее защищать.

Кроме того, политика советской идентичности преследовала цель укрепить внутреннее единство, ослабить символические границы между представителями различных национальностей, и кинообразы женщин также содействовали этому. В то же время образы «немецких овчарок», внутренних «чужих», служили демонстрацией того, что измена Родине и нарушение советских гендерных норм идут рука об руку.

Наконец, укреплению советской идентичности способствовало проведение внешних символических границ. Следует заметить, что немецкие женщины не показаны как враги в полном смысле: они почти никогда не являются участниками военного противостояния (исключение — Амалия Карлсон, шпионка из фильма «Поединок»), в кинокартинах отсутствуют сцены убийства немок (в отличие, например, от сцены убийства Пуси, осуществляемого руками ее мужа-красноармейца), призывы к причинению им физической боли; они любят своих детей и страдают от гибели их на фронте. Однако, изображая немецких женщин как жертв нацизма, пропаганда в то же время показывает вовлеченность многих из них в преступления гитлеризма. Негативный образ немок формировался как антипод идеалу советской женщины. Поэтому, помимо типичных для военной пропаганды репрезентаций женщин врага как отклоняющихся от канонов традиционной женственности, использовалось приписывание им тех черт, которые противопоставляли их «своим» — отсутствие достоинства, смелости и интеллекта. Такие репрезентации способствовали созданию эффективного образа врага, помогали выполнять его функции [Рябов, 2019: 85], порождать чувства опасности, презрения, отвращения, нравственного превосходства и уверенности в победе.

Библиографический список

- Ачкасов В. А.* Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 4. С. 71—77.
- Багдасарян В. Э.* Образ врага в исторических фильмах 1930—1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 37—41.
- Барабан Е. В.* «Родина-мать» в советском кино 1941—1945 годов // Границы: альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ / под ред. О. В. Рябова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. Вып. 2: Визуализация нации. С. 37—70.
- Вашик К.* Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30—50-х годов // Образ врага / под ред. Л. Гудкова. М.: ОГИ, 2005. С. 191—229.
- Григорьева О. И.* Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933—1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 28 с.
- Колесникова А. Г.* Образ немца в советском художественном кинематографе периода Великой Отечественной войны: к проблеме межнационального восприятия // Клио. 2013. № 11. С. 92—95.
- Колосов В. А., Туровский Р. Ф.* Типология новых российских границ // Известия РАН. Сер. географическая. 1999. № 5. С. 39—47.
- Марголит Е., Шмыров В.* Изъятые кино, 1924—1953. М.: Дубль-Д, 1995. 132 с.

- Назукина М. В.* Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2014. № 3. С. 137—150.
- Орлова А. С.* Способы воплощения «образа врага» в советском киноискусстве 1940-х годов: (на материале художественных фильмов о Великой Отечественной войне) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 4. С. 27—31.
- Рябов Д. О.* Образ России в политике европейской идентичности ЕС: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 173 с.
- Рябов О. В.* Женщины нацистской Германии в зеркале советской карикатуры: (на материале журнала «Крокодил») // Уральский исторический вестник. 2019. № 3. С. 84—92.
- Рябов О. В.* Политика идентичности и символические границы // Символическая политика / под ред. О. Ю. Малиновой. М.: ИНИОН, 2017. Вып. 5: Политика идентичности. С. 41—60.
- Синицын Ф. Л.* Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР, 1933—1945. М.: Центрполиграф, 2018. 543 с.
- Чистякова В. О.* Отечественное военное кино 1911—2011 годов: медиатизация памяти // Культурологический журнал. 2013. № 3. С. 1—14.
- Armstrong J.* Nations before Nationalism. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. 411 p.
- Barth F.* Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organisation of Culture Difference / ed. by F. Barth. Bergen: Universitetsforlaget, 1969. P. 9—38.
- Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 378 p.
- Carter S., Dodds K.* International Politics and Film: Space, Vision, Power. New York: Columbia University Press, 2014. 126 p.
- Jenkins R.* Boundaries and borders // Nationalism, Ethnicity and Boundaries: Conceptualising and Understanding Identity through Boundary Approaches / ed. by J. Jackson, L. Molokotos-Liederman. London: Routledge, 2015. P. 11—27.
- Kuus M.* Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe // Progress in Human Geography. 2004. Vol. 28, № 4. P. 472—489.
- Lamont M., Molnar V.* The study of boundaries in the social sciences // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. P. 167—195.
- Oommen T. K.* Contested boundaries and emerging pluralism // International Sociology. 1995. Vol. 10, № 3. P. 251—268.
- Paasi A.* Europe as a social process and discourse considerations of place, boundaries and identity // European Urban and Regional Studies. 2001. Vol. 8, № 1. P. 7—28.
- Riabova T., Riabov O.* The “Rape of Europe”: 2016 New Year's Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media // Communist and Post-Communist Studies. 2019. Vol. 52, № 1. P. 145—154.
- Youngblood D.* Russian War Films: on the Cinema Front, 1914—2005. Lawrence: University Press of Kansas, 2006. 319 p.
- Yuval-Davis N.* Gender and Nation. London: Sage Publications, 1997. 157 p.

References

- Achkasov, V. A. (2013) Politika identichnosti v sovremennom mire [Identity policy in the modern world], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, seriia 6, Filosofii, Kul'turologiia, Politologii, Pravo, Mezhdunarodnye otnosheniia, no. 4, pp. 71—77.
- Armstrong, J. (1982) *Nations before Nationalism*, Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Bagdasarian, V. E. (2003) Obraz vraga v istoricheskikh fil'makh 1930—1940-kh godov [The image of the enemy in historical films of the 1930—1940s], *Otechestvennaia istoriia*, no. 6, pp. 37—41.
- Baraban, E. V. (2008) “Rodina-mat’” v sovetskom kino 1941—1945 godov [“Motherland” in the Soviet cinema of 1941—1945], in: Riabov, O. V. (ed.) *Granitsy: Al'manakh Tsentra étnicheskikh i natsional'nykh issledovaniĭ IvGU*, iss. 2: Vizualizatsiia natsii, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 37—70.
- Barth, F. (1969) Introduction, in: Barth, F. (ed.), *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference*, Bergen: Universitetsforlaget, pp. 9—38.
- Brandenberger, D. (2002) *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931—1956*, Cambridge: Harvard University Press.
- Carter, S., Dodds, K. (2014) *International Politics and Film: Space, Vision, Power*, New York: Columbia University Press.
- Chistiakova, V. O. (2013) Otechestvennoe voennoe kino 1911—2011 godov: mediatizatsiia pamiati [Domestic war cinema of the 1911—2011: memory mediation], *Kul'turologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 1—14.
- Grigor'eva, O. I. (2008) *Formirovanie obraza Germanii sovetskoĭ propagandoĭ v 1933—1941 gg.*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The formation of the image of Germany by Soviet propaganda in 1933—1941: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Jenkins, R. (2015) Boundaries and borders, in: Jackson, J., Molokotos-Liederman, L. (eds), *Nationalism, Ethnicity and Boundaries: Conceptualising and Understanding Identity through Boundary Approaches*, London: Routledge, pp. 11—27.
- Kolesnikova, A. G. (2013) Obraz nemtsa v sovetskom khudozhestvennom kinematografe perioda Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny: k probleme mezhnatsional'nogo vospriiatiia [The image of a German in Soviet art cinema during the Great Patriotic War: on the problem of interethnic perception], *Klio*, no. 11, pp. 92—95.
- Kuus, M. (2004) Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe, *Progress in Human Geography*, vol. 28, no. 4, pp. 472—489.
- Lamont, M., Molnar, V. (2002) The study of boundaries in the social sciences, *Annual Review of Sociology*, vol. 28, pp. 167—195.
- Margolit, E., Shmyrov, V. (1995) *Iz'iatoe kino, 1924—1953* [Seized movie, 1924—1953], Moscow: Dubl'-D.
- Nazukina, M. V. (2014) Novye tendentsii v politike identichnosti na regional'nom urovne v Rossii: aktory, spetsifika, trendy [New trends in identity politics at the regional level in Russia: actors, specifics, trends], *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, no. 3, pp. 137—150.
- Kolosov, V. A., Turovskii, R. F. (1999) Tipologii novykh rossiiskikh granits [Typology of new Russian borders], *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk*, seriia geograficheskaia, no. 5, pp. 39—47.
- Oommen, T. K. (1995) Contested boundaries and emerging pluralism, *International Sociology*, vol. 10, no. 3, pp. 251—268.
- Orlova, A. S. (2015) Sposoby voploshcheniia “obraza vraga” v sovetskom kinoiskusstve 1940-kh godov: (na materiale khudozhestvennykh fil'mov o Velikoĭ Otechestvennoĭ

- voïne) [Ways to implement the “image of the enemy” in Soviet cinema of the 1940s: (Based on feature films about the Great Patriotic War)], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, no. 4, pp. 27—31.
- Paasi, A. (2001) Europe as a social process and discourse considerations of place, boundaries and identity, *European Urban and Regional Studies*, vol. 8, no. 1, pp. 7—28.
- Riabov, D. O. (2016) *Obraz Rossii v politike evropeiskoi identichnosti ES*: Dis. ... kand. polit. nauk [The image of Russia in the EU European identity policy: Diss. (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Riabov, O. V. (2017) Politika identichnosti i simvolicheskie granitsy [Identity policy and symbolic borders], in: Malinova, O. Iu. (ed.), *Simvolicheskaia politika*, iss. 5: Politika identichnosti, Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam, pp. 41—60.
- Riabov, O. V. (2019) Zhenshchiny natsistskoi Germanii v zerkale sovetskoi karikatury: (Na materiale zhurnala “Krokodil”) [Women of Nazi Germany in the mirror of Soviet caricature: (Based on the material of the Crocodile magazine)], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3, pp. 84—92.
- Riabova, T., Riabov, O. (2019) The “Rape of Europe”: 2016 New Year’s Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 52, no. 2, pp. 145—154.
- Sinitsyn, F. L. (2018) *Sovetskaia natsiia i voina. Natsional'nyi vopros v SSSR, 1933—1945* [Soviet nation and war. The national question in the USSR, 1933—1945], Moscow: Tsentrpoligraf.
- Vashik, K. (2005) Metamorfozy zla: nemetsko-russkie obrazy vraga v plakatnoi propagande 30—50-kh godov [Metamorphoses of evil: German-Russian images of the enemy in poster propaganda of the 30—50s], in: Gudkov, L. (ed.), *Obraz vraga*, Moscow: OGI, pp. 191—229.
- Youngblood, D. (2006) *Russian War Films: On the Cinema Front, 1914—2005*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Yuval-Davis, N. (1997) *Gender and Nation*, London: Sage Publications.

Статья поступила 12.12.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, Riabov1@inbox.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 2. P. 26—37
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.3

Женщина в российском обществе
2020. № 2. С. 26—37
ББК 72.5(2)
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.3

РОССИЙСКИМ ГЕНДЕРНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ 30 ЛЕТ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВЫ

З. А. Хоткина

Институт социально-экономических проблем народонаселения,
Российская академия наук, г. Москва, Россия,
Zoya-alex2012@yandex.ru

Представлен ретроспективный анализ 30-летнего периода (1990—2020) становления и развития российских гендерных исследований, в котором выделены три условных этапа, отличающихся своеобразием задач и результатов, а также внешними контекстуальными факторами. Особое внимание уделено современному периоду, когда основополагающие идеи гендерного равенства начали находить отражение в меняющемся российском законодательстве. В статье приведены результаты и намечены перспективные направления российских гендерных исследований, в том числе связанные с появлением в Интернете гендерного пространства.

Ключевые слова: гендер, институционализация гендерных исследований, гендерная дискриминация, гендерное равенство, дискурсивное пространство.

30 YEARS OF RUSSIAN GENDER STUDIES: RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVES

Z. A. Khotkina

Institute of Social and Economic Problems of Population,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, Zoya-alex2012@yandex.ru

A retrospective analysis of the thirty-year period (1990—2020) of the formation and development of Russian gender studies is presented, in which identified are three conditional stages, characterized by the originality of the tasks solved and the results achieved, as well as the influence of external contextual factors: the first stage — the period of formation and institutionalization of gender studies in the Russian Academy and higher school, which received in the scientific literature on gender studies the name “gender 90s”, as a reflection of the rapid

© Хоткина З. А., 2020

В публикации отражены результаты исследования по теме НИР ИСЭПН РАН № 0165-2019-0001 «Гендерные аспекты социально-экономической динамики современной России» в рамках государственного задания на 2019 г.

start of a new scientific direction in the 90s of the XX c.; the second stage — the inclusion of gender studies in the Russian context through the understanding and analysis of Russian material and problems. This stage covers the first decade of the XXI c. (2000—2009), and can be conditionally designated as the period of “transition of quantity into quality”; the third stage — the development of gender in the digital age is associated with the continuation of Russian gender studies in context of digitalization and the emergence of a network society, as the main challenges of the last decade of the XXI c. (2010—2020). Special attention in the article is paid to the modern period, in which the fundamental ideas of gender equality began to be reflected in the changing Russian legislation: in 2018, the Ministry of Labor of the Russian Federation reduces the list and types of work professions prohibited for women from 456 to 100. This is the result of many years of demand from both international and Russian women’s organizations and researchers. 2019 — Russia has resumed work on preparations for the adoption of the federal law “On the fundamentals of the system of prevention of family (domestic) violence in the Russian Federation”. More than 900 thousand people signed a petition on the adoption of the law posted on Rунet, while opponents of the law collected only 19 thousand signatures. The article presents the results and outlines promising directions of Russian gender studies, including those related to the emergence of a virtual gender space on the Internet.

Key words: gender, institutionalization of gender studies, gender discrimination, gender equality, discursive space.

Введение

Гендерным исследованиям в России — 30 лет. В качестве точки отсчета взят 1990 г., когда в рамках Российской академии наук, в Институте социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН РАН), была создана лаборатория, в официальном названии которой впервые был использован термин «гендер». Появление в России нового научного направления — результат стечения многих обстоятельств и факторов как объективного, так и субъективного характера. Заканчивалась перестройка, в обществе и науке был ярко выражен запрос на обновление: «Появление новых научных парадигм и теорий, как правило, бывает вызвано необходимостью переосмысления изменившейся действительности, когда старые категории и методы изучения общественных явлений оказываются уже малопригодными» [Хоткина, 2000: 22]. Это в полной мере относилось к необходимости переосмысления положения женщин в российском обществе, что и было сделано в опубликованной в 1989 г. в журнале «Коммунист» статье «Как мы решаем женский вопрос» [Посадская и др., 1989]. Ее авторы Н. Римашевская, А. Посадская и Н. Захарова не только дали оценку разным подходам (патриархатный, экономический, демографический и эгалитарный) к решению женского вопроса в советский период, но и обосновали необходимость развивать современную междисциплинарную методологию изучения социального неравенства, обусловленного полом, т. е. гендерный подход.

Безусловно, 30 лет — небольшой срок для научного направления, но принято считать, что за этот период происходит смена поколений. Поэтому можно констатировать, что, несмотря на смену поколений, российские гендерные исследования продолжают. Это значит, что они доказали свою научную состоятельность, востребованы у специалистов и молодежи, их воспроизводство

происходит на собственной основе, а следовательно, у гендерных исследований в России есть будущее.

Цель статьи — попытка ретроспективного анализа 30-летнего периода становления и развития российских гендерных исследований сквозь призму достигнутых результатов, что дает возможность лучше понять и обозначить перспективы их дальнейшего развития.

Институционализация гендерных исследований в российском академическом и образовательном пространстве

Юбилей — это не только возможность подвести итоги, но и повод отдать дань признательности тем, кто внес неоценимый вклад в становление и развитие российских гендерных исследований.

Появление гендерных исследований в России связано с именем *Н. М. Римашевской*. Это стало возможно благодаря ее открытости новым идеям. Талант открывать новое в науке дан не каждому. Н. М. Римашевская обладала таким талантом. Более того, она обладала необходимыми ресурсами — авторитетом ведущего российского ученого и возможностями администратора (директора института), чтобы новое направление в науке получило официальную легитимацию в рамках Академии наук. Созданная ею в 1990 г. в ИСЭПН РАН Лаборатория гендерных исследований (позднее переименованная в Лабораторию гендерных проблем) и сегодня продолжает успешно заниматься социально-экономическими гендерными исследованиями.

Как известно, для успешного развития нового научного направления необходимо, чтобы оно могло воспроизводиться на собственной основе за счет профессиональных кадров. Благодаря научному авторитету и организаторскому таланту *О. А. Хасбулатовой*, уже в середине 90-х, всего через четыре года после возникновения российских гендерных исследований, они были институционализированы в системе высшего образования России. И это еще один юбилей — 25-летие преподавания гендерной науки в российских вузах. Созданные ею в середине 90-х гг. на базе Ивановского государственного университета научно-образовательные программы, а затем межвузовский научный центр и научный журнал «Женщина в российском обществе» позволили решать важные задачи «расширения научно-образовательного поля, увеличения объемов издания научной и научно-методологической литературы в области гендерных исследований, распространения идей о путях достижения равноправия полов среди широких кругов общественности» [Хасбулатова, 2001: 5].

Этапы развития гендерных исследований в России

Чтобы проанализировать 30-летний период становления и развития гендерных исследований в России, были условно выделены три этапа, каждый из которых отражает как определенную логику их внутреннего развития, так и изменения общественно-политического контекста в стране, выступавшего в качестве важного внешнего фактора данного процесса. Кратко охарактеризуем каждый из этапов.

1. *Становление и институционализация гендерных исследований* в России. В научной литературе этот этап получил название «гендерные 90-е» как отражение бурного старта нового научного направления в 90-х гг. XX в.

2. *Вписывание гендерных исследований в российский контекст* через осмысление и анализ российского материала и проблем. Этап пришелся на первое десятилетие XXI в. (2000—2009 гг.) и условно может быть обозначен как период перехода количества в качество.

3. *Развитие гендера в цифровую эпоху*. Этап связан с продолжением российских гендерных исследований в условиях цифровизации и появления сетевого общества как главных вызовов последнего десятилетия XXI в. (2010—2020 гг.).

Ретроспективный анализ становления и развития гендерных исследований в нашей стране, по словам Т. Ю. Дашковой, «имеет смысл рассматривать в двух взаимосвязанных между собой ракурсах: образования институций и формирования дискурсивного пространства, которые определили конфигурацию гендерных исследований в постсоветском гуманитарном и общественном знании» [Дашкова, 2003: 206]. Представленный в нашей статье материал, с одной стороны, имеет характер авторской интерпретации анализируемых проблем и событий, а с другой — не может быть ничем иным, как упрощенной схемой, в которой невозможно учесть ни всего многообразия проблем, связанных с институционализацией и развитием гендерных исследований в России, ни множества различий между школами, группами и направлениями, существующими в этом интеллектуальном поле.

Первый этап становления и институализации гендерных исследований в России характеризуется прежде всего тем, что в этот период началось теоретическое осмысление и, главное, — публичное проговаривание проблемы пола в культуре, науке и общественной жизни [Здравомыслова О., 2009]. Отличительной чертой 90-х гг. XX в. был настрой на преобразования и обновление, который сформировал общественный запрос на новое знание об обществе, в том числе о том, какие роли отводятся в нем мужчинам и женщинам.

Институционализация российских гендерных исследований в 90-х гг. происходила на разных уровнях и по нескольким направлениям, одни из которых были характерны лишь для начальной стадии, другие не потеряли своей значимости и сегодня. К числу наиболее важных событий и институтов, которые характеризуют первый этап, по нашему мнению, могут быть отнесены следующие:

— создание гендерных центров при университетах, академических институтах, а также в статусе общественных организаций (большинство из них в настоящее время прекратили свое существование);

— внедрение гендерных исследований в образовательные программы российских вузов как отражение важного итога институционализации и легитимации, причем многие из этих программ остаются действующими;

— формирование научного гендерного сообщества исследователей, которые, несмотря на различия в подходах, продолжают активно взаимодействовать, участвуя в конференциях, семинарах и летних школах по гендерной тематике;

— создание российского национального механизма по гендерному равенству, в который вошли комитеты и комиссии при президенте, Государственной думе, Министерстве труда и др. Создание государственных структур, являвшихся

элементами такого механизма, и разработка ими «Национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г.» может рассматриваться как проявление институционализации гендерных исследований на государственном уровне, что сегодня утрачено;

— формирование экспертного сообщества гендерных исследователей, входивших в советы, комитеты и комиссии российского национального механизма по гендерному равенству и представлявших Россию на международном уровне, что продолжается и на нынешнем этапе;

— прецедент новой конфигурации взаимодействия социального движения и науки. Организация и проведение академическими учеными Независимых женских форумов в Дубне (1991—1992 гг.) способствовали консолидации вновь созданных российских общественных женских организаций в независимое женское движение, которое в настоящий период практически не существует;

— создание и успешное начало работы кризисных центров и телефонов доверия для женщин, которые оказывали практическую помощь наиболее слабо защищенным социальным слоям женщин, подвергавшихся насилию. Актуальность деятельности этих организаций не утрачена;

— попытка создания российского законодательства по вопросам гендерного равенства, а также направленного на защиту женщин от дискриминации и насилия, в разработке которого принимали участие специалисты и эксперты по гендерным исследованиям. К сожалению, эта деятельность не увенчалась успехом, а разработанные в конце 90-х гг. законы по гендерному равенству и предотвращению домашнего насилия так и не были приняты. Однако о необходимости подобного законодательства в России свидетельствует тот факт, что Совет Федерации вернулся к разработке проекта Федерального закона «Об основах системы профилактики семейного (бытового) насилия в Российской Федерации» [Информация... , 2019].

Можно констатировать, что процесс становления гендерных исследований в России на первом этапе их развития может быть представлен как поступательный и включающий в себя различные стратегии и тенденции институционализации.

Не менее успешно на первом этапе происходило формирование нового дискурсивного пространства, связанного с развитием российских гендерных исследований. По словам Т. Ю. Дашковой, «провозглашение идеалов демократии и свободного рынка сопровождалось в тот момент распространением дискурса “прав женщин” и гендерного равноправия» [Дашкова, 2003: 207]. Гендерные исследования ввели в российскую научную и общественную дискуссию такие термины и понятия, как «гендер», «гендерная дискриминация», «насилие против женщин», «сексизм» и другие, которые делали акцент на неравенстве и асимметрии доступа мужчин и женщин к ресурсам. Формирование и расширение нового дискурсивного пространства было связано в первую очередь с нарастанием потока публикаций по гендерной тематике, инициированных специалистами по гендерным исследованиям как в научных журналах, так и в СМИ. Этот процесс начался с первого этапа и активно продолжается до настоящего времени.

Таким образом, начиная с 1990-х гг. в России происходит, с одной стороны, постепенная интеграция гендерного подхода в основное русло социального и гуманитарного знания (включая высшее образование), а с другой — расширение

в российском социуме дискурсивного пространства по проблемам гендерного неравенства.

Второй этап развития российских гендерных исследований (2000—2009 гг.) протекал в кардинально изменившихся в стране общественно-политических условиях, поэтому внешне выглядел как ситуация отхода от достигнутого в 90-х гг. О. Здравомыслова писала: «В первом десятилетии 2000-х идеологическим и политическим приоритетом стала не демократизация, а стабильность и укрепление “властной вертикали”. Составляющая новой концепции — стремление ограничивать и контролировать гражданскую и политическую активность женщин, а также пространство общественной дискуссии по гендерной проблематике. Теперь в ней доминируют темы демографических угроз и укрепления традиционной семьи, а терминология “равных возможностей” фактически поглощена привычным советским определением “проблемы семьи, материнства и детства”» [Здравомыслова О., 2009]. Такая трансформация социальной политики государства в отношении женщин получила в литературе название «консервативный поворот». В это время предпринимается попытка применения к женщинам «дисциплинарной политики» (М. Фуко), направленной на запрет аборт, которая, однако, не увенчалась успехом, поскольку получила резко отрицательный резонанс со стороны не только женщин, но и всего прогрессивного российского общества.

Российская государственная социальная политика в начале XXI в. утратила гендерную составляющую, так как концепт женщины был заменен в ней концептом семьи. Поэтому даже на формальном уровне был явно обозначен отход от задач формирования в нашей стране общества гендерного равенства, декларировавшегося в 1990-х гг. В институциональном плане это нашло выражение в демонтаже национального механизма по гендерному равенству, когда в ходе административной реформы (2004 г.) было ликвидировано его центральное звено — Комиссия по вопросам положения женщин в Российской Федерации. Одновременно в государственных структурах исполнительной власти были реорганизованы подразделения, в обязанности которых входило проведение политики в отношении женщин, что привело к закрытию существовавших при них комитетов и комиссий, ранее входивших в российский национальный механизм по гендерному равенству. Постепенно стали закрываться многие гендерные центры, лишившиеся не только грантовой поддержки со стороны зарубежных фондов, но и социального заказа со стороны региональных административных структур. Однако финансовая поддержка образовательных гендерных программ Министерством образования РФ при этом продолжалась.

В новых условиях, в результате разрушения национального механизма по гендерному равенству, значительно сузилось дискурсивное поле обсуждения гендерной проблематики на государственном уровне, поэтому общественные дискуссии на гендерные темы постепенно переместились в научные журналы и на конференции. Снижение градуса активизма гендерных исследований в общественной сфере привело к его повышению в сфере науки и публикаций. Второе десятилетие развития гендерных исследований отмечено значительным количеством докторских диссертаций и монографий, которые были написаны на отечественном материале и по актуальным для российского общества проблемам.

На смену редким авторским учебным курсам пришли учебники и хрестоматии, раскрывавшие теоретические и методологические основы данного научного направления. Возможности публикации результатов гендерных исследований и дискуссий на актуальные для России темы расширились не только за счет появления гендерных рубрик в академических журналах, таких как «Социологические исследования», «Народонаселение», «Общественные науки и современность», но и за счет того, что с 1996 г. начал регулярно издаваться учрежденный Ивановским государственным университетом научный журнал «Женщина в российском обществе», для которого гендерная тематика стала приоритетной.

Следует отметить, что институциональная динамика российских гендерных исследований на втором этапе их развития не только не прекратилась, но вышла на новый, более высокий уровень за счет накопления интеллектуального и общественного капитала. Это нашло выражение в том, что к данному времени окончательно сложились несколько научных школ, каждая из которых характеризовалась своей приоритетной тематикой, но при этом, в большей или меньшей степени, придерживалась общей для всех методологии гендерных исследований. В числе наиболее значимых российских научных школ, занимающихся гендерными исследованиями, могут быть отмечены такие, как:

— Петербургская, сформировавшаяся вокруг Европейского университета и СПбГУ и характеризовавшаяся приоритетом исследований и публикаций социологической направленности;

— Ивановская, уделяющая приоритетное внимание историко-философской исследовательской и публикационной активности;

— Московская, ядро которой составили ученые и преподаватели МЦГИ, ИСЭПН РАН и МГУ, в наибольшей степени уделявшая внимание исследованиям и анализу социально-экономических гендерных проблем российского общества;

— Саратовская, акцентировавшая свое внимание на изучении, преподавании и методологическом оснащении социальной работы.

Таким образом, подводя итоги второго этапа, можно констатировать, что, несмотря на неблагоприятный общественно-политический контекст, гендерные исследования в России в этот период не просто продолжали развиваться, но и переживали своеобразную стадию перехода количества в качество.

Третий этап развития гендерных исследований в России, начавшийся после 2010 г., может быть охарактеризован как период возврата к ним публичного интереса (вспомним метафору Т. Шанина «маятник истории»). Е. Здравомыслова и А. Темкина писали: «В начале 2010-х гг., на волне принимаемых консервативных законов и мобилизации консервативных движений (консервативный поворот) в определенных сегментах общества опять возрос спрос на гендерную экспертизу. В этот период гендерные исследования освещаются в СМИ, широко обсуждаются в социальных сетях, их результаты используются в общественных дебатах» [Здравомыслова Е., Темкина, 2015: 93].

Третий этап отмечен тем, что в условиях распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) коренным образом изменились методы и скорости получения и распространения информации, а также появились новые информационные ресурсы в виде социальных сетей, интернет-форумов и блогов по гендерным исследованиям. Под влиянием широкого использования

ИКТ отчасти модифицировался и сам подход к гендерной проблематике, поскольку наравне с академическим и образовательным аспектами в сетях начал развиваться критический активизм, который условно может быть назван «сетевой феминизм». Его развитие связано с активностью в сетевом пространстве женщин-блогеров, продвигающих проблемы прав женщин, социального неравенства, сексизма и другие, которые маркируют себя именно как феминистки, а не гендерные активистки. Это позволяет говорить о сетевом феминизме как о новом социокультурном феномене наших дней.

Возрастание интереса к гендерным исследованиям, совпавшее с бурным развитием интернет-медиа, привело к тому, что значительная часть общественных дискуссий по гендерной проблематике переместилась в виртуальное пространство социальных сетей. Это имело противоречивые последствия. С одной стороны, позитивным следствием развития ИКТ является факт, что миллионная аудитория пользователей Интернета (в том числе студенты) получила неограниченный доступ практически ко всем публикациям, написанным по гендерной тематике за весь 30-летний период, а также к переводным текстам, международным исследованиям и документам. С другой стороны, основными производителями контента по гендерным проблемам в Рунете являются отнюдь не ученые, а сами участники социальных сетей, большинство из которых далеки от гендерных исследований и являются носителями традиционных гендерных стереотипов, широко распространенных в российском обществе. Исследователи свидетельствуют: «Сексизм, как одна из форм гендерной дискриминации, составляет большую часть контента в социальных медиа. Наполнение публикаций в социальных сетях преимущественно состоит из основанных на стереотипах убеждений» [Мансурова, Ибрагимова, 2017].

Таким образом, можно констатировать, что в современном российском сетевом пространстве полемика по актуальным гендерным проблемам ведется с использованием всего спектра гендерного дискурса — от феминизма до сексизма. И это — наиболее яркая примета третьего этапа.

Итоги и перспективы российских гендерных исследований

Среди наиболее значимых *итогов* гендерного 30-летия могут быть представлены следующие:

— гендерная тематика получила признание и закрепились в академической и образовательной сферах, а также широко используется в СМИ и обсуждается в социальных сетях;

— гендерный дискурс вышел за рамки академических изысканий и учебных планов и стал понятен широкой российской аудитории;

— создано единое научно-образовательное пространство, существование которого поддерживается тесными контактами ученых и преподавателей, их участием в совместных конференциях, научных проектах и изданиях, а также их приверженностью гендерному подходу, которого они придерживаются, несмотря на разнообразие взглядов и различие интерпретаций;

— гендерная методология обогатила российскую науку новыми методами, которые способствовали построению альтернативного знания об обществе

и нового видения проблемы пола, связанного с отрицанием биологического и психологического детерминизма;

— интеграция гендерного подхода (методологии) в социальные и гуманитарные науки, такие как социология, история, психология, лингвистика, экономика и другие, способствовала использованию в этих отраслях знания качественных методов исследования, биографического метода, гендерного анализа текстов и дискурсов, метода деконструкции и др.;

— новые темы и области исследования, например домашнее насилие, частная жизнь, сексуальность, гендерная дискриминация в обществе и сексуальные домогательства на работе, стали открыты для гуманитарных и социальных наук благодаря тому, что гендерные исследования сняли табу и внесли в академический и общественный дискурс такие понятия, как гендерная дискриминация, насилие, права женщин как права человека, сексизм, гендерные стереотипы и др.;

— ответственность за демократическое преобразование общества на основе идеалов гендерного равенства — это характерная черта для многих ученых и специалистов по гендерным исследованиям, которые не только занимаются наукой, но также стремятся способствовать общественным изменениям, улучшающим положение женщин и мужчин, и созданию в России общества равных возможностей.

Переходя к *перспективам* дальнейшего развития российских гендерных исследований, хотелось бы выделить ряд наиболее важных, на наш взгляд, направлений:

— необходимо более глубокое изучение причин и последствий укорененности в российском обществе гендерных стереотипов, которые играют роль барьеров на пути достижения гендерного равенства во всех сферах жизнедеятельности. На фоне кардинальных изменений, происходящих в настоящее время, этот социокультурный феномен практически не меняется или меняется очень медленно, поэтому изучение механизмов его воспроизводства представляет научный и практический интерес;

— нужно активизировать «мужские исследования», направленные на изучение проблем мужчин, которые должны базироваться на российском материале, что будет способствовать не только решению их проблем в обществе, но и восстановлению баланса в области отечественных гендерных исследований;

— перенесение акцентов с проблем женщин на их достижения позволит создать ролевые модели успеха и успешности женщин, в которых нуждается поколение девушек, стремящихся к всесторонней самореализации;

— изучение механизмов двойственности рынка труда будет способствовать смягчению проблем гендерной и цифровой асимметрии в сфере занятости, а также перспектив безработицы женщин, обусловленных технологической революцией;

— и наконец, наиболее перспективным направлением является изучение гендерных аспектов сетевой коммуникации, проблем виртуальной идентичности и виртуальной реальности в целом. Эксперименты с виртуальной гендерной идентичностью, гендерный анализ сексизма и агрессии в социальных сетях, появление в Интернете гендерного пространства, а также множество других проблем, которых 30 лет назад мы даже не могли представить, сегодня ждут своих исследователей.

Вместо заключения

Хотелось бы вернуться к вопросу о востребованности в России гендерных исследований, которая наиболее четко обозначилась в последние годы. Свидетельством возврата общественного интереса к гендерной тематике и запроса на гендерные исследования в наши дни могут служить крупные международные и законодательные инициативы российской власти, которые выходят далеко за рамки гендерных исследований как научного направления, но, по большому счету, на них основаны. Приведем наиболее значимые из них.

2015 г. — под эгидой Совета Федерации РФ и Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ состоялся Первый Евразийский женский форум в Санкт-Петербурге. По итогам Форума были выработаны предложения по расширению возможностей участия женщин в меняющейся экономике, политике и социальной интеграции общества. В ходе подготовки к Форуму, по запросу Совета Федерации многими исследователями были представлены научные статьи, посвященные актуальным гендерным проблемам российского общества, которые были размещены на сайте Совета Федерации.

2017 г. — в России принята «Национальная стратегия в интересах женщин на 2017—2022 годы». После 15-летнего перерыва в стране вновь появился правительственный документ, направленный на решение проблем женщин в российском обществе. И хотя само понятие «гендер» в «Стратегии» не используется, круг проблем, которые она призвана решить, включает вопросы искоренения домашнего насилия, сокращения дискриминации в трудовой сфере, повышения статуса женщин в обществе и необходимости их продвижения на уровень принятия решений [Национальная стратегия действий... , 2017].

2018 г. — Минтруд РФ гарантирует сокращение списка запрещенных для женщин профессий и видов работ с 456 до 100. В 2019 г. Минтруд РФ окончательно утвердил новый список, который вступит в силу с 1 января 2021 г. Это результат многолетних требований как международных, так и российских женских организаций, а также специалистов по гендерным исследованиям [Минтруд утвердил новый список... , 2019].

2018 г. — состоялся Второй Евразийский женский форум в Санкт-Петербурге. Выступая перед его участниками, президент В. Путин призвал «решить проблему гендерного неравенства, убрать многие еще существующие, к сожалению, стереотипы и карьерные ограничения... Чтобы женщина чувствовала себя самостоятельной и независимой, чтобы эффективно действовали гарантии социальной и правовой защиты» [Владимир Путин... , 2018].

2019 г. — в России возобновлена работа по подготовке к принятию Федерального закона «Об основах системы профилактики семейного (бытового) насилия в Российской Федерации» [На сайте Совета Федерации... , 2019]. Под петицией по вопросу принятия закона, размещенной в Рунете, подписались более 900 тыс. человек, в то время как противники закона собрали только 19 тыс. подписей [Кампания против закона... , 2019]. На сайте Совета Федерации РФ, где опубликован проект закона для общественного обсуждения, подчеркнуто, что является необоснованным «приравнивание фактов насилия в семье к “традиционным ценностям” во взаимоотношениях в семье и в воспитании детей» [Информация... , 2019].

Таким образом, ретроспективный анализ показал, что у российских гендерных исследований были как периоды бурного расцвета и развития, так и тяжелые времена. Однако события последних лет доказывают, что научные и социальные проблемы, поднятые благодаря им, актуализируются в наши дни, а их результаты интересны россиянам и востребованы на правительственном уровне. Об этом свидетельствует включение основополагающих для гендерных исследований принципов гендерного равенства в законодательство РФ.

Библиографический список

- Владимир Путин: выступление на пленарном заседании Второго Евразийского женского форума 20 сентября 2018 года. 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58598> (дата обращения: 13.11.2019).
- Дашкова Т. Гендерная проблематика: подходы к описанию // Исторические исследования в России — П. М.: АИРО-XX, 2003. С. 203—245.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
- Здравомыслова О. Гендерные исследования как опыт публичной социологии в России. 2009. URL: <http://polit.ru/article/2009/09/24/gender/> (дата обращения: 13.11.2019).
- Информация об отдельных вопросах профилактики семейного (бытового) насилия. 2019. URL: http://council.gov.ru/services/messages/public_answers/109682/ (дата обращения: 13.11.2019).
- Кампания против закона о домашнем насилии набирает обороты. 2019. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/news/247307-against-home-violence-law> (дата обращения: 27.11.2019).
- Мансурова А. А., Ибрагимова П. А. Гендерные стереотипы и сексизм в социальных сетях // Филологические науки. 2017. № 4. URL: <https://research-journal.org/languages/gendernye-stereotipy-i-seksizm-v-socialnykh-media/> (дата обращения: 13.11.2019).
- Минтруд утвердил новый список запрещенных для женщин профессий. 2019. URL: <https://pravo.ru/news/213893/> (дата обращения: 13.11.2019).
- На сайте Совета Федерации опубликован законопроект о профилактике семейно-бытового насилия, подготовленный членами Совета Федерации и депутатами Государственной думы. 2019. URL: <http://council.gov.ru/events/news/110615/> (дата обращения: 13.11.2019).
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы. 2017. URL: static.government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf (дата обращения: 13.11.2019).
- Посадская А. И., Римашевская Н. М., Захарова Н. К. Как мы решаем женский вопрос // Коммунист. 1989. № 4. С. 56—65.
- Хасбулатова О. А. Гендерным исследованиям в системе высшего образования России — десять лет // Женщина в российском обществе. 2001. № 1—2. С. 2—14.
- Хоткина З. А. Гендерным исследованиям в России — десять лет // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 21—26.

References

- Dashkova, T. (2003) Gendernaia problematika: podkhody k opisaniiu [Gender: description approaches], in: *Istoricheskie issledovaniia v Rossii — II*, Moscow: AIRO-XX, pp. 203—245.
- Informatsiia ob otdel'nykh voprosakh profilaktiki semeinogo (bytovogo) nasiliia* (2019) [Information on specific issues of prevention of family (domestic) violence], available from http://council.gov.ru/services/messages/public_answers/109682/ (accessed 13.11.2019).
- Kampaniia protiv zakona o domashnem nasilii nabiraet oboroty* (2019) [Campaign against domestic violence act grows up], available from <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/news/247307-against-home-violence-law> (accessed 27.11.2019).
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernym issledovaniiam v sisteme vysshego obrazovaniia Rossii — desiat' let [Gender research in higher education in Russia — ten years], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1—2, pp. 2—14.
- Khotkina, Z. A. (2000) Gendernym issledovaniiam v Rossii — desiat' let [Gender studies in Russia — ten years], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 21—26.
- Mansurova, A. A., Ibragimova, P. A. (2017) Gendernye stereotipy i seksizm v sotsial'nykh setiakh [Gender stereotypes and sexism in social networks], *Filologicheskie nauki*, no. 4, available from <https://research-journal.org/languages/gendernye-stereotipy-i-seksizm-v-socialnykh-media/> (accessed 13.11.2019).
- Posadskaia, A. I., Rimashevskaiia, N. M., Zakharova, N. K. (1989) Kak my reshaem zhenskii vopros [How do we solve women's issues], *Kommunist*, no. 4, pp. 56—65.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2015) *12 lektsiĭ po gendernoĭ sotsiologii: uchebnoe posobie* [12 lectures on gender sociology: a training manual], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Zdravomyslova, O. (2009) *Gendernye issledovaniia kak opyt publichnoĭ sotsiologii v Rossii* [Gender research as an experience of public sociology in Russia], available from <http://polit.ru/article/2009/09/24/gender/> (accessed 13.11.2019).

Статья поступила 29.12.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Хоткина Зоя Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва, Россия, Zoya-alex2012@yandex.ru (Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Problems of Population of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 2. P. 38—51
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.4

Женщина в российском обществе
2020. № 2. С. 38—51
ББК 60.561.23
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.4

РЫНОК ТРУДА, ЗАНЯТОСТИ И ПРОФЕССИЙ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА

Г. Г. Силласте

Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru

Раскрываются концептуальные подходы методологического анализа одного из плохо исследованных социально-политических феноменов глобализации — нового гендерного порядка. Предлагается авторская концепция его эволюционного развития, основанная на модусах социального времени и интегративном концептуальном взаимодействии с теориями структуриации и социального порядка. Анализируются процессы и формы замещения норм старого гендерного порядка новыми нормами на примере самой подвижной сферы экономического развития — рынка труда. Рассматривается его трансформация в рынок трехсегментного экономического пространства: рынок труда, рынок занятости и рынок профессий — как структуриацию, обладающую социальными нормами, гендерным порядком и гендерными ресурсами. Анализируются динамические гендерные процессы и внедрение новых норм гендерного порядка на рынке профессий. Статья продолжает серию авторских публикаций, раскрывающих теорию нового гендерного порядка и ее практическое воплощение в отечественной социальной практике (см. № 2 и 3 данного журнала за 2019 г.).

Ключевые слова: социальный порядок, социальное время, норма, правила, теория структуриации, гендерный порядок, равноправие, гендерные трудовые ресурсы, рынок труда — рынок занятости — рынок профессий, гинетическая социология, интеллектуальный капитал, гендерная нейтральность профессий.

THE LABOR MARKET, EMPLOYMENT AND PROFESSIONS AS AN ECONOMIC SPACE FOR THE FORMATION OF A NEW GENDER ORDER

G. G. Sillaste

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, galinasillaste@yandex.ru

The article reveals the conceptual approaches of the methodological analysis of one of the poorly studied socio-political phenomena of globalization — a new gender order. The author offers the concept of its evolutionary development in modes of social time and integrative

© Силласте Г. Г., 2020

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

conceptual interaction with theories of structure and social order. The processes and forms of “substitution” of the norms of the old gender order with the new ones are analyzed on the example of the most mobile sphere of economic development: the labor market. It reveals its transformation into a three-segment economic space market: the labor market, the employment market and the market of professions as a structure with social norms, gender order and gender resources. The article analyzes dynamic gender processes and the introduction of new norms of gender order in the market of professions. The article continues a series of author’s publications that revealed the theory of the new gender order and its practical implementation in domestic social practice (see № 2 and № 3, 2019).

Key words: social order, social time, norms, rules, structural theory, gender order, equality, gender labor resources, the labor market — the employment market — the market of professions, genetic sociology, intellectual capital, gender neutrality of professions.

**«Ничто не вечно под луною»:
о социальном времени и социальном порядке**

XXI век — эпоха глобализма, которая «перетряхивает» историю, традиции, пересматривает мировые устои и, казалось бы, незыблемые нормы прошлого. Нормы социальные, т. е. касающиеся миропорядка, поведения и действий, ценностей и альтернатив в тех пределах свободы их ревизии, которые позволяют сохранить безопасность социума и саму социальную систему в новых условиях, на новых этапах развития. Мир-система будто доказывает высоким слогом великого Шекспира: «Ничто не вечно под луною». Использование определенных критериев позволяет концептуально выстроить анализ социальных изменений с позиций их реального и потенциального воздействия на устойчивость формирующейся новой социальной реальности. Одним из таких критериев изменений во времени и пространстве является *социальный порядок*.

Особенностью подходов к его анализу традиционно выступают различия теорий эволюционного и революционного развития, учет факторов внутренних и внешних, движущих сил происходящих изменений, вызывающих вначале разрывы прошлых социальных связей ввиду появления новой цели, затем их деформацию, пересмотр и в конечном счете замену новым порядком. Социальный порядок имеет разные виды и формы закрепления в обществе. Предметом предлагаемого анализа является порядок гендерный как один из видов мирового социального порядка, привносимого глобализацией и либеральной экономикой, поскольку процесс эволюции прошлого гендерного порядка — процесс глобальный, захватывающий все страны, но протекающий с разной скоростью в каждой стране и имеющий разные последствия.

Общее для всех этих страновых процессов заключается в их эволюционности. Они развивались не революционным, а мягким эластичным путем эволюции (за исключением советского гендерного порядка), изменяя устаревшие и закрепляя более прогрессивные для каждого социального времени порядки, которые становились нормой социального общежития и образа жизни. Длительность процессов становления новых гендерных порядков и закрепления их норм в законах, общественном сознании, поведении и культуре занимала столетие

(хотя в прошлые эпохи понятия гендерного порядка еще не было и все интерпретировалось проще).

Формирующийся ныне в мире новый гендерный порядок, его базовые нормы, в отличие от норм прошлого столетия, имеют международный характер. Данные нормы предлагаются как результат разработки представителями мирового странового сообщества в лице ООН и носят рекомендательный характер их учета в законотворческой деятельности государств по вопросам положения женщин, девочек и мужчин, семьи, работы, гендерной дискриминации и т. д. Все международные документы (законы, декларации, конвенции, хартии и т. п.), принятые по этим вопросам, имеют четко сформулированную международным сообществом и институционально закрепленную в них цель — «достижение гендерного равенства как средства увеличения возможностей развития личности и свободы выбора женщин и мужчин» [Доклад... , 2020]. Точкой отсчета этого процесса в глобальном масштабе стал 2000 г., год принятия ООН программы «Цели развития тысячелетия».

Каждому социальному времени соответствует свой социальный порядок и его гендерное выражение. Становление нового гендерного порядка в каждой стране протекает по-разному, страновые гендерные порядки формируются исходя из ранее достигнутого, экономических и социальных возможностей настоящего и сложившегося в нации морального, генетически закрепленного в исторической памяти и сознании культурно-ценностного кода. В любом случае в процессе становления нового гендерного порядка меняются представления женщин и мужчин о возможностях, правах, мере свободы и подчинения, формах развития и самореализации, границах допустимого и рационального, доступе к ресурсам и их использованию.

В России на этой волне прошлый социальный порядок, в XX в. подчиненный решению «женского вопроса», постепенно замещается новым гендерным порядком, пока не получившим четкого лаконичного, а тем более институционального определения. Больше всего подошла бы характеристика «эгалитарный». Его можно назвать и *равноправным* (или, как сложно научно определялось в статье автора, *гетерогамным* [Силласте, 2019: 10]). При любом определении особое место в анализе непростого и противоречивого процесса эволюционного замещения гендерного порядка-XX порядком-XXI занимают способы производства, воспроизводства и распространения новых ценностей и моделей поведения, которые развиваются во всех без исключения сферах деятельности: от экономической до семейно-бытовой. Именно на экономической сфере, а еще конкретнее на ее «воротах», каковыми можно считать рынок труда, и предлагается сосредоточить внимание.

Социальная структура, правила, нормы, порядок

Любой социальный порядок опирается на экономический фундамент и его ресурсы. Гендерный порядок не исключение. Для своего развития он должен обладать ресурсами. В данном случае — гендерными, а еще конкретнее — социогендерными. Структура, согласно анализируемой Э. Гидденсом дуальности, обладает правилами, ресурсами и совокупностью отношений преобразования. Что это значит? Давайте разберемся.

Правила — это формы правового акта, на основании которого устанавливаются нормы, определяющие порядок осуществления деятельности. *Порядок* — категория общая, универсальная, знакомая с детства и каждым поколением наполняющаяся своим содержанием. Жизнь обновляет порядок в обществе, его постулаты и содержание в соответствии с новым социальным временем, позволяющим согласно его модусам прошлого, настоящего и будущего выстраивать процесс эволюционного изменения самого порядка, а значит, и самой социальной системы. Любое изменение в ней мы принимаем как социальное де-факто, или социальное реалити, нуждающееся в осмыслении. Чем масштабнее социум, тем сложнее поддаются систематизации и упорядочению составляющие его структурные элементы, социальная сила воздействия которых находится в прямой зависимости от их места в общей структуризации.

Почему в контексте анализа гендерного порядка и его реализации на рынке труда методологически обращаюсь к теории структуризации Э. Гидденса, а не к теории социальной структуры? Потому что структуризация отражает процесс организации и воспроизводства системы общественных отношений, сопутствующий социальному воздействию и происходящий благодаря применению агентами (по сути, людьми как объектами и субъектами социального действия) порождающих и укрепляющих систему правил и ресурсов [Гидденс, 2005]. Структура как ограничивает действия, так и создает возможности.

Согласно теории структуризации Э. Гидденса, в социальной жизни общества, а в нашем случае на рынке труда, развиваются два вида структур: *правила и ресурсы* гендерного порядка, а также *совокупность отношений преобразования*. Под правилами понимаются процедуры, которым люди следуют в своей жизни. Это социальные нормы, без них не развивается ни одна общественная система, в том числе и такая, как рынок труда, занятости и профессий. Данные нормы представляют собой средство регуляции поведения личности, социальной группы, общности. Регулирование поведения позволяет системе сохранять свою жизнеспособность, избегая хаоса.

Ресурсы же, как справедливо отмечал Э. Гидденс, возникают исключительно в результате человеческой жизнедеятельности и могут развиваться, поддерживаться только людьми (и женского и мужского пола в равной степени). Рынок труда, занятости и профессий постоянно требует ресурсов и сам воспроизводит их, зачастую уже более высокого качества, чем первоначально поступившие.

Как система рынок труда представляет собой воспроизводимые взаимоотношения субъектов деятельности (или коллективов), реализуемые в социальных практиках функционирования рынка (практики трудоустройства, адаптации и др.).

Третий элемент структуры, создающей возможности развития рынка труда, — это *структуризация*, отражающая условия, контролирурующие целостность или изменение структур, т. е. правил, норм, ресурсов действующего порядка. Э. Гидденс назвал теорию структуризации практикующим социальным теоретиком, который, осуществляя многообразные виды взаимодействия, обращается к своим знаниям и теориям как к практическим ресурсам.

Другие положения теории структуризации, хорошо согласующиеся с возможностями исследования процесса формирования нового гендерного порядка в социуме и на рынке труда, — связь с эмпирическими возможностями и то, что

структура не тождественна принуждению. Она как ограничивает действия, так и создает возможности, а влияет на поведение человека благодаря знанию об обществе, которым располагают люди (определяемые Э. Гидденсом через его центральную категорию «социальный агент»).

Социальный порядок как основа порядка гендерного

А теперь о норме и правилах в развитии структуризации, в производстве и воспроизводстве практик, в упорядочении социального пространства развития гендерного порядка. *Норма*, прописанная в конкретном документе (тем более законодательном), является нормой институционализированной и подлежит обязательному выполнению в страновом социуме. С помощью социальных норм общество и разрабатывающие их группы (экспертные, профессиональные) предъявляют требования своим гражданам, требования, которым должно удовлетворять их поведение; а также контролируют, регулируют и оценивают поведение представителей гендерных общностей в различных сферах их деятельности, особенно в экономической как публично-деятельностной. Контроль осуществляется с помощью социальных норм, которые могут быть *нормами-правилами* и *нормами-ожиданиями*. Эти нормы устанавливаются в общественной системе в форме требований, предъявляемых к поведению людей разных социально-ролевых групп (будь то работники, безработные, руководители и т. п.). Требования переходят в модели (стандарты) поведения представителей разных социальных гендерных групп и адресуются каждой личности.

Разъяснение социальной нормы для ее распространения и реализации в социальной практике и социальном пространстве порождает *правила* как траектории поведения индивида, знание и следование которым облегчает жизнь самого индивида и взаимодействие в обществе, в его конкретной сфере. Например, в экономической деятельности, особенно когда приходится менять модели поведения, адаптируясь к новой экономической среде. Так закономерно формируется социальный порядок как «естественная форма» существования общества (Т. Парсонс), о которой в свое время писал еще О. Конт.

Социальный порядок институционален и рассматривается как социально-правовая данность, норма, подлежащая исполнению в любой структуризации. Неслучайно О. Конт в своей теории позитивизма сравнивает социальный порядок с социальной статикой, а социальный прогресс с социальной динамикой. Можно вспомнить и М. М. Ковалевского, который в своей концепции *гинетической социологии* социальный порядок и прогресс рассматривал в качестве предмета социологической науки [Ковалевский, 1997: 258—272].

В рамках марксистской концепции социальный порядок анализируется на базе неравенства социального положения людей и интересов политической власти при капитализме. В этом контексте социальный порядок определяется как порядок, поддерживаемый насильственно за счет экономического, политического и правового принуждения в обществе, а потому являющийся источником постоянного конфликта интересов. В конечном счете, как показывает история, социальный порядок (в обществе, в той или иной его сфере) может стать постоянным носителем конфликтогена «война поведений».

Теория социального порядка во все времена вызывала, вызывает и будет вызывать исследовательский интерес и социологов, и политологов, и юристов, и политиков. Все пытаются найти основу устойчивости или нестабильности социального порядка и прогнозировать последствия этого процесса. Например, П. Бурдьё основывает свою теорию социального порядка на понятии *воспроизводства современной культуры*, которая, по его мнению, благоприятствует находящимся у власти посредством дифференцированной системы дистрибуции знаний (от лат. *distributio* «распределение») через образовательную систему [Бурдьё, 2005: 91—92].

Для анализа категории «гендерный порядок» подход П. Бурдьё заслуживает внимания, так как культура и культурные ценности играют решающую роль в стабильности социальных систем и системы социокультурных и духовных ценностей нового гендерного порядка, включая экономику и рынок труда. Приостановить разрушение социального порядка может только государство, которое не даром называют блюстителем этого порядка.

Считаю, что у государства как социального макроинститута должно быть право вмешиваться в экономическую, политическую и социальную жизнь общественной системы, всей структуризации для обеспечения стабильного функционирования системы и жизнеобеспечения населения. Это со всей убедительностью доказывает обретаемый не только отдельными государствами, но и всей мир-системой опыт всеобщей мобилизации технических и человеческих ресурсов в экстремальных условиях борьбы с пандемией коронавируса.

Таким образом, рассматривая социальный порядок как фундамент порядка гендерного, можно дать уточненную интерпретацию этой категории. Социальный порядок представляет собой систему взаимосвязанных социальных институтов и норм, определяющих социально-статусное положение граждан, конкретных групп населения и социальные отношения между членами общества и властными институтами.

Сколько порядков может воспроизвести или требует социальная структуризация для своей стабильности? Есть социальный порядок общий, системный. Однако в соответствии с философскими постулатами развития системы и процесса от общего к частному, частное в структуризации и в каждой общественной системе существует всегда.

Общество, если его образно рассматривать как пятизвездочную конфигурацию, образуют сферы — экономическая, политическая, социальная, духовная и семейно-бытовая. Напрашивается вопрос: а в этих сферах жизни и деятельности существует социальный порядок: экономический, политический, культурный, информационный? Безусловно. Порядок существует в любой сфере коллективного взаимодействия, будь то сфера труда и занятости, культуры и образования, религии и армии. Можно, к примеру, говорить о порядках имущественном и жилищном и т. д. Все это частно-структуральные порядки, локальные (или сферные), в каждом из которых может по-своему проявляться действующий гендерный порядок. Уточним его сущностное определение.

Гендерный порядок означает действующую в обществе комплексную систему тесного взаимодействия трех структурных элементов — социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих своей

деятельностью позитивно ориентированное отношение общества к гендерным проблемам и готовность к участию в их решении.

Такая система взаимодействия социальных норм, политической культуры и социальных институтов в России в значительной мере создана, о чем говорит большая работа, проводимая в рамках реализации положений Пекинской декларации, Национальной стратегии действий в интересах женщин, принятой Правительством РФ на 2017—2022 гг., а также ряда разработанных ООН международных документов, касающихся положения женщин.

В эпицентре формирования нового гендерного порядка в экономическом и социальном пространстве резко расширившегося рынка труда — обеспечение гендерного равноправия в доступе ко всем видам трудовой деятельности (подчеркну: равноправия, а не равенства), реализации права на ее справедливую оплату, приобретению и смене профессии, повышению квалификации, совмещению трудовых и семейных обязанностей, профессиональному росту, карьерному перемещению и другому на основе принципа эгалитарности работников — мужчин и женщин и соблюдения конституционных социально-правовых норм.

Гендерные ресурсы структуризации

Встает вопрос о социальном ресурсе гендерных общностей, о возможностях преобразования его в эффективный механизм развития всей экономической и социальной структуризации. Предложила бы ввести категорию «гендерные ресурсы». В чем их содержание и эффект развития? *Гендерные ресурсы* рассматриваются как один из видов ресурсов, выступающих в качестве средств, ценностей, запасов, возможностей и источников доходов. Гендерные ресурсы относятся к группе трудовых ресурсов — возобновимых, истощимых и незаменимых. Эти ресурсы измеримы, организуемы и управляемы в процессе достижения социальных и экономических целей. Гендерные ресурсы можно отнести к наиболее универсальным ресурсам, способным выступать в качестве своего рода эквивалента и мерила общественного развития наряду с информацией, временем и деньгами.

Это объясняется тем, что гендерные ресурсы в лице социогендерных общностей (женской и мужской) как их носителей могут через реализацию своих способностей и возможностей в форме разных действий и моделей поведения создавать как интеллектуальные, информационные, духовно-культурные — в целом гуманитарные ценности общества, так и ценности материальные, которые образуют достояние государства и материализуются в его экономике. Вот почему гендерные ресурсы можно считать ресурсами уникальными и универсальными, без которых созидание общественных благ физически невозможно.

Как основные трудовые ресурсы гендерные ресурсы представляют собой часть женского и мужского населения, обладающего необходимым физическим развитием, умственными способностями, общеобразовательными и профессиональными знаниями, навыками и практическим опытом реализации себя в различных сферах общественно полезного труда. Эти гендерные ресурсы принципиально отличаются от всех других видов экономических ресурсов, так как являются фактором общественного производства и развития. В определенной мере гендерные трудовые ресурсы связаны и с развитием гендерной экономики,

предметом которой выступает гендерный фактор экономического развития и его влияние на экономику.

Как известно, границы возраста трудоспособного населения в Российской Федерации институционально установлены законом: для мужчин 16—59 лет, для женщин 16—54 года. Для измерения численности гендерных трудовых ресурсов, их объема используется ряд количественно-статистических показателей: численность мужчин и женщин, отражающая гендерную структуру населения и структуру населения, занятого в экономике, рождаемость, смертность населения, продолжительность образования, соотношение численности лиц, вступающих в трудоспособный возраст и переходящих в пенсионный.

Особое значение в формировании нового гендерного порядка и гендерных трудовых ресурсов приобретает семейное предпринимательство. Это вид гендерно-нейтральной экономической деятельности, вовлекающей в свою орбиту домохозяйство и всех его членов — и мужа, и жену, и детей. Много сделано в России за прошедшие десятилетия для развития гендерно-ориентированного предпринимательства, которое ведут инициативные мужчины и женщины. Пришло время активного развития предпринимательства гендерно-консолидированного, т. е. семейного. Семейное предпринимательство, помимо функции монетарной, или функции выгоды, осуществляет ряд социальных функций: воспитательную, педагогическую, солидаризирующую, социально-защитную.

На базовых характеристиках гендерных ресурсов развивается интеллектуальный капитал экономики как основа формирования ее новых отраслей, строящихся на интенсивном использовании знаний (англ. *knowledge based industries*). Вот почему гендерные ресурсы можно считать ресурсами уникальными и универсальными, без которых созидание общественных благ невозможно, а эффективное использование гендерных трудовых ресурсов — аксиомой разумного государственного хозяйствования.

В сложных условиях развития российской экономики усиливаются требования к обеспечению экономической, социальной и национальной безопасности. В таких условиях рациональное отношение ко всем видам ресурсов, включая гендерные, и их расчет являются важным инструментом высококвалифицированного управления всей структурой.

Был один — стало три: сегментарная трансформация рынка труда как экономического пространства гендерного порядка

Траектория формирования нового гендерного порядка имеет две оси: вертикальную, идущую от экономики к политике, и горизонтальную — от образования к здравоохранению. Ось, ведущую от экономики к политике, можно считать главной, аккумулирующей наиболее важные социальные смещения, которые происходят под влиянием смены норм гендерного порядка в процессах распределения и перераспределения трудовых гендерных ресурсов.

Принципиальная особенность рынка труда как «ворот экономики» состоит в его трансформации. Прошлые представления о рынке труда как едином пространстве движения и распределения трудовых ресурсов с формированием рыночной экономики ушли в прошлое. Рынок труда трансформировался в три рынка, каждый из которых имеет свои закономерности развития, свое социальное

и экономическое пространство, свои правила распределения трудовых, и в частности гендерных, ресурсов. Образовался трехсегментарный рынок труда, занятости и профессий как новое экономическое пространство распределения и перераспределения трудовых ресурсов, в том числе и по формам собственности (табл.).

Распределение занятых в экономике по формам собственности, %¹

Форма собственности	Год			
	1992	2000	2010	2017
Государственная и муниципальная	82.6	37.8	30.4	6.5
Частная	12.5	46.1	58.6	86.3
Другие	4.9	16.1	10.5	7.2
Доля государственной собственности	91.9	—	—	4.9

Если в 1991 г. в российской экономике 91 % предприятий были государственными, то в 2017 г. на предприятиях государственной формы собственности трудились 4 % занятых, в частном секторе экономики — 87 %. Женщины в России предпочитают работать в государственном, так называемом бюджетном секторе, считая его более социально гарантированным, устойчивым и гендерно-равноправным.

Рынок труда с позиций экономического подхода — сфера спроса на рабочую силу, способную к выполнению различных видов трудовой деятельности и занятости, и ее предложений. При этом процесс труда исследуется как процесс применения рабочей силы для производства товаров, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. Рабочую силу российского рынка труда в 2017 г. составляли 76.1 млн человек, его гендерную структуру — 38.2 млн мужчин и 35.0 млн женщин.

Рынок занятости — сфера спроса на различные виды и формы занятости в экономике и их предложений. Трудовая занятость может быть оплачиваемой и неоплачиваемой, оплачиваемой регулярно и нерегулярно, в открытой и скрытой форме, в легальной и теневой.

Рынок профессий — сфера спроса на различные виды специальностей и профессий, востребованных экономикой на разных этапах ее развития, и их предложений. Объем рынка профессий воспроизводится институтом образования (уровень среднего профессионального, высшего, послевузовского и дополнительного образования).

Каждый из этих рынков имеет свою гендерную структуру и свои формы трудовой деятельности, занятости и профессиональной реализации. Новая конфигурация экономического пространства репродуцируется и поддерживается сложившимся в условиях транзитивной экономики рынком образовательных услуг.

Гендерный порядок и его новые нормы на рынках труда, занятости и профессий обусловлены качественно новыми социальными и экономическими условиями.

¹ Россия в цифрах, 2012 / Росстат. М., 2012. С. 100; Россия в цифрах, 2018 / Росстат. М., 2018. С. 208.

Во-первых, изменился запрос работодателей, резко расширились альтернативы выбора места трудоустройства при минимальной безработице, но сохранении ее угрозы, при сближении гендерных поведенческих форм, усилении гендерной нейтральности профессий, повышении личной ответственности за самостоятельность трудоустройства и уровень экономической состоятельности. Это в определенной степени сокращает, нейтрализует гендерные разграничения в выборе места трудоустройства.

Во-вторых, в текущем столетии сильно снизилась социальная и нормативная ответственность вузов за распределение подготовленных специалистов, которая теперь переложена в большинстве случаев на самого специалиста. Полученный диплом зачастую стал выполнять функцию своего рода гарантийного талона для поиска молодым специалистом места трудоустройства.

В-третьих, произошла девальвация гарантированного трудоустройства молодых специалистов на работу по специальности. Процесс поиска места трудоустройства для современного дипломированного специалиста совсем не означает его стремления найти работу по специальности. Скорее де-факто получить место трудовой деятельности и гарантированную оплату труда. При этом принцип равноправия в трудоустройстве предусматривает, что выпускник высшей школы (или получивший образование другого уровня), независимо от признака пола, может искать и находить место работы; что работодатель не имеет права проявлять дискриминационный принцип отбора и отказывать в трудоустройстве женщине лишь потому, что она женщина. Но работодатель вправе выбрать из двух претендентов — мужчины и женщины — того, кого он посчитает нужным.

В-четвертых, социальная дискриминация женщин в сфере труда поддерживается фактами сегрегации. Жесткие нормы, принимавшиеся при советском гендерном порядке для недопущения социальной дискриминации женщин, в системе рыночных отношений не действуют. Социальная дискриминация и сегрегация стали весьма распространенными явлениями на рынках труда и занятости, где принцип равноправия нарушается довольно часто.

В-пятых, новый гендерный порядок на рынках труда, занятости и профессий связан с изменением важной, традиционной при советском гендерном порядке, социальной функции института высшего образования. Он стал пространством обеспечения специфической формы занятости — образовательной, которая совсем не предполагает, что студент или студентка обязаны непременно успешно закончить вуз. Их право распорядиться отведенным для обучения временем так, как они считают для себя нужным или полезным. Поэтому отчисления из вузов есть, и их будет много, а гендерная асимметрия в этом процессе явно в пользу мужчин.

Рынок профессий: динамизм и гендерная нейтральность выбора как новая норма гендерного порядка

На рынке профессий протекают самые существенные изменения норм гендерного порядка. Главный фактор — увеличение степени гендерной свободы при выборе профессий женщинами. К настоящему времени экономическое пространство рынков труда и занятости сильно расширилось за счет новой структуры — рынка профессий. Он образовался в результате кардинальной

модернизации института высшего образования на основе принципов Болонской декларации, коммерциализации высшей школы. Это способствовало становлению рынка образовательных услуг, с одной стороны, и рынка профессий — с другой.

Сформировалась единая расширенная и квадратичная по своей конфигурации агломерация рынков трудовой и профессиональной, организованной и индивидуальной самореализации. Создалось новое экономическое и социальное пространство трудовой, образовательной и академической мобильности. Пространство очень подвижное, с понижающейся гендерной чувствительностью, быстро обновляемое, постоянно пополняемое новыми видами образовательных услуг на базе пролонгации новых форм образования за пределы его ранее стандартных рамок и расширения включенности в этот процесс возрастных групп от 40 до 50 лет и старше. Это принципиально новое свойство: образование без границ. Рынок образовательных услуг стал движущей силой развития рынка профессий, пространством формирования нового гендерного порядка и расширения пространства гендерного равноправия.

Отдельная проблема — проблема цифровизации экономики и адаптации женщин на этом поле, расширения процессов интеграции девушек в наукоемкие профессии и отрасли знания. Короче говоря, проблема «STEMатизации женщин в наукоемких отраслях». Как показали данные социологического исследования НИУ ВШЭ, на обучение по специальностям физико-математического профиля приходят в два раза меньше женщин, чем мужчин (34 против 17 %), на направлении «информационная безопасность» разрыв вырастает до 3.8 раза (21 % девушек против 79 % юношей) [STEMатизация женщин... , 2019].

Сколько профессий в России? Ответ зависит от исторических условий. Например, на Руси в XVII в. было всего 200 профессий, и в основном мужских. В международный стандарт классификации профессий 15 лет назад было занесено около 10 тыс. профессий. Сегодня — 9993. В Российской Федерации — 7 тыс. специальностей. При этом в мегаполисах до 5 тыс., в средних городах до 3 тыс. В современной России более 40 тыс. различных родов деятельности, из которых около 3 тыс. в промышленности и строительстве. Количество профессий само по себе не является критерием достигнутого равноправия в доступе к ним женщин. Но свидетельствует о масштабах выбора профессий. В формирующемся гендерном порядке этот показатель последовательно расширяется.

Так, в 2020 г. в России завершает свое действие названный дискриминационным перечень из 456 профессий, ограничивающий доступ к ним россиянок. Этот перечень был принят еще в СССР (1974 г.), несмотря на критику ООН и признание его документом, ущемляющим право женщин на труд. В 2020 г. в РФ было принято решение о пересмотре данного перечня. На этом основании с 1 января 2021 г. расширяется доступ женщин к 356 специальностям. Останется лишь 100 гендерных ограничений на доступность производств, работ и должностей женщинам. Среди таких специальностей сварщик, электрослесарь, асфальтоукладчик, плотник, трубоукладчик, пожарный, рыбак, водолаз, забойщик скота, машинист локомотива и ряд других, вредных для здоровья женщин.

Обвинительный упор ООН на то, что оставшиеся ограничения свидетельствуют об ущемлении прав женщин, мне представляется выражением социального противоречия в подходах российских и западноевропейских к оценке безопасности

женщины на производстве и социальной ответственности государства за сохранение ее здоровья в сфере труда. Надо отметить, что подобного рода ограничения действуют в 155 странах и направлены, как и в России, на обеспечение безопасности женского труда в производственной деятельности.

В новом гендерном порядке будет сокращаться продолжительность жизни профессии и усиливаться социальная динамика запроса на получение новых знаний и освоение новых профессий. А это значит ускорение мобильной адаптации женщин к новым запросам рынка профессий, рост способности к переквалификации.

В условиях транзитивной экономики срок жизни профессии составляет от 5 до 15 лет. При этом профессия на динамически развивающихся рынках глобальной экономики может видоизменяться до неузнаваемости: название остается тем же, а сама профессия, ареал требуемых ею навыков и ее содержание кардинально изменяются. Отсюда еще одна черта нового гендерного порядка — способность женщин быстро перестраиваться и переучиваться, без чего о карьерном росте можно будет забыть.

Вместе с тем, как показывает анализ, спросом на рынках труда, занятости и профессий пользуются всего несколько сот профессий.

Социологически профессии можно типологизировать минимум по *пяти группам востребованности*, в которых следует ориентироваться до начала поиска места работы. Среди них три группы исчезающих профессий:

1) *умирающие* профессии. Их уже не мало, а к 2030 г. в эту группу попадут еще 57 профессий (лесоруб, газетный репортер, туристический агент и др.);

2) *устаревающие интеллектуальные* профессии (бухгалтер, менеджер по кредитам, копирайтер, библиотекарь, турагент, нотариус, банковский операционист и др.);

3) *устаревающие рабочие* профессии (билетер, вахтер, парковщик, оператор кол-центра, курьер, работник транспортного терминала и др.).

Что же касается *востребованных* профессий, то к ним причисляют те, на которые в данное время высокий спрос (учитель, социальный работник, медицинский работник, бухгалтер, электрик, химик, генетик).

К *популярным* же относятся профессии, которые чаще всего выбирают выпускники. Сегодня это менеджер, юрист, экономист, программист, психолог, торговый работник.

И наконец, можно выделить еще одну группу профессий — *массовые*. Традиционно самой массовой остается профессия водителя, которая последние 15 лет не уступает по этому показателю никакой другой. Если же учесть, что, по данным исследователей, 7.0 % россиян (т. е. около 5 млн чел.) ежедневно заполняют российские дороги, то комментарии излишни. На втором месте — продавцы (6.8 %). Причем с 2000 г. их число неуклонно увеличивается (что прекрасно видно на примере роста количества супермаркетов и торговых центров). На третьем месте — профессия школьного учителя (2.8 % работающего населения, или около 2 млн чел.)².

² URL: <http://hr-elearning.ru/samymi-massovymi-professiiami-v-rossii/> (дата обращения: 10.03.2020).

А теперь применим метод «гендерной лупы» и посмотрим на каждую профессию с точки зрения ее гендерной структуры и гендерной чувствительности выбора. И становится понятнее гендерная асимметрия каждой массовой профессии, среди которых школьный учитель самая феминизированная, в ней женщины составляют абсолютное большинство. Что, кстати, совсем не является лучшей характеристикой этой сферы, самой гендерно-дефицитной в части мужского представительства или, проще говоря, самой гендерно-разбалансированной. Однако таково реалии распределения гендерных ресурсов в национальной, и отнюдь не только российской, экономике.

Куда в ближайшие 10 лет пойдет «переток» гендерной занятости и распределения гендерных трудовых ресурсов с учетом возрастных групп, образования и региональной востребованности? На этот вопрос сегодня ответить трудно. В российской практике, как экономической, так и исследовательской, не рассчитываются распределение трудовых гендерных ресурсов и запрос на них с учетом секторальности экономического пространства рынков труда, занятости и профессий и образовательных услуг.

Но совершенно очевидно, что формирующиеся нормы нового гендерного порядка XXI в. будут прогрессивнее предшествовавших, с повышенным уровнем интеллектуального запроса и мобильности, притязаниями на расширение гендерного равноправия в профессиональной самореализации и карьерном продвижении. XXI в. формирует не просто новый гендерный порядок. Он формирует новый тип Женщины, а с ней и новый тип Мужчины — представителей класса *egalite*, который во многом будущим исследователям, возможно, придется познавать заново.

Библиографический список

- Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
- Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Акад. проект, 2005. 528 с.
- Доклад Российской Федерации о достигнутых успехах и возникших проблемах в деле осуществления Пекинской декларации и Платформы действий и итоговых документов 23-й сессии ГА ООН. 2020. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/45438343> (дата обращения: 10.03.2020).
- Ковалевский М. М. Социология // Сочинения: в 2 т. СПб.: Алетейя, 1997. Т. 1. 288 с.
- Силласте Г. Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3—16.
- STEMатизация женщин. Как гендерные стереотипы мешают им строить карьеру в наукоемких отраслях. 2019. URL: <https://iq.hse.ru/news/219539209.html> (дата обращения: 10.03.2020).

References

- Burd'ë, P. (2005) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space], St. Petersburg: Aleteïia.
- Giddens, È. (2005) *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The structure of society: an essay on the theory of structuration], Moscow: Akademicheskii projekt.

- Doklad Rossiĭskoi Federatsii o dostignutykh uspekhnkh i voznikshikh problemakh v dele osushchestvleniia Pekinskoĭ deklaratsii i Platformy deĭstviĭ i itogovykh dokumentov 23-ĭ spetssessii GA OON* (2020) [Report of the Russian Federation on the progress achieved and problems encountered in the implementation of the Beijing Declaration and Platform for action and the outcome documents of the 23rd special session of the UN General Assembly], available from <https://docviewer.yandex.ru/view/45438343> (accessed 10.03.2020).
- Kovalevskii, M. M. (1997) *Sotsiologiia* [Sociology], in: *Sochineniia*: in 2 vols, vol. 1, St. Petersburg: Aleteĭia.
- Sillaste, G. G. (2019) *Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka* [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- STEMatizatsiia zhenshin. Kak gendernye stereotipy meshaiut im stroit' kar'eru v naukoĕmkikh otrasliakh* (2019) [STEMatisation of women. How gender stereotypes prevent them from building careers in knowledge-intensive industries], available from <https://iq.hse.ru/news/219539209.html> (accessed 10.03.2020).

Статья поступила 14.03.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Силласте Галина Георгиевна — доктор философских наук, научный руководитель департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Scientific Director of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН РОССИИ В STEM-БИЗНЕСЕ

А. А. Илимбетова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, akkosh@inbox.ru

Трансформация борьбы за гендерное равенство привела к переходу от борьбы за равенство прав к борьбе за равенство возможностей. Предусмотренное законами равенство прав мужчин и женщин натолкнулось на существование неписанных норм в отношении должного поведения и занятий женщин, на «стеклянный потолок», существование которого ощутимо, но часто недоказуемо. В то же время развитие технологий и всеобщая информатизация породили эру цифровой экономики, в которой женщинам также предстоит занять свое место. Социальный статус и возможности человека в цифровую эпоху будут зависеть от того, насколько успешно он смог адаптироваться к меняющимся технологическим условиям, требованиям к образованию и квалификации. Задача данной статьи — определить степень участия женщин в цифровой экономике через призму их предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: цифровая экономика, STEM, предпринимательская деятельность, наукоемкое предпринимательство.

PARTICIPATION OF RUSSIAN WOMEN IN STEM BUSINESS

A. A. Ilimbetova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, akkosh@inbox.ru

The transformation of the fight for gender equality has led to a shift from the fight for equal rights to the fight for equality of opportunity. Provided by the laws the equal rights of men and women came across the existence of unwritten standards of proper behavior and occupations of women, “glass ceiling”, the existence of which is noticeable, but often unprovable. At the same time, technological development and universal informatization have created an era of digital economy in which women also have to take their place. The social status and capabilities of the individual in the digital age will depend on how well they have been able to adapt to changing technological conditions, educational requirements and skills. As a result of the analysis of the data, it was found that Russian women are full participants in economic relations and entrepreneurship. About one third of entrepreneurs in STEM business are women. In that sphere of business, there is gender differentiation and niches traditionally occupied by women: accounting services, advertising, textiles and food production, humanities and social sciences, biotechnology and medicine. The larger the business and the more employees it employs, the fewer women managers there are. The structure of business activities of men and women is similar to the educational structure of the population: technical specialties — male,

humanitarian — female. In general, the analysis of the data leads to the conclusion that women's participation in STEM business is insufficient.

Key words: digital economy, STEM, entrepreneurial activity, high-tech entrepreneurship.

По своей сути, цифровая экономика — это экономика, основанная на STEM-сфере (Science, Technology, Engineering, Maths), т. е. процесс цифровизации связан с развитием науки в целом, научных исследований в области естественно-биологических, физико-математических наук, техники и технологии, как следствие — с компьютеризацией и проникновением результатов подобного развития во все сферы жизни, трансформацией профессиональной структуры населения, изменениями в характере труда (наемного, домашнего) и занятости (предпринимательство). Процесс цифровизации не может обойти предпринимательскую деятельность, которая является одним из каналов превращения научных достижений в практически значимые и доступные потребителям блага и сферой, требующей применения STEM-знаний.

Уровень развития STEM-сфер в экономике и вовлеченность в нее различных социально-демографических групп будут определять динамику экономического развития государства, его политический вес в мировом сообществе. С изменениями в характере экономической конъюнктуры будут связаны социальные изменения и стратификация общества, на которую окажут влияние не только наследственный статус, продолжающий и сейчас влиять на возможности человека, не только наличие высшего образования, но и сам характер этого образования и занятости, их соответствие новому технологическому укладу. Низкий уровень вовлеченности женщин в инновационные сферы экономики может стать новым фактором феминизации бедности, так как женщины, не обладающие актуальной профессией, смогут претендовать только на низкооплачиваемые рабочие места, в большей степени находясь под риском сокращения и увольнения в результате перехода к цифровым технологиям. Наличие актуального образования влияет и на перспективы предпринимательства. При выборе вида производимой продукции будущие предприниматели ориентируются на свое образование, поскольку организация производства требует специальных профессиональных знаний в конкретной сфере, и в этом аспекте STEM-образование напрямую влияет на участие в таком бизнесе.

Среди проблем экономики России, которые отмечены в «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 годы», указано, что «женщины недостаточно интегрируются в рынок труда, связанный с новым технологическим укладом, и не всегда могут участвовать в инновационном развитии страны, что ведет к сохранению разницы в доходах женщин и мужчин». Реализация направления «Улучшение экономического положения женщин, обеспечение роста их благосостояния» предполагает «расширение возможностей занятости женщин в сфере малого и среднего предпринимательства» [Об утверждении... , 2017]. Предпринимательство в данном контексте выступает как средство сокращения разницы в доходах и обеспечения устойчивости финансового положения женщин.

О предпринимательстве как действенном средстве повышения благосостояния можно судить исходя из ответов женщин, опрошенных в ходе выборочного обследования репродуктивных планов населения за 2017 г. Из всех опрошенных женщин 39,7 % женщин-предпринимателей оценили свое материальное положение как очень хорошее и хорошее. Всего 0,6 % предпринимательниц ответили, что их материальное положение очень плохое. Для сравнения: среди сотрудниц бюджетных организаций 25,8 % оценивают свое материальное положение как очень хорошее и хорошее, 1,3 % — как очень плохое [Выборочное обследование... , 2017].

Несмотря на эффективность предпринимательства в обеспечении материального благосостояния, сохраняются трудности, препятствующие всем желающим женщинам заняться собственным бизнесом. Такими трудностями являются отсутствие начального капитала, нужных знаний и качеств, соответствующего образования и опыта работы, противодействие внешней среды [Кузнецова, Чжэнун, 2018: 48], психологический дискомфорт, страх, неуверенность в себе [Юдина, 2012: 69]. Указанные причины говорят о неустойчивости финансового положения женщин и непризнанности социальной значимости женского предпринимательства. Несмотря на неблагоприятные условия деловой среды, женщины составляют 34,6 % всех российских предпринимателей. Эта цифра различается по регионам. Например, в Москве доля женщин в малом бизнесе составляет 38,0 %, а в республике Башкортостан — 44,8 % [Mastercard... , 2018].

Однако в условиях цифровой трансформации гендерная дифференциация в доходах сохранится даже в случае выравнивания участия женщин и мужчин в бизнесе, так как актуализируется другая проблема — слабое участие женщин в STEM-бизнесе, который влияет на социальный статус человека в условиях цифровой экономики, способствует реализации профессионального потенциала женщин и выравниванию доходов.

Анализ участия в STEM-бизнесе должен основываться на видах предпринимательской деятельности мужчин и женщин, информация о которых не содержится в статистических базах, поэтому в нашей работе привлекаются данные информационной системы СПАРК [Информационный ресурс... , 2018] и Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы РФ [Единый реестр... , 2018].

Единый реестр ведет учет по фамилии, имени, отчеству индивидуальных предпринимателей и видам деятельности согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД-2). Для анализа юридических лиц, работающих в сфере среднего и крупного бизнеса, эта база не подходит, так как по ним не выдается персонализированная информация.

ОКВЭД-2 содержит 99 видов деятельности, но задача статьи состоит в анализе STEM-бизнеса, поэтому были выделены сферы деятельности, максимально коррелирующие с идеей STEM: разделы J — «Деятельность в области информации и связи», М — «Деятельность профессиональная, научная и техническая», а также С — «Обрабатывающие производства» (сферы деятельности, требующие знания технологии производства). К разделам J и M отнесли свои малые предприятия 133 462 женщины (40,9 % всех предприятий этих разделов) и 192 850 мужчин (59,1 %). В сфере обрабатывающей промышленности работают

55 265 женских предприятий (31,6 %) и 119 382 мужских (68,4 %). Другие виды деятельности по ОКВЭД-2 также могут быть связаны с использованием современных технологий, требуют знаний STEM-сферы, однако на предприятиях выделенных разделов не только используются такие знания, но и продуцируются, они вносят вклад в развитие науки, подразумевают знания не только о правилах манипуляции техникой, но и о ее строении.

Как можно судить по данным таблицы 1, женщин меньшинство во всех подразделах деятельности, кроме области права и бухгалтерского учета и ветеринарной области. Реже всего женщины занимаются разработками программного обеспечения (подраздел 62 «Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги») (16,3 % женщин и 83,7 % мужчин). Этот подраздел включает в себя создание программного обеспечения, приложений, веб-страниц, баз данных, создание и ведение компьютерных систем. Близким по содержанию работ является подраздел 63 «Деятельность в области информационных технологий», но он подразумевает работу с уже созданными программами, ведение деятельности интернет-порталов, создание систем поиска, обработку данных. В сфере этих услуг — 36,3 % женщин, что означает следующее: созданием базового продукта заняты мужчины, а женщины работают в созданных ими программах.

Таблица 1

Участие мужчин и женщин в сфере информации, связи и научной деятельности, %

Раздел ОКВЭД-2	Женщины	Мужчины
<i>Раздел J «Деятельность в области информации и связи»</i>	30,3	69,7
58 — деятельность издательская	42,1	57,9
59 — производство кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ, издание звукозаписей и нот	31,6	68,4
60 — деятельность в области теле- и радиовещания	31,6	68,4
61 — деятельность в сфере телекоммуникаций	24,1	75,9
62 — разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги	16,3	83,7
63 — деятельность в области информационных технологий	36,3	63,7
<i>Раздел M «Деятельность профессиональная научная и техническая»</i>	48,9	51,1
69 — деятельность в области права и бухгалтерского учета	61,4	38,6
70 — деятельность головных офисов, консультирование по вопросам управления	44,7	55,3
71 — деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования, технических испытаний, исследований и анализа	32,2	67,8
72 — научные исследования и разработки	28,1	71,9
73 — деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка	45,4	54,6
74 — деятельность профессиональная научная и техническая прочая	49,5	50,5
75 — деятельность ветеринарная	59,6	40,4
В среднем по разделам J и M	40,9	59,1

Сост. по: [Единый реестр..., 2018].

Подраздел 69 «Деятельность в области права и бухгалтерского учета» характеризуется преобладанием доли женщин (61,4 % женщин и 38,6 % мужчин), однако он требует подробного изучения внутренней структуры. Так, женщины в большинстве своем оказывают бухгалтерские услуги, консультируют по финансовым и налоговым вопросам, а мужчины преобладают в сфере правовых и финансовых консультаций, т. е. здесь наблюдается гендерная дифференциация и закрепление за женщинами и мужчинами определенных ниш.

Подраздел 71 «Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования, технических испытаний, исследований и анализа» включает в себя предоставление архитектурных, инженерных услуг, услуг по изготовлению чертежей, проведению физических, химических и прочих испытаний с целью анализа, управление проектами строительства, выполнение строительного контроля и авторского надзора. Здесь нужно подчеркнуть, что во всех пунктах подраздела 71 гендерная дифференциация повторяет общую картину по подразделу (32,2 % женщин, 67,8 % мужчин).

В подразделе 72 «Научные исследования и разработки» чуть более половины женщин занимаются научными и техническими разработками в области естественных и технических наук, в том числе защитой информации и разработками в области нанотехнологий. В то время как почти 72 % мужчин-предпринимателей, отнесших свой бизнес к подразделу 72, заняты в области естественных и технических наук. Научными исследованиями и разработками в области общественных и гуманитарных наук занимаются 37,0 % женщин и только 19,0 % мужчин. В сфере научных исследований и разработок только треть предпринимателей женщины, при этом они заняты в большей степени в гуманитарных областях.

Участие мужчин и женщин в организации обрабатывающих производств (раздел С) демонстрирует наличие гендерной дифференциации и закрепление за женщинами сфер производства повседневных потребительских товаров, а за мужчинами — наукоемких производств, требующих специального образования и длительного изучения производственного процесса (табл. 2).

Всего в двух видах производства — текстиля и одежды — женщин большинство, 65,4 % и 77,8 % соответственно. В производстве бумажных изделий (одноразовая посуда, бумажные платочки и полотенца и др.) (36,7 %), пищевых продуктов (45,1 %) и лекарственных средств (40,5 %), полиграфической деятельности (39,1 %) женщины конкурируют с мужчинами, составляя более трети всех производителей такой продукции. Во всех остальных видах производства женщин менее трети. Особенно стоит подчеркнуть низкий уровень представленности женщин в производстве оборудования: компьютерного, электрического, электронного. То есть женщины производят готовую продукцию, которую они могут сразу предложить розничному покупателю. Женщины не стремятся работать в сферах, требующих поиска партнеров и крупных заказчиков, крупных финансовых вложений. Предпринимательская занятость может вырасти из хобби в дело, приносящее прибыль, и часто это происходит в пищевой отрасли и производстве одежды. Отрасли, которые требуют профильного образования, оказываются не «женскими». С другой стороны, создание цифрового предприятия с внедрением сложных автоматизированных систем требует наличия инженерно-технического образования у собственника предприятия. Без профильного

образования придется оплачивать обслуживание оборудования аутсорсинговыми компаниями [Семенова, 2018: 119], что повысит издержки производства и снизит конкурентоспособность предприятия.

Таблица 2

**Распределение мужчин и женщин
среди собственников предприятий обрабатывающей отрасли, %**

Раздел С «Обрабатывающие производства»	Женщины	Мужчины
10 — производство пищевых продуктов	45,1	54,9
11 — производство напитков	28,4	71,6
12 — производство табачных изделий	7,1	92,9
13 — производство текстильных изделий	65,4	34,6
14 — производство одежды	77,8	22,2
15 — производство кожи и изделий из кожи	32,9	67,1
16 — обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	15,8	84,2
17 — производство бумаги и бумажных изделий	36,7	63,3
18 — деятельность полиграфическая и копирование носителей информации	39,1	60,9
19 — производство кокса и нефтепродуктов	18,2	81,8
20 — производство химических веществ и химических продуктов	29,6	70,4
21 — производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	40,5	59,5
22 — производство резиновых и пластмассовых изделий	19,8	80,2
23 — производство прочей неметаллической минеральной продукции	19,7	80,3
24 — производство металлургическое	17,1	82,9
25 — производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	13,1	86,9
26 — производство компьютеров, электронных и оптических изделий	18,6	81,4
27 — производство электрического оборудования	15,6	84,4
28 — производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	13,9	86,1
29 — производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	12,7	87,3
30 — производство прочих транспортных средств и оборудования	12,7	87,3
31 — производство мебели	17,9	82,1
32 — производство прочих готовых изделий	27,5	72,5
33 — ремонт и монтаж машин и оборудования	10,8	89,2
В среднем по разделу С	31,5	68,5

Сост. по: [Единый реестр... , 2018].

Отчуждению женщин от крупного, технологически сложного производства способствовала специфика пути перехода России к рыночной экономике

и приватизация. Как отмечает Т. И. Заславская, «процесс с самого начала приобрел преимущественно силовой, противоправный характер, поэтому активно участвовать в нем смогли очень немногие женщины» [Заславская, 2006: 28]. В результате современные российские женщины заняты по большей части в сфере малого бизнеса, без использования приватизированных активов.

На гендерное распределение собственников малого бизнеса влияет образовательный профиль современных жителей России. В таблице 3 приведено распределение выпускников организаций высшего образования — бакалавров, специалистов, магистров — по укрупненным группам специальностей в 2015 г. В STEM-специальностях доля женщин ниже 50 % (в сравнении с периодом существования СССР привлекательность технического образования снизилась как для мужчин, так и для женщин). Это подтверждается исследованием Т. И. Заславской, проведенным среди слушателей программ бизнес-образования MBA. Базовое образование отразилось на структуре слушателей программ: по мере снижения возраста слушателей-мужчин доля лиц с техническим образованием уменьшалась (от 69 до 49 %), по мере снижения возраста слушателей-женщин — также уменьшалась, но более значительно (от 51 до 28 %) [Заславская, 2006].

Таблица 3

Распределение выпускников организаций высшего образования — бакалавров, специалистов, магистров — по группам специальностей в 2015 г., %

Специальности	Женщины	Мужчины
Физико-математические науки	40	60
Естественные науки	66	34
Гуманитарные науки	58	42
Информационная безопасность	22	78
Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия	31	69
Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	16	84
Металлургия, машиностроение и материалобработка	19	81
Авиационная и ракетно-космическая техника	16	84
Оружие и системы вооружения	18	82
Морская техника	8	92
Транспортные средства	19	81
Приборостроение и оптотехника	42	58
Электронная техника, радиотехника и связь	41	59
Автоматика и управление	59	41
Информатика и вычислительная техника	27	73
<i>Итого</i>	57	43

Сост. по: [Женщины и мужчины России... , 2016: 63—64].

Гендерная дифференциация в российском бизнесе не будет полной без анализа средних и крупных предприятий. Данные по ним можно получить из Информационной базы СПАРК, но категории видов деятельности не совпадают с ОКВЭД-2, по которому предоставляются данные Единого реестра малых и средних предприятий России, поэтому по средним и крупным предприятиям

можно привести цифры только по полу руководителя. Так как СПАРК выдает сведения не более чем по 10 тыс. предприятий, работающих как юридическое лицо, а в России их гораздо больше, то мы вынуждены ограничиться данными по одному региону, и этим регионом был выбран г. Москва (табл. 4).

Таблица 4

Юридические лица с различной среднесписочной численностью работников по полу руководителя (г. Москва, 2018 г.)

Среднесписочная численность сотрудников юридического лица, чел.	Пол руководителя, %	
	Мужчины	Женщины
Более 5000	97,1	2,9
1001—5000	90,6	9,4
501—1000	90,8	9,2
101—500	88,7	11,3
50—100	84,6	15,4
<i>Итого</i>	<i>87,6</i>	<i>12,4</i>

Притом что треть малых предприятий возглавляют женщины, среди руководителей средних и крупных предприятий женщин только 12,4 %. Чем крупнее предприятие, тем ниже вероятность того, что его возглавляет женщина.

Человечество более века борется за гендерное равенство, добиваясь результатов в законодательном закреплении равных прав. Однако развитие технологий и последовавшая за ним цифровизация экономики порождают новые вызовы и трудности на пути его достижения. Россиянки являются полноценными участниками экономики и бизнеса, но их структура меняется, и женщины должны вовлекаться в новые сферы, требующие иных знаний. Хотя в ряде отраслей предпринимательства женщины закрепились на ведущих позициях, их предпринимательская деятельность имеет ряд особенностей:

— сосредоточение в малом бизнесе, имеющем такие недостатки, как неустойчивость на рынке, зависимость от крупных поставщиков, сложности получения дополнительного финансирования [Груздева, 2015];

— «скромность» женского бизнеса по первоначальным затратам и дальнейшим инвестициям, его меньшая «амбициозность» [Барсукова, 2015] (это подтверждается распределением мужских и женских предприятий по видам деятельности);

— работа с небольшими объемами товара или индивидуальный труд;

— концентрация в сфере услуг, для которой характерна неустойчивость, вовлеченность в теневую сферу;

— выбор сферы общественных и гуманитарных научных разработок;

— низкий уровень вовлечения в STEM-бизнес;

— влияние профильного образования на предпринимательскую деятельность женщин, что демонстрирует распределение долей мужчин и женщин по трем рассмотренным разделам ОКВЭД-2. Девочки получают преимущественно гуманитарное образование и организуют бизнес в торговле готовыми товарами, в сфере услуг, образовании и здравоохранении. Если речь идет об IT-технологиях, то доля участвующих в таком бизнесе женщин снижается, что особенно заметно при сравнении разных видов занятости.

Таким образом, анализ данных Единого реестра предприятий малого и среднего бизнеса и информационной базы СПАРК позволил сделать вывод о взаимосвязи профильного образования и предпринимательской деятельности населения России, о преобладании мужчин в предпринимательской деятельности всех масштабов, усилении гендерного дисбаланса по мере увеличения размеров предприятия (передовые и актуальные отрасли, развивающиеся в аспекте цифровой экономики, являются прерогативой мужчин).

Библиографический список

- Барсукова С. Ю. И снова о женском предпринимательстве // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 149—150.
- Выборочное обследование репродуктивных планов населения за 2017 год. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. 2017. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml> (дата обращения: 15.12.2018).
- Груздева Е. В. Нужно ли кредитовать малый и средний бизнес в кризис? // Экономические науки. 2015. № 10. С. 31—34.
- Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы РФ. 2018. URL: <https://ofd.nalog.ru> (дата обращения: 15.12.2018).
- Женщины и мужчины России, 2016. М.: Росстат, 2016. 208 с.
- Заславская Т. И. Авангард российского делового сообщества: гендерный аспект // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 26—37.
- Информационный ресурс СПАРК. 2018. URL: <http://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 15.12.2018).
- Кузнецова Т., Чжэнун Ч. Женское предпринимательство в России и Китае // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 5. С. 47—52.
- Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: распоряжение Правительства РФ № 410-р от 8 марта 2017 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420393412> (дата обращения: 13.01.2019).
- Семенова Ю. А. Деловые стратегии и новые модели женского предпринимательства в условиях цифровой экономики // Дискурс. 2018. № 5. С. 114—120.
- Юдина А. А. Социологический анализ женского малого предпринимательства (на примере малого женского предпринимательства города Гатчина) // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 67—71.
- Mastercard Index of Women Entrepreneurs (MIWE). 2018. URL: https://newsroom.mastercard.com/wp-content/uploads/2018/03/MIWE_2018_Final_Report.pdf (дата обращения: 13.01.2019).

References

- Barsukova, S. Iu. (2008) I snova o zhenskom predprinimatel'stve [And again about women's entrepreneurship], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 149—150.
- Gruzdeva, E. V. (2015) Nuzhno li kreditovat' malyy i sredniy biznes v krizis? [Do I need to lend to small and medium-sized businesses in a crisis?], *Ekonomicheskie nauki*, no. 10, pp. 31—34.

- Iudina, A. A. (2012) Sotsiologicheskii analiz zhenskogo malogo predprinimatel'stva: (Na primere malogo zhenskogo predprinimatel'stva goroda Gatchina) [The sociological analysis of female small business: (On the example of small female business in the city of Gatchina)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 67—71.
- Kuznetsova, T., Chzhënun, Ch. (2018) Zhenskoe predprinimatel'stvo v Rossii i Kitae [Women's entrepreneurship in Russia and China], *Problemy teorii i praktiki upravleniia*, no. 5, pp. 47—52.
- Mastercard Index of Women Entrepreneurs (MIWE)* (2018), available from https://newsroom.mastercard.com/wp-content/uploads/2018/03/MIWE_2018_Final_Report.pdf (accessed 13.01.2019).
- Semenova, Iu. A. (2018) Delovye strategii i novye modeli zhenskogo predprinimatel'stva v usloviakh tsifrovoi ekonomiki [Business strategies and new models of female entrepreneurship in the digital economy], *Diskurs*, no. 5, pp. 114—120.
- Vyborochnoe obsledovanie reproduktivnykh planov naseleniia za 2017 god (2017) [Sample survey of reproductive plans of the population for 2017], *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki*, available from <http://std.gmcrossdata.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml> (accessed 15.12.2018).
- Zaslavskaia, T. I. (2006) Avangard rossiiskogo delovogo soobshchestva: gendernyi aspekt [The vanguard of the Russian business community: gender], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 26—37.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2016* [Women and men of Russia], Moscow: Rosstat.

Статья поступила 02.02.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Илимбетова Айсылу Амировна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, akkosh@inbox.ru (Cand. Sc. (Econ.), Senior Lecturer at the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 2. P. 62—75
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.6

Женщина в российском обществе
2020. № 2. С. 62—75
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.6

ПОЧЕМУ ЖЕНЩИНЫ УХОДЯТ ИЗ STEM: РОЛЬ СТЕРЕОТИПОВ

О. Б. Савинская, Н. В. Лебедева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
г. Москва, Россия, osavinskaya@hse.ru

После получения образования в STEM женщины, по сравнению с мужчинами, имеющими образование такого же уровня, реже продолжают работать по профессии, занимают руководящие посты, получают ученую степень. В данном исследовании рассмотрено стереотипное представление «Работа в STEM не для женщин». Было проведено 18 лейтмотивных интервью с женщинами, получившими образование в STEM-областях, работающими и не работающими по полученной специальности. Согласно результатам, стереотипы в отношении роли женщин в технических отраслях науки и экономики в процессе биографического пути опрошенных информанток усиливались. Если сначала все информантки поступили учиться на STEM-специальности, опираясь на успешный опыт поддержки в школе, то впоследствии 2/3 их постепенно отказались от карьеры в STEM.

Ключевые слова: STEM, гендерные стереотипы, гендерная сегрегация, женская самооценка, STEM pipeline, жизненный путь, трудовой путь.

WHY WOMEN LEAVE STEM: THE ROLE OF STEREOTYPES

O. B. Savinskaya, N. V. Lebedeva

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow),
Moscow, Russian Federation, osavinskaya@hse.ru

After acquiring STEM education women are less likely to go on working in that sphere, occupy leadership positions, and get a PhD compared to men with the same level of education. In this study we considered a stereotypical view “Work in STEM is not for women”. 18 interviews were conducted with women graduated in STEM working and not working in the sphere. According to the results, stereotypes regarding the women’s place in STEM connected professions role gradually intensified. While at the beginning all of the informants entered STEM based on the support in the secondary school, later on about 2/3 of them gradually abandoned their careers in STEM.

Key words: STEM, gender stereotypes, gender segregation, STEM pipeline, women’s self-esteem, life experience, job experience.

Введение

Активное развитие технических и научных инноваций приводит к созданию новых отраслей в промышленности, росту количества рабочих мест, улучшению качества жизни. Так, области STEM (Science, Technology, Engineering, Math) становятся востребованными и постоянно развивающимися в современном мире, появляются новые, технологически насыщенные профессии [Атлас новых профессий, 2014].

Вместе с тем, наблюдается сохранение гендерной сегрегации в нарождающихся профессиональных нишах, закрепляемой гендерными стереотипами. Женщины после получения образования в STEM, по сравнению с мужчинами, имеющими образование такого же уровня, реже продолжают работать по профессии, занимают руководящие посты, получают ученую степень. Ни одна страна мира не демонстрирует гендерный баланс в STEM-профессиях (доля женщин далека от 50 %) [Прект GlobalClassrooms...]. Например, в России менее 30 % женщин, получивших техническое образование, работают в соответствующих областях после окончания вуза [Женщины и мужчины России, 2018].

Одной из причин такого неравномерного участия мужчин и женщин в развитии технических отраслей экономики представители разных обществоведческих дисциплин называют сложившиеся гендерные стереотипы. Так, в России, несмотря на почти вековое присутствие женщин в технических науках, женщины воспринимаются как неспособные к математике и точным наукам, остается популярным общественное мнение, что работа в инженерных/технических отраслях (STEM) не женское дело. Существует ряд устойчивых выражений, таких как «женская неспособность к пространственному мышлению», «женская логика», которые репрезентируют стереотипы по поводу невозможности полноценного присутствия женщин в STEM [Beasley, Fischer, 2012].

Стереотипы играют роль в формировании самооценки и в развитии интереса к STEM при выборе области образования [Sjoberg, Schreiner, 2005]. Исследования показали, что стереотипы о неспособности женщин к математике могут уменьшить интерес женщин к изучению дисциплин, связанных с вычислениями [Simpkins et al., 2006]. Длительность рабочего дня оказывается очень чувствительной для женщин в силу стереотипного представления о том, что все домашние дела, в особенности уход за детьми и их воспитание, должны лежать на женских плечах и двойная нагрузка (профессиональная и домашняя работа) — это традиционный удел женщины [Быченко, 2018]. В связи с этим ее чрезмерная занятость на работе негативно отражается на выполнении обязанностей в семье и на детях. Большинство женщин готовы уйти с работы из областей STEM ради семьи [Eccles et al., 1999; Hakim, 2006]. Женщинам, которые работают в областях STEM и заботятся о семье, трудно достичь того же уровня производительности, что и мужчинам. Например, исследования показывают, что женщины, имеющие детей, в STEM областях работают меньше часов, чем мужчины [Jacobs, Winslow, 2004]. Кроме того, постоянно развивающиеся области STEM требуют совершенствования навыков сотрудников, что является проблематичным для женщин, когда они уходят в отпуск по беременности или берут больничный по уходу за ребенком [Lubinski, Benbow, 1992]. Проблема массового

ухода женщин из STEM-профессий поднимается в российской литературе в течение последних лет [Калабихина, 2017; Григорьева, Чубарова, 2018], однако такого рода исследования пока единичны.

Мы сосредоточимся на одном из аспектов проблемы: сталкиваются ли женщины с негативными стереотипами об их способностях и возможностях при построении карьеры, как они их воспринимают и осмысливают и как это согласуется с дальнейшим выбором ими трудового пути. Мы признаем, что гендерные стереотипы проявляются кумулятивно в течение жизни: влияя на разные биографические события, они постепенно формируют определенные установки. Нас интересует то, как гендерные стереотипы проявляются во взаимодействии в разных институтах образования и занятости, как они формируют профессиональную самооценку и профессиональную мотивацию женщин.

Эмпирической базой исследования стали 18 лейтмотивных биографических интервью — личных историй женщин, которые выбрали STEM-специальности. Изучалась часть биографии от школьных лет до настоящего времени, опыт взаимоотношений со сверстниками, коллегами и преподавателями в процессе учебы и работы.

STEM pipeline как образовательная и трудовая траектория

В данном исследовании мы применяем концепт «STEM pipeline» [Ellis et al., 2016], трактуемый как поступательная реализация жизненного пути, образовательного и трудового, для продвижения в STEM-профессиях. Это понятие предполагает преемственность разных этапов: при успешном освоении предыдущего можно реализовать следующий. Однако практика показывает, что женщины в полтора раза чаще оставляют жизненную траекторию, связанную со STEM. Ряд авторов называют это феноменом «протекающей трубы» (leaking pipeline) [ibid.]. Исследования последних лет о женском выборе карьеры в области STEM свидетельствуют, что основными факторами ухода из STEM выступают слабый интерес к STEM-областям, низкая математическая самооценка, а также негативные стереотипы о математических способностях и ролевых моделях женщин [Osborne et al., 2003; Murphy, Whitelegg, 2006; Kerkhoven et al., 2016].

Стереотипы в процессе обучения. Выбор STEM-специальностей для девочек может быть затруднен наличием негативных стереотипов, касающихся их способностей и транслирующихся разными способами от родителей, сверстников, учителей.

Различное отношение девочек и мальчиков к математике и техническим дисциплинам связано с гендерными стереотипами о меньших математических способностях девочек и большей ценности математики для мальчиков [Beilock et al., 2007; Hirnstein et al., 2014]. Так, в случае одинаковой успеваемости у девочек и мальчиков по математике мальчики оцениваются родителями как более способные к математике, а девочки, по их мнению, добиваются успеха благодаря своему старанию [Tiedemann, 2000]. Такие гендерные стереотипы, исходящие от родителей, могут сказываться на математической самооценке девочек, их дальнейших достижениях, а также интересе к математике. В связи с этим девочки и мальчики в старших классах школы по-разному оценивают важность математики. Образовательные ожидания девочек в областях STEM ниже,

чем у мальчиков [Eccles et al., 1993; Wigfield et al., 1997; Савостина и др., 2017; Савинская, Мхитарян, 2018]. И если девушки выбирают образование, связанное со STEM, то они часто недовольны обучением, реже предпочитают работать по полученной специальности [Britner, Pajares, 2006; Beede et al., 2011; Ellis et al., 2016]. Девочки, выбирая STEM-специальности, сталкиваются с двумя видами стереотипов. Одни относятся к оценке способностей и склонности девочек к математике и точным наукам, а также к оценке общих женских ролевых моделей (женщина должна больше уделять внимания семье, а не работе и др.). Другие стереотипы относятся к представлениям о качествах, необходимых для успеха в области STEM или присущих представителям этих профессий.

Стереотипы на рабочем месте. Стереотипы могут проявлять в женщинах негативные чувства к работе в определенных сферах. Например, главным стереотипом о профессиях в областях STEM выступает наличие склонности к социальной изоляции, особой замкнутости на технологиях и науке [Cheryan et al., 2011]. Чаще всего женщины, работающие в этих областях, испытывают существенные трудности в социальной жизни. Им важно взаимодействие с коллегами и руководителем. Отсутствие таких взаимоотношений способствует усилению социальной изоляции [Vega, Brennan, 2000]. Так, в областях IT работники больше взаимодействуют с компьютером, а не людьми. Как следствие, женщины воспринимают области STEM как несовместимые с женскими ролевыми моделями и склоняются к мнению, что они не обладают соответствующими чертами характера, определенными способностями для успешной работы в областях STEM.

Практики совладания с гендерной сегрегацией на рынке труда. В связи с недостаточной представленностью женщин в STEM-областях, они не получают достаточной поддержки со стороны представителей своего пола, поэтому, вероятно, они предпочитают области, выбираемые женщинами в большей степени [Diekman et al., 2017]. Вследствие этого в США, например, есть объединения женщин (скажем, «Women in STEM organizations», «The Society of Women Engineers»), в которых представительницы этих специальностей могут получать поддержку и советы от других работающих в STEM женщин и просто общаться. Это способствует уменьшению социальной изоляции, более успешной работе, преодолению трудностей, с которыми женщины сталкиваются в процессе работы [Friblet et al., 1998; Sellers, Shelton, 2003; Bourguignon et al., 2006]. Настоящее исследование может дополнить имеющиеся результаты рассмотрением стереотипов на разных жизненных этапах: школа, университет, работа.

Метод, процедура и выборка исследования

Для изучения биографической последовательности событий и того, как в их реализации присутствовали гендерные стереотипы, был выбран метод биографического интервью.

В исследовании приняли участие 18 женщин, которые имеют образование в областях STEM (см. приложение). Возраст информанток варьировался от 25 до 57 лет. 12 женщин из опрошенных сейчас работают не по специальности: они сразу после получения высшего образования выбрали другую профессиональную сферу или сменили область работы со временем. Остальные продолжают работать по полученной специальности в областях STEM.

Для поиска информанток, соответствующих исходному критерию — иметь высшее техническое образование и работать на полную ставку на данный момент, — применялся метод снежного кома.

Вопросы интервью были разделены на блоки: вводные, о школе, об университете, о карьере, о роли женщины. В конце задавались уточняющие вопросы. Время проведения интервью — от 45 минут до 2 часов. В целях соблюдения требований анонимности ответы информанток представлены под номерами.

При описании результатов мы придерживались хронологических рамок биографии, заданных в гайде; внутри каждого хронологического этапа выделяли основные стереотипные представления, которые озвучивали участницы (если они были), каналы и агентов трансляции этих стереотипов и возможные стратегии для уменьшения их негативного влияния.

Результаты

В данном исследовании было уделено внимание рассмотрению стереотипного представления «Работа в STEM не для женщин». Присутствие его у женщин могло сыграть роль в процессе выбора карьеры. Отмечено, на каких из трех жизненных этапов: школа, университет, работа — это стереотипное представление появляется и в каких контекстах, какими проводниками гендерных стереотипов — значимыми другими (родители, учителя в школе, одноклассники и преподаватели в институте, однокурсники, руководители или коллеги на работе) может закладываться.

Согласно результатам проведенных интервью, стереотипы в отношении роли женщин в технических отраслях науки и экономики в процессе биографического пути опрошенных информанток усиливались. Если сначала все информантки поступили учиться на STEM-специальности, то впоследствии 2/3 их постепенно отказались от карьеры в STEM. Учителя, преподаватели и родители на этапе получения образования в школе и институте проявляли стереотипное восприятие способностей девушек и их потенциальных возможностей работать в STEM-отраслях, и в итоге стереотипные представления интериоризировались как обыденное знание.

Школа. Согласно интервью, в школе стереотип «Работа в STEM не для женщин» не был сильно выражен. Учителя не акцентировали внимание на лучших способностях мальчиков по сравнению с девочками в математике или физике, не выделяли мальчиков по способностям: *Абсолютно одинаково относились к девочкам и мальчикам (14); По алгебре я была не самой лучшей, но приближалась к ним, к лучшим. Лучшие были и мальчики, и девочки (18); Я не могу сказать, что кого-то выделяли. Все, кто поступил, уже считались достаточно сильными... (13).*

Некоторые биографии ярко показывают, что учителя, которые не выражали данный стереотип, а, наоборот, проявляли гендерную нейтральность, сыграли важную роль в выборе девушками технической образовательной траектории: *Мой школьный учитель математики очень сильно повлиял на мой выбор (2); Когда началась физика, появился преподаватель физики — женщина, и она заинтересовала меня этим предметом (14).* Информантки описали свой опыт общения с учителями, который повлиял на их выбор при поступлении в институт. Это,

вероятно, помогло преодолеть им какие-то негативные стереотипы, если они уже были у них в этом возрасте: *Физик в школе мне помогла (14); Математичка сыграла такую роль в моем отношении к математике (15); У нас была замечательная учительница физики, которая всячески мотивировала, стимулировала интерес к этому предмету (16)*. Таким образом, при рассказе о школе информантки подчеркивали, что учителя по техническим дисциплинам были сильными педагогами, не выделяли мальчиков по способностям и сыграли решающую роль при их личном выборе STEM-области для получения высшего образования. Видимо поэтому девушки пошли в дальнейшем в сферу STEM.

Некоторые участницы при рассказе о причинах выбора того или иного института отрицали факт существования стереотипа у родителей и влияния этого стереотипа на академический трек: *...увидела это красивое здание <МГУ> и папе сказала: я хочу идти в этот институт (13); А мама у меня, у нее стандартный путь. На заводе поработала, тоже техническое высшее образование (15); ...я пойду в МГУ, потому что у меня там училась в мама (10)*. Другие, наоборот, его признали: *...я собиралась еще в Бауманский. Я даже туда прошла, но мама сказала: что ты там будешь «сушить мозги» (6)*.

Не только влияние родителей, учителей, но и отношение со стороны сверстников могло укрепить или развенчать стереотипы участниц интервью. В процессе описания своих школьных лет почти все отмечали хорошие отношения с одноклассниками, а если и говорили о какой-то неудовлетворенности, то это было связано не с техническими дисциплинами, а с личными отношениями. И только одна отметила: *Я в школе хотела заниматься компьютерной графикой либо наукой. Меня отговорили, куда там девочке, зачем? Программистом, ха-ха-ха! (17)*. Такое отношение со стороны одноклассника не повлияло на выбор образовательной траектории, но, возможно, отразилось на карьерной, поскольку информантка не работает по полученной специальности. Можно предположить, что в школьные годы большинство сверстников, независимо от пола, также не имели данных стереотипов, поэтому они и не сыграли существенной роли в их судьбе.

Стереотипные представления передаются в процессе коммуникации. Некоторые подчеркивали отсутствие стереотипа у окружающих: *Большинство людей города работали на заводах, жизнь города была связана с многочисленными техническими предприятиями. Мой папа работал на одном из заводов. И поэтому основная масса разговоров была вокруг завода, вокруг людей, которые работали на заводе (9); Но те знакомые в нашем Наукограде, которые закончили такие факультеты, в градообразующих научных предприятиях и большинство людей, которые приехали туда, — это специалисты. Мы жили в общезжитии, там были все люди из этой научной сферы (16)*. Вероятно, отсутствие стереотипа сыграло определенную роль при выборе ими области STEM.

Таким образом, гендерная нейтральность в высказываниях значимых других — родителей и учителей — стала предиктором дальнейшего выбора девушками технической образовательной траектории.

Университет. В процессе обучения в университете студентки, выбравшие STEM-области, начали ощущать особое отношение к себе и к своему профессиональному выбору. Мнение преподавателей было различным. Некоторые относились снисходительно: *Был преподаватель, который девочкам всегда тройку-то*

поставит (6); ...преподаватель написал такое уравнение, и там была зависимость от пола: если ты девочка, то тебе плюс один балл. Так просто! (5) Девочек немножко жалели... в обе стороны могло быть: некоторых девочек, например, аккуратненько спрашивали, жалели. А другие преподаватели, наоборот, считали, что им там не место, и жестко спрашивали (8). Высказываниями, фиксирующими отступления от норм взаимодействия в академической среде, преподаватели выражали стереотип «Технические дисциплины не подходят для женщин»: А на третьем курсе, видимо, мало попадалось женщин-преподавателей. Были взрослые такие дамы, в летах. Прямо сказать, они явно относились к девушкам хуже. Некоторые откровенно: ну, ты знаешь на пять, но я тебе ставлю четыре (14). Отдельные преподаватели выражали свое отношение так: ...изначально программистом считают мужчину и уж никак не женщину (13).

Некоторые, отмечая факт существования стереотипа в университетах, признавались, что они принимали его наличие и пользовались этим для успешного окончания образовательного трека: ...при желании, если ты девочка, то можно манипулировать преподавателем и получить лучшую оценку. У нас была девочка, которая чуть ли не плакала перед сдачей, говорила, что у нее красный диплом. Чтобы не заваливать оценку. Как-то некрасиво себя вела. В принципе, такое даже прокатывало иногда (5). Таким образом, в отличие от школы, в биографиях информанток на этапе получения высшего образования появляются значимые другие — преподаватели, которые выражают стереотипные представления о гендерной сегрегации профессий и специальностей, и информантки принимали эти стереотипы для обоснования дальнейшего трудового пути.

Также были преподаватели, которые считали, что девушки пришли учиться на техническую специальность, чтобы выйти замуж: В первый же день нам начальник курса во вступительной речи сказал, что девочкам главное тут выйти хорошо замуж (17). Хотя большинство информанток считают, что поступление на эти специальности и само обучение довольно сложное, что одного желания выйти замуж недостаточно, необходимо хорошо и усердно учиться: ...есть такие слухи на физтехе, но я с ними не сталкивалась. Потому что нужно еще суметь поступить (5); ...слишком много математики, чтобы ее выдержать из-за желания просто выйти замуж... те, которые пришли с этой целью, они вылетели сразу же после первой сессии. Их немного, но они были... Слишком тяжело поступить в МГУ ради того, чтобы только выйти замуж (13). Особо выделяется мнение одной из информанток, которая не опровергает наличия такого стереотипа, а высказывает свое отношение к этому: Я нормально отношусь к этому, в принципе. Я не замечала, потому что у нас такой вуз был, что для того, чтобы туда поступить, нужно очень сильно постараться, поэтому вряд ли на нашей специальности было такое. Но совершенно не исключаю этого — такого второго плана цели. Что надо заодно еще и семью создать (8).

Необходимо отметить существующее среди респонденток особое мнение — «Иметь техническое образование престижно»: Я хотела бы закончить просто вуз ради цели. Техническое образование открывает двери много куда. На нас смотрят как на выпускников физтеха, значит, ты крутой и с тобой считаются (5); Для женщины быть кандидатом таких наук у нас почетно (1); Важно было учиться в престижном вузе и на престижной специальности (18). Такое мнение присутствовало у информанток разных возрастов. Также участницы интервью

отмечали, что при выборе своего карьерного трека они основывались на престижности и востребованности профессии: *Это давало больше возможностей при получении работы. Да и просто получить высшее образование — это было престижно (7)*. Они предполагали, что получение образования именно в этих областях будет залогом их успеха и финансовой устойчивости.

Сами информантки по-разному относятся к техническим дисциплинам. Вот, например, мнение тех, кто получили образование в области математики, но отказались от карьеры по специальности, проработав менее 3 лет: *Мужчины всегда больше получали. Голова у них лучше варилась, что говорить, в технических делах. В технических вузах должен работать мужчина и на технических работах... Женщины не так сложены. Мозг не такой технический (12); ...все-таки физик — мужчина (16); В МГУ на мехмате такая поговорка была: женщина в математике не женщина и не математик (12)*.

Все это, возможно, — подтверждение стереотипа «Технические дисциплины не для женщин», но на этапе обучения в институте респондентки так не считали, а пришли к этому мнению только во время работы. У тех женщин, которые остались трудиться в технических областях, такое отношение не проявляется.

Начало карьеры. После окончания университета, в процессе поиска работы по специальности женщины чаще стали сталкиваться со стереотипными высказываниями о том, что работа в этих областях больше подходит мужчинам. Одна из информанток вспоминает о таком факте дискриминации, как указание только мужского пола в объявлениях о вакансии: *...даже в списке вакансий на должность программиста не считаются с Трудовым кодексом, а просто пишут «М», что им нужен только мужчина (6)*. Респондентки приводили примеры проявления этого стереотипа в процессе собственных собеседований: *Практически постоянно, если что-то их не устраивало, они спрашивали: «Девушка, но зачем же вы хотите быть именно программистом? Вы же девушка!» (13); Этот вопрос: «Девушка, ну зачем вам это надо?» — вот это было. Почти везде задавали этот вопрос на собеседованиях (13)*. Многие сталкивались с такими ситуациями дискриминации в процессе собеседования с непосредственным руководителем-мужчиной и чаще всего получали отказ в приеме на работу: *Мой начальник, который проводил собеседование, — один из немногих (я собеседований 20, наверное, прошла), который не спрашивал про семейные планы, про планы рожать детей (6)*.

Выводы

Знакомясь с историями женщин, мы видим, что стереотипы, выраженные в репликах значимых других — учителей, преподавателей, коллег, начальников, встречавшихся на разных этапах биографического пути, сыграли существенную роль в процессе выбора карьерной и образовательной траекторий в STEM. Они создали логику обоснования выбора трудового пути, интерпретации справедливости того или иного биографического события.

В школе присутствие стереотипного представления у информанток практически не обнаружено, и мы предполагаем, что именно это позитивное стечение обстоятельств позволило информанткам принять решение о дальнейшем получении высшего образования в технической сфере. Но, обучаясь в университете, студентки, выбравшие STEM-области, начали чувствовать дискриминирующее отношение к себе и своему выбору области обучения. Мнение преподавателей

было различным: некоторые относились снисходительно, поддерживая стремление девушек изучать сложные «мужские» дисциплины, другие, наоборот, не скрывали своих стереотипов относительно женских профессий. При трудоустройстве и собеседовании с руководителем-мужчиной женщины чаще получали отказ, чем мужчины. Для успешной карьеры в STEM женщинам необходимо прикладывать больше усилий для того, чтобы их оценили как профессионалов и продвигали по карьерной лестнице.

Таким образом, мы увидели, что появляющиеся в биографиях стереотипные высказывания значимых других сопряжены с усилением сомнений в выборе дальнейшего карьерного пути в STEM, со снижением профессиональной самооценки и поиском информантками обоснования ухода из этой профессиональной сферы и приобретения других, более «женских» профессий.

Библиографический список

- Атлас новых профессий. 2014. URL: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (дата обращения: 21.08.2019).
- Быченко Ю. Современные мамы. Осознанное родительство. 2018. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2018-11/bychenko_sovremennye_mamu_web.pdf (дата обращения: 10.07.2019).
- Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Уйти нельзя остаться: формирование жизненных стратегий женщин, сменивших STEM-профессии // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 71—84.
- Женщины и мужчины России, 2018: статистический сборник. М.: Росстат, 2018. 241 с.
- Калабихина И. Е. Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1. С. 5—16.
- Проект Global Classrooms («Международные аудитории») Американской ассоциации содействия Организации Объединенных Наций — мини-тренинг. Тема: «Гендерные вопросы и наука». Комитет: ЮНЕСКО. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/240763.pdf> (дата обращения: 02.05.2019).
- Савинская О. Б., Мхитарян Т. А. Технические дисциплины (STEM) как девичий профессиональный выбор: достижения, самооценка и скрытый учебный план // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 3. С. 34—48.
- Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А. STEM: профессиональные траектории молодежи: (гендерный аспект) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 3. С. 33—44.
- Beasley M. A., Fischer M. J. Why they leave: the impact of stereotype threat on the attrition of women and minorities from science, math and engineering majors // *Social Psychology of Education*. 2012. Vol. 15, № 4. P. 427—448.
- Beede D. N., Julian T. A., Langdon D., McKittrick G., Khan B., Doms M. E. Women in STEM: a gender gap to innovation // *Economics and Statistics Administration. Issue Brief Ser.* 2011. № 4. P. 11—17.
- Beilock S. L., Rydell R. J., McConnell A. R. Stereotype threat and working memory: mechanisms, alleviation, and spillover // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2007. Vol. 136, № 2. P. 256—267.
- Bourguignon D., Seron E., Yzerbyt V., Herman G. Perceived group and personal discrimination: differential effects on personal self-esteem // *European Journal of Social Psychology*. 2006. Vol. 36, № 5. P. 773—789.

-
- Britner S. L., Pajares F.* Sources of science self-efficacy beliefs of middle school students // *Journal of Research in Science Teaching: the Official Journal of the National Association for Research in Science Teaching.* 2006. Vol. 43, № 5. P. 485—499.
- Cheryan S., Siy J. O., Vichayapai M., Drury B. J., Kim S.* Do female and male role models who embody STEM stereotypes hinder women's anticipated success in STEM? // *Social Psychological and Personality Science.* 2011. Vol. 2, № 6. P. 656—664.
- Diekman A. B., Steinberg M., Brown E. R., Belanger A. L., Clark E. K.* A goal congruity model of role entry, engagement, and exit: understanding communal goal processes in STEM gender gaps // *Personality and Social Psychology Review.* 2017. Vol. 21, № 2. P. 142—175.
- Eccles J. S., Barber B., Jozefowicz D.* Linking gender to educational, occupational, and recreational choices: applying the Eccles et al. model of achievement-related choices // *Sexism and Stereotypes in Modern Society: the Gender Science of Janet Taylor Spence.* Washington (DC): American Psychological Association, 1999. P. 153—192.
- Eccles J., Wigfield A., Harold R. D., Blumenfeld P.* Age and gender differences in children's self and task perceptions during elementary school // *Child Development.* 1993. Vol. 64, № 3. P. 830—847.
- Ellis J., Fosdick B. K., Rasmussen C.* Women 1.5 times more likely to leave STEM pipeline after calculus compared to men: lack of mathematical confidence a potential culprit // *PLoS ONE.* 2016. Vol. 7, № 11. P. 1—14.
- Frable D. E. S., Platt L., Hoey S.* Concealable stigmas and positive self-perceptions: feeling better around similar others // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1998. Vol. 74, № 4. P. 909.
- Hakim C.* Women, careers, and work-life preferences // *British Journal of Guidance & Counselling.* 2006. Vol. 34, № 3. P. 279—294.
- Hirstein M., Andrews L. C., Hausmann M.* Gender-stereotyping and cognitive sex differences in mixed- and same-sex groups // *Archives of Sexual Behavior.* 2014. Vol. 43, № 8. P. 1663—1673.
- Jacobs J. A., Winslow S. E.* Overworked faculty: job stresses and family demands // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 2004. Vol. 596, № 1. P. 104—129.
- Kerkhoven A. H., Russo P., Land-Zandstra A. M., Saxena A., Rodenburg F. J.* Gender stereotypes in science education resources: a visual content analysis // *PloS ONE.* 2016. Vol. 11, № 11. P. 56—77.
- Lubinski D., Benbow C. P.* Gender differences in abilities and preferences among the gifted: implications for the math-science pipeline // *Current Directions in Psychological Science.* 1992. Vol. 1, № 2. P. 61—66.
- Murphy P., Whitelegg E.* *Girls in the Physics Classroom: a Review of the Research on the Participation of Girls in Physics.* London: Institute of Physics, 2006.
- Osborne J., Simon S., Collins S.* Attitudes towards science: a review of the literature and its implications // *International Journal of Science Education.* 2003. Vol. 25, № 9. P. 1049—1079.
- Sellers R. M., Shelton J. N.* The role of racial identity in perceived racial discrimination // *Journal of Personality and Social Psychology.* 2003. Vol. 84, № 5. P. 1079.
- Simpkins S. D., Davis-Kean P. E., Eccles J. S.* Math and science motivation: a longitudinal examination of the links between choices and beliefs // *Developmental Psychology.* 2006. Vol. 42, № 1. P. 70.
- Sjoberg S., Schreiner C.* Young people and science // *Attitudes, Values and Priorities: Evidence from the ROSE Project. Keynote Presentation at EU's Science and Society Forum.* 2005. P. 9—11.
- Tiedemann J.* Parents' gender stereotypes and teachers' beliefs as predictors of children's concept of their mathematical ability in elementary school // *Journal of Educational Psychology.* 2000. Vol. 92, № 1. P. 144.

- Vega G., Brennan L. Isolation and technology: the human disconnect // *Journal of Organizational Change Management*. 2000. Vol. 13, № 5. P. 468—481.
- Wigfield A., Eccles J. S., Yoon K. S., Harold R. D., Arbretton A. J., Freedman-Doan C., Blumenfeld P. C. Wigfield A. et al. Change in children's competence beliefs and subjective task values across the elementary school years: a 3-year study // *Journal of Educational Psychology*. 1997. Vol. 89, № 3. P. 451.

References

- Atlas novykh professii* (2019) [Atlas of new professions], available from https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (accessed 21.08.2019).
- Beasley, M. A., Fischer, M. J. (2012) Why they leave: The impact of stereotype threat on the attrition of women and minorities from science, math and engineering majors, *Social Psychology of Education*, vol. 15, no. 4, pp. 427—448.
- Beede, D. N., Julian, T. A., Langdon, D., McKittrick, G., Khan, B., Doms, M. E. (2011) Women in STEM: A gender gap to innovation, *Economics and Statistics Administration*, issue brief series, no. 4, pp. 11—17.
- Beilock, S. L., Rydell, R. J., McConnell, A. R. (2007) Stereotype threat and working memory: mechanisms, alleviation, and spillover, *Journal of Experimental Psychology: General*, vol. 136, no. 2, pp. 256—267.
- Bourguignon, D., Seron, E., Yzerbyt, V., Herman, G. (2006) Perceived group and personal discrimination: Differential effects on personal self-esteem, *European Journal of Social Psychology*, vol. 36, no. 5, pp. 773—789.
- Britner, S. L., Pajares, F. (2006) Sources of science self-efficacy beliefs of middle school students, *Journal of Research in Science Teaching: The Official Journal of the National Association for Research in Science Teaching*, vol. 43, no. 5, pp. 485—499.
- Bychenko, Iu. (2018) *Sovremennye mamy. Osoznanoe roditel'stvo* [Modern moms. Conscious parenthood], available from https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/publication/documents/2018-11/bychenko_sovremennye_mamy_web.pdf (accessed 10.07.2019).
- Cheryan, S., Siy, J. O., Vichayapai, M., Drury, B. J., Kim, S. (2011) Do female and male role models who embody STEM stereotypes hinder women's anticipated success in STEM?, *Social Psychological and Personality Science*, vol. 2, no. 6, pp. 656—664.
- Diekman, A. B., Steinberg, M., Brown, E. R., Belanger, A. L., Clark, E. K. (2017) A goal congruity model of role entry, engagement, and exit: Understanding communal goal processes in STEM gender gaps, *Personality and Social Psychology Review*, vol. 21, no. 2, pp. 142—175.
- Eccles, J. S., Barber, B., Jozefowicz, D. (1999) Linking gender to educational, occupational, and recreational choices: Applying the Eccles et al. model of achievement-related choices, in: *Sexism and Stereotypes in Modern Society: The Gender Science of Janet Taylor Spence*, Washington, DC: American Psychological Association, pp. 153—192.
- Eccles, J., Wigfield, A., Harold, R. D., Blumenfeld, P. (1993) Age and gender differences in children's self and task perceptions during elementary school, *Child Development*, vol. 64, no. 3, pp. 830—847.
- Ellis, J., Fosdick, B. K., Rasmussen, C. (2016) Women 1.5 times more likely to leave STEM pipeline after calculus compared to men: lack of mathematical confidence a potential culprit, *PLoS ONE*, vol. 7, no. 11, pp. 1—14.
- Frable, D. E. S., Platt, L., Hoey, S. (1998) Concealable stigmas and positive self-perceptions: Feeling better around similar others, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 74, no. 4, p. 909.

- Grigor'eva, N. S., Chubarova, T. V. (2018) Uti nel'zia ostat'sia: formirovanie zhiznennykh strategii zhenshchin, smenivshikh STEM-professii [To leave impossible to stay: life strategies of women who left STEM-professions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 71—84.
- Hakim, C. (2006) Women, careers, and work-life preferences, *British Journal of Guidance & Counselling*, vol. 34, no. 3, pp. 279—294.
- Hirnsteyn, M., Andrews, L. C., Hausmann, M. (2014) Gender-stereotyping and cognitive sex differences in mixed- and same-sex groups, *Archives of Sexual Behavior*, vol. 43, no. 8, pp. 1663—1673.
- Jacobs, J. A., Winslow, S. E. (2004) Overworked faculty: Job stresses and family demands, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 596, no. 1, pp. 104—129.
- Kalabikhina, I. E. (2017) Novye podkhody k izmereniiu predstavlenosti zhenshchin v STEM-obrazovanii i STEM-zaniatosti v Rossii [New approaches to measuring women's representation in STEM education and STEM employment in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—16.
- Kerkhoven, A. H., Russo, P., Land-Zandstra, A. M., Saxena, A., Rodenburg, F. J. (2016) Gender stereotypes in science education resources: A visual content analysis, *PLoS ONE*, vol. 11, no. 11, pp. 56—77.
- Lubinski, D., Benbow, C. P. (1992) Gender differences in abilities and preferences among the gifted: Implications for the math-science pipeline, *Current Directions in Psychological Science*, vol. 1, no. 2, pp. 61—66.
- Murphy, P., Whitelegg, E. (2006) *Girls in the Physics Classroom: A Review of the Research on the Participation of Girls in Physics*, London: Institute of Physics.
- Osborne, J., Simon, S., Collins, S. (2003) Attitudes towards science: A review of the literature and its implications, *International Journal of Science Education*, vol. 25, no. 9, pp. 1049—1079.
- Savinskaia, O. B., Mkhitarian, T. A. (2018) Tekhnicheskie distsipliny (STEM) kak devichii professional'nyi vybor: dostizheniia, samoootsenka i skrytyi uchebnyi plan [STEM as girl's professional choice: achievements, self-esteem and a hidden curriculum], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 34—48.
- Savostina, E. A., Smirnova, I. N., Khasbulatova, O. A. (2017) STEM: professional'nye traektorii molodezhi: (Gendernyi aspekt) [STEM: professional trajectories of youth: (Gender aspect)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 33—44.
- Sellers, R. M., Shelton, J. N. (2003) The role of racial identity in perceived racial discrimination, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 84, no. 5, p. 1079.
- Simpkins, S. D., Davis-Kean, P. E., Eccles, J. S. (2006) Math and science motivation: A longitudinal examination of the links between choices and beliefs, *Developmental Psychology*, vol. 42, no. 1, p. 70.
- Sjoberg, S., Schreiner, C. (2005) Young people and science, in: *Attitudes, values and priorities: Evidence from the ROSE project*. Keynote presentation at EU's Science and Society Forum, pp. 9—11.
- Tiedemann, J. (2000) Parents' gender stereotypes and teachers' beliefs as predictors of children's concept of their mathematical ability in elementary school, *Journal of Educational Psychology*, vol. 92, no. 1, p. 144.
- Vega, G., Brennan, L. (2000) Isolation and technology: The human disconnect, *Journal of Organizational Change Management*, vol. 13, no. 5, pp. 468—481.
- Wigfield, A., Eccles, J. S., Yoon, K. S., Harold, R. D., Arbretton, A. J., Freedman-Doan, C., Blumenfeld, P. C., Wigfield, A., et al. (1997) Change in children's competence beliefs and subjective task values across the elementary school years: A 3-year study, *Journal of Educational Psychology*, vol. 89, no. 3, p. 451.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii* (2018) [Women and men of Russia], Moscow: Rosstat.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выборка исследования
(характеристики информанток — участниц 18 лейтмотивных интервью)

№ информантки	Возраст, лет	Семейное положение, дети	Образование (факультет/кафедра)	Работает ли по полученной специальности
1	43	Замужем, 1 ребенок	Энергетический факультет	да
2	48	Разведена, 1 ребенок	Физико-математический факультет	да
3	57	Замужем, 2 ребенка	Радиотехнический факультет	нет
4	44	Не замужем, детей нет	Факультет авиационной техники	нет
5	25	Не замужем, детей нет	Кафедра физической и квантовой электроники	да
6	26	Не замужем, детей нет	Кафедра прикладной математики и информатики	да
7	47	Не замужем, 1 ребенок	Физико-математический факультет	нет
8	31	Замужем, 1 ребенок	Факультет управления и прикладной математики	нет
9	56	Не замужем, детей нет	Радиотехнический факультет	нет
10	28	Не замужем, детей нет	Факультет вычислительной математики и кибернетики	да
11	56	Замужем, 2 ребенка	Радиотехнический факультет	нет
12	57	Не замужем, 1 ребенок	Энергомашиностроительный факультет	нет
13	31	Не замужем, детей нет	Факультет вычислительной математики и кибернетики	нет
14	29	Замужем, детей нет	Физический факультет	нет
15	29	Не замужем, детей нет	Факультет математических методов в экономике	нет
16	28	Не замужем, детей нет	Физический факультет	да
17	29	Замужем, 2 ребенка	Физический факультет	нет
18	55	Разведена, 1 ребенок	Радиотехнический факультет	нет

Статья поступила 28.11.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Савинская Ольга Борисовна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, osavinskaya@hse.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation).

Лебедева Наталия Владимировна — аспирантка департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия (Post-graduate student at the Department of Sociology, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 2. P. 76—88
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.7

Женщина в российском обществе
2020. № 2. С. 76—88
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.7

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РАЗНОВОЗРАСТНОГО ЖЕНСКОГО ПЕРСОНАЛА ИННОВАЦИОННЫХ КОМПАНИЙ

Л. Н. Захарова, З. Х.-М. Саралиева, И. С. Леонова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru

Представлены результаты эмпирического исследования субъективного благополучия как эмоционального регулятора трудового поведения в условиях изменения технологического уклада. Выявлены характеристики субъективного благополучия женского персонала производственных и медицинских компаний с разным уровнем вовлеченности в инновационные процессы. Феномен изучен по показателям ценностных приоритетов, подверженности стрессу, усталости от трудовой деятельности и организационных условий, самооценки здоровья и возраста, психологического самочувствия в трудовом коллективе. Установлено, что субъективное благополучие женского персонала по всем показателям выше в организационных условиях инновационных компаний независимо от сферы бизнеса, но в производственном секторе оно лучше, чем в медицинском. Сформулированы подходы к управлению субъективным благополучием женского персонала.

Ключевые слова: индустрия 4.0, инновации, женский персонал, организационная культура, ценности, стресс, самооценка здоровья, самооценка возраста, усталость, субъективное благополучие.

SUBJECTIVE WELL-BEING OF FEMALE EMPLOYEES OF INNOVATIVE COMPANIES OF DIFFERENT AGES

L. N. Zakharova, Z. H.-M. Saralievva, I. S. Leonova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, zara@fsn.unn.ru

The results of an empirical study of subjective well-being as an emotional regulator of labor behavior of female personnel in the conditions of technological patterns changes have been presented. The characteristics of the subjective well-being of female personnel of industrial and medical companies with different levels of involvement in innovative processes have

© Захарова Л. Н., Саралиева З. Х.-М., Леонова И. С., 2020

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00910 «Социально-психологический возраст персонала российских предприятий в условиях вариативности организационных культур транзитивной экономики».

been analyzed. 420 women (engineers and doctors) of three age groups have participated in the study as respondents. Subjective well-being was analyzed through the indicators of value commitment to innovative changes, exposure to stress, fatigue from work and organizational conditions, health and age self-assessment, psychological well-being at work. The K. Cameron and R. Quinn (OCAI), stress scale R. Kessler, author's self-assessment questionnaire and subjective well-being methods combining questions with direct scaling have been used for diagnosis of organizational culture and value of organizational and cultural preferences. It has been revealed that the subjective well-being of female staff is higher in all respects in organizational conditions of innovative companies regardless of business sphere, but in the industrial sector it is better than in the medical one. Organizational conditions are very important in the process of development of subjective well-being in relation to different professions and age. The role of stress related to changes that generates subjective disfunction and, as a result, female staff seeking psychological support and solidarity in enhancing the value of relationships in organizational culture to an absolute priority to the detriment of business and innovative components has been discovered. Subjective well-being restrains the strengthening of the value of relationships and determines the necessary balance of other components of organizational culture. Subjectively wealthy female staff shows inconsistency with the stereotypical characteristics of conservatism and unpreparedness for progressive organizational changes that cause difficulties for women in the labor market in the face of a shift of technological structure. Insufficient value readiness of young female staff to work in an innovative business has been revealed, some of the nuances of the subjective age well-being / trouble have been disclosed. Approaches to the management of subjective well-being of female staff in the context of innovative organizational changes have been developed.

Key words: industry 4.0, innovation, female staff, organizational culture, values, stress, self-assessment of health, self-assessment of age, fatigue, subjective well-being.

Введение

Дискриминация женщин на рынке труда имеет большую историю в силу устойчивости традиционных представлений о роли женщины в обществе и ее участии в разделении труда. В соответствии с гендерными стереотипами женщины не могут быть успешными во многих профессиях, кроме того, они приносят в жизнедеятельность организации излишнюю эмоциональность, ориентацию на межличностные отношения в ущерб отношениям, определяемым профессиональным и должностным статусом, женщины более консервативны, не склонны к изменениям, часто попадают под влияние, у них меньшая производительность труда, хуже здоровье [Neilman, 2012; Castellano et al., 2019].

Стереотипы не возникают без оснований. Традиционное воспитание и традиционная занятость женщин наложили отпечаток на их положение на рынке труда. Более того, известно, что стереотипы имеют тенденцию распространяться на тех, в отношении кого они сформировались в истории, и сами женщины уже находят у себя черты, содержащиеся в стереотипе [Nelson, 2004], становясь психологически готовыми к более низким должностным позициям, профессиям, требующим меньшей квалификации, более низкой оплаты труда [Гимпельсон, 2019]. Женщины действительно ценят взаимоотношения и на рабочих местах более удовлетворены сложившимися отношениями, чем заработком, но, как правило, не стремятся сменить работу в поисках более высокой оплаты труда,

находят удовлетворение в сегодняшнем дне, ценя свои достижения или стабильность, воспринимая временную перспективу своей трудовой деятельности как предопределенность, фатальность [Сунгорова, Ильина, 2019].

Быстрое наступление нового технологического уклада индустрии 4.0 еще больше осложняет положение женщины на рынке труда. Установки на стабильность и предопределенность, даже при согласии на невысокую заработную плату, перестают играть решающую роль в получении и сохранении рабочего места. Идущие изменения радикально трансформируют рынок труда, исчезают одни профессии, появляются новые. Ключевые технологии индустрии 4.0 — анализ больших данных, автономные роботы, симуляция (моделирование), интеграция IT-систем, промышленный интернет вещей, кибербезопасность, облачные вычисления, дополненная реальность [Fossen, Sorgner, 2019] — не сочетаются с гендерными стереотипами.

От сотрудника компании требуются новые профессионально значимые качества: креативность, принятие инноваций, динамичность, постоянная готовность к обучению и самообучению [Квачев, Юдина, 2017; Fossen, Sorgner, 2019]. В фундаментальном исследовании В. Е. Гимпельсона показано, что женщины реже, чем мужчины, переучиваются, осваивают новые технологии, быстрее попадают в рамки более низкой оплаты труда [Гимпельсон, 2019]. Женщины проигрывают мужчинам и в возрастных аспектах. Они нередко с присущим им фатализмом не осознают более позднего наступления старения как характеристики современного образа жизни и считают благом низкий пенсионный возраст, хотя за его границей «располагается пространство дискриминации» [Григорьева, 2018: 7]. Особенностью женщин является легкая возможность при снижении самооценки в трудовой деятельности психологически уйти в семейные социальные роли как приоритетные практически в любом возрасте, что создает серьезный барьер для наращивания своих характеристик человеческого капитала в процессах обучения и самообучения [Захарова и др., 2011].

Чтобы у сотрудников компаний возникло желание соответствовать требованиям нового технологического уклада, постоянно обновлять профессиональные знания и осваивать новые технологии, нужны специфические управленческие подходы в работе менеджеров, основанные не на административном принуждении, а на вовлечении в организационные и трудовые процессы с помощью эмоциональных регуляторов [Кондратьев, 2016; Календжян, Кузьмина, 2017]. Эмоциональные регуляторы особенно значимы для женщин. Важнейшим эмоциональным регулятором трудовой деятельности является субъективное благополучие (СБ) персонала [Linley et al., 2009]. Под СБ понимается эмоциональная оценка удовлетворенности жизнью в целом или ее конкретными сферами, в том числе трудовой деятельностью. Ключевой составляющей СБ применительно к трудовой деятельности является желание прогрессивных технологических и организационных изменений на фоне позитивных эмоций, связанных с трудом [Diener et al., 1999]. СБ — сложный многоуровневый феномен, включающий аффективный, когнитивный, социальный, профессиональный и психосоматический компоненты со сложной внешней и внутренней детерминацией различными факторами: от культуры общества и организационной

культуры до удовлетворенности работой или эмоционального истощения и психосоматического напряжения [Charalampous et al., 2019].

Выявление внешней детерминации особенно важно при решении задач управления, в том числе при установлении уровня СБ как эмоционального регулятора трудовой деятельности. Основными внешними детерминантами СБ в трудовой деятельности выступают организационные условия, проявляющиеся в организационной культуре (ОК). ОК является социально-психологическим и организационным контекстом трудовой деятельности, содержащим ценности и соответствующие им модели поведения [Schein, 2010; Cameron, Quinn, 2011]. Она может как служить источником удовлетворенности трудом и субъективного благополучия, так и вызывать сильный организационный стресс, разрушающий психологическую жизнеспособность персонала в условиях организационных изменений, порождая у сотрудников чувство субъективного неблагополучия, снижающее трудовую мотивацию [Everly, Smith, 2013; Саралиева, Захарова, 2017].

Чтобы понять специфику СБ женского персонала и роль этого феномена в регуляции готовности к трудовой деятельности в условиях инноваций, представляется целесообразным провести его сравнительный анализ в компаниях с разной вовлеченностью сотрудниц в инновационные процессы.

Цель исследования — выявить характеристики субъективного благополучия женского персонала инновационных компаний в различных сферах трудовой деятельности. Работа проведена в компаниях, созданных еще в советский период. Тем не менее одни из них успешно преодолели проблемы перехода к рыночному инновационному развитию, другие же испытывают многолетние трудности модернизации, а в последнее время — вхождения в новый технологический уклад.

В исследовании приняли участие инженеры ординарной производственной компании (ОКП) и инновационной (ИКП) (класс профессий «человек — техника» [Климов, 2004]), врачи ординарной муниципальной поликлиники (ОКМ) и инновационной частной клиники (ИКМ) (класс профессий «человек — человек») трех возрастных групп: до 35 лет, от 35 до 54 лет, старше 55 лет — примерно в равном соотношении (N = 420). Все респондентки — женщины с опытом работы в компании не менее трех лет, что означает их полную адаптацию к организационным условиям компаний.

В процессе исследования использовались метод диагностики организационной культуры и ценностных предпочтений персонала К. Камерона и Р. Куинна [Cameron, Quinn, 2011], шкала дистресса Р. Кесслера [Kessler et al., 2002], авторская анкета, сочетающая вопросы с методом прямого шкалирования, непараметрические критерии Манна — Уитни и Вилкоксона.

Результаты исследования и их анализ

В условиях перехода к новому технологическому укладу особенно важной стереотипной характеристикой женского персонала представляется консерватизм, неготовность к прогрессивным организационным изменениям. Таблица 1 содержит данные о ценностных приоритетах женского персонала в отношении организационного развития. Можно видеть, что в инновационных и ординарных производственных и медицинских компаниях существенно различаются

организационные условия, проявляющиеся в ОК. При общем доминировании иерархического и кланового компонентов ОК в ординарных компаниях в производственной компании все же сильнее выражен иерархический компонент, а в медицинской — клановый. Таким образом, личностная солидарность врачей статистически значимо превышает тот же показатель в инженерном сообществе. Как это ни покажется парадоксальным, но сила управленческой власти и технических регламентов выше в производственной сфере, где речь идет о качестве техники и технологий, чем в медицине, где мерилom профессиональной ответственности являются здоровье и жизнь пациента.

В инновационных компаниях разных сфер бизнеса значительно больше общего, чем отличительного: доминирует деловой компонент ОК. Вместе с тем оценки врачей уровня инновационности компаний существенно выше аналогичных оценок инженеров во всех возрастных группах. Таким образом, врачи медицинской компании очень определенно воспринимают ее инновационность и, судя по выраженности делового компонента, стараются использовать соответствующие возможности активно, ответственно и во всей полноте.

Таблица 1

Организационная культура и организационные ценности женского персонала ординарных и инновационных производственных и медицинских компаний

Возраст	Компания	Ценности организационной культуры											
		клановые			инновационные			рыночные			иерархические		
		Ф	П	W	Ф	П	W	Ф	П	W	Ф	П	W
Молодой	ОКП	26	37	*	13	13	—	20	18	—	41	32	*
	ИКП	20	27	*	18	25	*	33	30	—	29	16	**
	У	*	*		*	**		*	**		*	**	
	ОКМ	33	41	**	16	18	—	19	19	—	32	20	*
	ИКМ	20	27	*	23	26	—	34	35	—	22	11	*
	У	**	**		Т	*		*	**		*	*	
Средний	ОКП	27	41	**	13	12	—	21	15	*	39	32	*
	ИКП	19	21	—	19	27	*	32	35	Т	30	17	**
	У	*	**		*	**		*	**		*		
	ОКМ	37	45	*	14	17	Т	20	19	—	29	19	*
	ИКМ	21	31	*	28	30	—	31	22	*	20	17	—
	У	**	*		**	*		*	—		*	—	
Старший	ОКП	27	40	**	15	15	—	19	16	—	39	29	*
	ИКП	17	24	*	22	30	Т	32	32	—	29	14	**
	У	*	*		*	**		*	**		*	*	
	ОКМ	35	43	**	17	19	—	16	17	—	32	21	*
	ИКМ	23	29	*	25	33		28	20	*	24	18	*
	У	*	**		**	*		*	—		*	—	

Примечания. Ф — фактическое состояние ОК, П — предпочтительное состояние ОК, У — критерий Манна — Уитни, * — $p \leq 0.05$; ** — $p \leq 0.01$, Т — тенденция, — — статистически значимые различия отсутствуют.

Если сделать анализ ценностей организационного развития, можно увидеть два принципиально разных вектора. В ординарных компаниях, независимо

от типа бизнеса, персонал желает безусловного усиления до максимальных значений ценности отношений и ослабления иерархии, на практике это ведет к снижению управляемости компаний и обязательности регламентов деятельности, а также к повышению возможностей урегулировать все проблемы на уровне договоренностей с сохранением системы сложившихся в компании и структурных подразделениях отношений.

В инновационных компаниях тоже есть желание несколько усилить клановый компонент в ОК и снизить уровень иерархичности. Но логика здесь иная. Доминанта иерархии сменяется доминантой делового компонента, что придает компании большую динамичность, целесообразную направленность, ответственность. Кроме того, независимо от типа бизнеса практически во всех возрастных группах персонала инновационных компаний выражена статистически значимая тенденция к росту инновационности. Исключение составляют врачи среднего возраста, где желательность повышения инновационности отмечена, но не достигает уровня статистической значимости.

Эти результаты свидетельствуют, что женский персонал ординарных компаний испытывает чувство субъективного неблагополучия. Давление руководства, проявляющееся в иерархическом компоненте ОК, создает угрозу неизбежности реформ, связанных с повышением инновационности инженерного и медицинского труда, ростом ожиданий руководства в отношении результативности деятельности сотрудников. Как эмоциональный регулятор это чувство побуждает и женщин-инженеров, и женщин-врачей искать компенсацию неблагополучия в усилении межличностной солидарности.

На уровне анализа ценностей организационного развития можно обоснованно утверждать, что сотрудницы инновационных компаний ощущают себя в трудовой деятельности и организационных отношениях субъективно благополучными. Они не желают снижать деловой компонент ОК и хотят повышать инновационный. Естественным в таких условиях представляется желание некоторого усиления кланового компонента ОК, так как ценность отношений, безусловно, делает организационную жизнь более психологически комфортной. Но, заметим, при таком усилении кланового компонента его представленность будет не выше того уровня, от которого хотят повышать его сотрудницы ординарных компаний. Доминанта деловых и инновационных ценностей удержит компании от утраты достигнутых преимуществ и, скорее всего, не скажется негативно на дальнейшем развитии по инновационному пути.

СБ женского персонала ординарных и инновационных компаний более детально можно проанализировать обратившись к таблице 2, в которой представлены данные по его компонентам. К общим особенностям ощущения усталости относится значительно большая усталость от организационных условий в ординарных компаниях независимо от сферы бизнеса. Следовательно, условия перехода к рыночно-инновационной парадигме развития сопряжены с выраженной усталостью, связанной с негативными переживаниями. Но в компаниях, устойчиво стоящих на пути инновационного развития, усталость существенно снижается, что ведет к повышению СБ. Заслуживает внимания возрастная динамика усталости: усталость от организационных условий в ординарных компаниях максимально выражена у молодых сотрудниц. Это означает, что в процессе

обучения они не испытывали социализационных влияний, готовящих их к работе в условиях рыночных инновационных требований. С течением времени они привыкли к требованиям менеджмента, не отвечая на них адекватными усилиями и смыкаясь в клановых установках с персоналом старших возрастов.

Также важным представляется тот факт, что усталость врачей от организационных условий существенно ниже, чем усталость инженеров, хотя она все равно статистически значимо превышает усталость специалистов инновационных компаний. Это, видимо, результат более выраженной клановой составляющей в ОК медицинских учреждений.

Таблица 2

Субъективное благополучие женского персонала инновационных и ординарных производственных и медицинских компаний

Возраст	Компания	С/О воз- раста	Усталость, обусловленная				З	С-СС	НС	ПСвК	Стресс
			д. р.	тр. д.	ОУ	WT – ОУ					
Молодой	ОКП	7.3	4.4	6.1	8.3	*	3.1	2.7	2.3	-1.4	2.6
	ИКП	-4.1	3.6	6.2	4.2	*	3.5	4.3	3.3	2.8	1.4
	У	*	–	–	*		–	*	*	**	**
	ОКМ	6.5	3.1	7.3	6.2	Т	3.2	2.3	1.8	1.2	2.8
	ИКМ	-3.7	3.5	6.9	4.7	*	3.9	3.5	2.1	3.9	2.3
	У	*	Т	Т	*		**	*	–	**	
Средний	ОКП	4.7	5.9	8.0	6.7	*	2.5	2.4	1.1	-4.1	2.1
	ИКП	-5.5	4.2	5.9	4.8	–	3.9	3.8	3.4	3.8	1.2
	У	*	Т	**	*		*	**	**	**	*
	ОКМ	5.2	3.6	7.0	5.8	*	3.1	2.9	1.6	3.3	2.1
	ИКМ	-4.7	3.3	5.8	4.3	*	4.0	3.1	3.0	4.5	1.2
	У	*	–	*	*		*	–	**	*	*
Старший	ОКП	-5.9	4.8	4.8	5.2	*	1.4	1.6	1.5	-2.2	1.8
	ИКП	-6.2	4.6	4.7	4.0	–	3.4	3.0	2.9	4.0	1.1
	У	–	–	–	Т		**	*	**	**	*
	ОКМ	-3.5	3.5	5.5	4.4	Т	2.5	2.0	2.1	2.6	2.4
	ИКМ	-3.9	3.2	5.0	3.7	*	3.6	3.3	3.5	4.4	1.9
	У	–	–	Т	*		**	*	*	**	

Примечания. С/О — субъективная оценка, д. р. — домашняя работа, тр. д. — трудовая деятельность, ОУ — организационные условия, WT – ОУ — статистическая значимость различий по критерию Вилкоксона между усталостью от трудовой деятельности и организационных отношений, З — самооценка состояния здоровья в целом, С-СС — самооценка состояния сердечно-сосудистой системы, НС — самооценка состояния нервной системы, ПСвК — психологическое самочувствие в трудовом коллективе (см. также обозначения к табл. 1).

Если обратиться к анализу усталости от собственно трудовой деятельности, можно видеть, что независимо от сферы бизнеса данная деятельность с использованием инновационных технологий воспринимается как более легкая или по крайней мере не более трудоемкая, чем с использованием традиционных технологий. А одним из факторов сопротивления освоению новых технологий

является не только страх не суметь их освоить, но и представления о том, что более сложный труд вызывает большую усталость. Не чувствуют особой разницы в трудозатратах молодые и старшие сотрудницы. Первые, видимо, потому, что независимо от инновационности компании находятся в периоде адаптации к трудовой деятельности, а старшие уже сформировали необходимые компетенции. Можно видеть и то, что по усталости от домашней работы практически нет отличий между сотрудницами ординарных и инновационных компаний. Это является косвенным подтверждением адекватности и надежности данных, полученных в отношении трудовой и организационной усталости.

Данные об усталости хорошо согласуются с оценками состояния здоровья. Сотрудницы инновационных компаний, независимо от сферы бизнеса, чувствуют себя существенно более здоровыми как в целом, так и в отношении состояния сердечно-сосудистой и нервной систем. Исключение составляют молодые женщины — инженеры и врачи. В общих самооценках здоровья первых различий нет, хотя значительно различаются самооценки его конкретных проявлений, самооценки состояния нервной системы у вторых практически одинаковые. Кстати, можно видеть, что при наличии общего в самооценках состояния здоровья у сотрудниц ординарных и инновационных компаний есть и существенная особенность: у врачей эти различия проявляются мягче, чем у инженеров. Безусловно, к данным по самооценке состояния здоровья нужно относиться осторожно. Субъективные оценки не всегда соответствуют объективному положению [Лебедева-Несевря, Цинкер, 2018]. Здесь со всей очевидностью требуются специальные исследования.

Чтобы понять возможные причины таких различий, следует обратиться к данным о стрессе, переживаемом женским персоналом. У женщин в ординарных компаниях независимо от сферы бизнеса стресс выше, чем в инновационных, и у врачей он выше, чем у инженеров. Стрессовые нагрузки, по-видимому, являются фактором, способствующим стремлению к усилению клановой составляющей ОК.

Эти данные о лучшем СБ женского персонала инновационных предприятий поддерживаются оценками, сделанными респондентками в отношении своего возраста. Можно видеть, что во всех группах независимо от сферы бизнеса женщины, работающие в инновационных компаниях, чувствуют себя существенно моложе, чем их сверстницы в ординарных компаниях. Интересно, что женщины-инженеры ощущают себя моложе, чем женщины-врачи. В отношении женщин ординарных компаний различия не так сильно выражены: женщины-инженеры чувствуют себя старше в среднем на 7.3—4.7 года, а женщины-врачи на 6.5—5.2. Интересный факт состоит в том, что независимо от сферы бизнеса и инновационности компании женщины старшего возраста ощущают себя моложе своих лет; ярче это выражено опять же у женщин-инженеров (на 5.9 года в ординарной компании и на 6.2 года в инновационной). У старших женщин-врачей данные показатели составляют –3.5 года в ординарной компании и –3.9 года в инновационной. Однако исследования показали, что в ординарных компаниях старшие женщины существенно менее вовлечены в трудовую деятельность, чем их коллеги в инновационных компаниях [Zakharova et al., 2019]. Поэтому в самооценке своего возраста старшие женщины выступают скорее как субъекты частной жизни и демонстрируют естественное женское желание скрыть свой

возраст, а женщины инновационных компаний более склонны оценивать себя именно как субъектов трудовой деятельности, а в ней они также моложе своего хронологического возраста в традиционном понимании его характеристик.

Завершить изучение СБ женщин целесообразно анализом их самочувствия в трудовом коллективе. Можно видеть, что во всех возрастных группах независимо от сферы бизнеса психологическое самочувствие в трудовом коллективе лучше в инновационных компаниях, но особенно яркие различия наблюдаются в производственных компаниях. В медицинских компаниях показатели не опускаются в отрицательную область значений, что свидетельствует об относительно лучшем субъективном благополучии врачей.

Заключение

Безусловно, сделаны только первые шаги в исследовании феномена субъективного благополучия как эмоционального регулятора в специально отобранных компаниях, принципиально различающихся по уровню инновационности. Тем не менее можно сделать следующие выводы.

1. Представляется продуктивным подход к исследованию СБ персонала с использованием показателей переживаемого стресса, самооценки усталости, здоровья и психологического самочувствия в трудовом коллективе. Такой подход позволяет соотнести влияние на СБ организационных условий, социального самочувствия и индивидуального самовосприятия, что обеспечивает комплексный характер оценки субъективного благополучия.

2. Субъективное благополучие женского персонала, независимо от сферы бизнеса и принадлежности к возрастной группе, существенно выше в инновационных компаниях, что свидетельствует о гуманистической оправданности инновационного вектора развития экономики и приоритете организационных условий в формировании СБ. Исследование показало, что, несмотря на живучесть гендерных и возрастных стереотипов, в определенных организационных условиях женский персонал может ценностно соответствовать требованиям индустрии 4.0 к человеческому капиталу.

3. Трудности перехода к развитию в формате нового технологического уклада определяются, в частности, ограниченностью действия такого эмоционального регулятора трудовой деятельности, как субъективное благополучие. Можно видеть, что это очень сложный регулятор. Само по себе СБ не является фактором перспективных изменений. Оно может быть и фактором стагнации.

4. В инновационных компаниях высокий уровень субъективного благополучия поддерживает инновационные ценности женского персонала всех возрастных групп и его готовность следовать соответствующему вектору развития, сдерживая ценности отношений на приемлемом для развития уровне.

5. Исследование выявило далеко не полную ценностную готовность молодого женского персонала к работе в условиях изменения технологического уклада, что ставит задачу развития в вузах программ перспективной организационной социализации, реализация которых снизит издержки менеджмента на вовлечение молодого персонала в инновационные процессы.

6. Перед менеджментом компаний стоит задача поиска управленческих подходов, сочетающих профилактику организационного стресса как фактора

формирования психологической защиты в виде утверждения доминанты ценности отношений и реализацию управления, которое на каждом этапе инновационного развития ведет к улучшению субъективного благополучия. Такой подход должен базироваться на снижении иерархичности, порождающей дегуманизацию отношений [Caesens et al., 2017], и на поддержке неформального участия женского персонала в программах повышения квалификации.

Библиографический список

- Гимпельсон В. Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 3, № 2. С. 185—237.
- Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 5—18.
- Захарова Л. Н., Коровашкова Л. В., Климьчева М. В. Организационно-культурная детерминация самопринятия педагогов при внедрении информационных технологий в образовательный процесс // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 2. С. 375—382.
- Календжян С., Кузьмина Т. «Вовлеченность персонала» как основа культуры соучастия // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 10. С. 112—126.
- Квачев В. Г., Юдина М. А. Индустрия 4.0: поражение работы или победа творческого труда // Государственное управление: электронный вестник. 2017. Октябрь. С. 140—158.
- Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2004. 304 с.
- Кондратьев Э. О. О причинах неэффективности современного менеджмента // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 3. С. 96—104.
- Лебедева-Несевря Н. А., Цинкер М. Ю. Различия в показателях здоровья работающих женщин и мужчин в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 3. С. 7—25.
- Саралиева З. Х., Захарова Л. Н. Женщины как персонал: ценностный аспект // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 45—57.
- Сунгурова Н. Л., Ильина Е. В. Особенности удовлетворенности трудом и представлений о временной перспективе работающих женщин среднего возраста // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 52—61.
- Caesens G., Stinglhamber F., Demoulin S., De Witte M. Perceived organizational support and employees' well-being: the mediating role of organizational dehumanization // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2017. Vol. 26, № 4. P. 527—540.
- Cameron K. S., Quinn R. E. Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework. San Francisco: Jossey-Bass, 2011. 204 p.
- Castellano N., Rocca A., Read R. Analyzing the gender gap in European labor markets at the NUTS-1 level // Cogent Social Sciences. 2019. Vol. 5, iss 1.
- Charalampous M., Grant C. A., Tramontano C., Michailidis E. Systematically reviewing remote e-workers' well-being at work: a multidimensional approach // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2019. Vol. 28, № 1. P. 51—73.
- Diener E., Suh E. M., Lucas R. E., Smith H. L. Subjective well-being: three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125, № 2. P. 76—302.

- Everly G. S., Smith K. J. Resilient leadership and the organizational culture of resilience: construct validation // *International Journal of Emergency Mental Health and Human Resilience*. 2013. Vol. 15, № 2. P. 123—128.
- Fossen F., Sorgner A. Mapping the future of occupations: transformative and destructive effects of new digital technologies on jobs // *Foresight and STI Governance*. 2019. Vol. 13, № 2. P. 10—18.
- Heilman M. I. Gender stereotypes and workplace bias // *Research in Organizational Behavior*. 2012. Vol. 32. P. 113—135.
- Kessler R. C., Andrews G., Colpe A. Short screening scales to monitor population prevalence and trends in non-specific psychological distress // *Psychological Medicine*. 2002. Vol. 32. P. 959—956.
- Linley P. A., Maltby J., Wood A. M., Osborne G., Hurling R. Measuring happiness: the higher order factor structure of subjective and psychological well-being measures // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47. P. 878—884.
- Nelson T. D. *Ageism: Stereotyping and Prejudice Against Older Persons*. Cambridge (MA): MIT Press, 2004. 253 p.
- Schein E. H. *Organizational Culture and Leadership*. 4th ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2010. 336 p.
- Zakharova L., Leonova I., Zaladina A. Value readiness for organizational changes and labor involvement of engineering staff // *The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS*. 2019. Vol. 58, № 147. P. 1272—1279.

References

- Caesens, G., Stinglhamber, F., Demoulin, S., De Wide, M. (2017) Perceived organizational support and employees' well-being: the mediating role of organizational dehumanization, *European Journal of Work and Organizational Psychology*, vol. 26, no. 4, pp. 527—540.
- Cameron, K. S., Quinn, R. E. (2011) *Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework*, San Francisco: Jossey-Bass.
- Castellano, N., Rocca, A., Read, R. (2019) Analyzing the gender gap in European labor markets at the NUTS-1 level, *Cogent Social Sciences*, vol. 5, no. 1.
- Charalampous, M., Grant, C. A., Tramontano, C., Michailidis, E. (2019) Systematically reviewing remote e-workers' well-being at work: a multidimensional approach, *European Journal of Work and Organizational Psychology*, vol. 28, no. 1, pp. 51—73.
- Diener, E., Suh, E. M., Lucas, R. E., Smith, H. L. (1999) Subjective well-being: three decades of progress, *Psychological Bulletin*, vol. 125, no. 2, pp. 276—302.
- Everly, G. S., Smith, K. J. (2013) Resilient leadership and the organizational culture of resilience: construct validation, *International Journal of Emergency Mental Health and Human Resilience*, vol. 15, no. 2, pp. 123—128.
- Fossen, F., Sorgner, A. (2019) Mapping the future of occupations: transformative and destructive effects of new digital technologies on jobs, *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no. 2, pp. 10—18.
- Gimpel'son, V. E. (2019) Vozrast i zarabotnaia plata: stilizovannye fakty i rossiiskie osobennosti [Age and salary: stylized facts and Russian features], *Ékonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ékonomiki*, vol. 3, no. 2, pp. 185—237.
- Grigor'eva, I. A. (2018) Pozhilye zhenshchiny: "vniz po lestnitse" vozrasta i genera [Older women: "down the ladder" of age and gender], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—18.

- Heilman, M. I. (2012) Gender stereotypes and workplace bias, *Research in Organizational Behavior*, vol. 32, pp. 113—135.
- Kalendzhian, S., Kuz'mina, T. (2017) "Vovlechënnost' personala" kak osnova kul'tury souchastiia ["Employee engagement" as the basis of a culture of participation], *Problemy teorii i praktiki upravleniia*, no. 10, pp. 112—126.
- Kessler, R. C., Andrews, G., Colpe, A. (2002) Short screening scales to monitor population prevalence and trends in non-specific psychological distress, *Psychological Medicine*, vol. 32, pp. 959—956.
- Klimov, E. A. (2004) *Psikhologiiia professional'nogo samoopredeleniia* [Psychology of professional self-determination], Moscow: Akademiia.
- Kondrat'ev, E. O. (2016) O prichinakh neëffektivnosti sovremennogo menedzhmenta [About the reasons for the inefficiency of mod], *Problemy teorii i praktiki upravleniia*, no. 3, pp. 96—104.
- Kvachev, V. G., Iudina, M. A. (2017) Industriia 4.0: porazhenie raboty ili pobeda tvorcheskogo truda [Industry 4.0: the defeat of work or the victory of creative work], *Gosudarstvennoe upravlenie: Ëlektronnyi vestnik*, oktiabr', pp. 140—158.
- Lebedeva-Nesevria, N. A., Tsinker, M. Iu. (2018) Razlichiiia v pokazateliakh zdorov'ia rabotaiushchikh zhenshchin i muzhchin v Rossii [Differences in health indicators of working women and men in Russia], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 21, no. 3, pp. 7—25.
- Linley, P. A., Maltby, J., Wood, A. M., Osborne, G., Hurling, R. (2009) Measuring happiness: the higher order factor structure of subjective and psychological well-being measures, *Personality and Individual Differences*, vol. 47, pp. 878—884.
- Nelson, T. D. (2004) *Ageism: Stereotyping and Prejudice Against Older Persons*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Saraliev, Z. Kh., Zakharova, L. N. (2017) Zhenshchiny kak personal: tsennostnyi aspekt [Women as employees: the value aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 45—57.
- Sungurova, N. L., Il'ina, E. V. (2019) Osobennosti udovletvorënnosti trudom i predstavlenii o vremennoi perspektive rabotaiushchikh zhenshchin srednego vozrasta [Features of job satisfaction and perceptions of the time perspective of middle-aged working women], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 52—61.
- Zakharova, L., Leonova, I., Zaladina, A. (2019) Value readiness for organizational changes and labor involvement of engineering staff, *The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS*, vol. 58, no. 147, pp. 1272—1279.
- Zakharova, L. N., Korovashkova, L. V., Klimycheva, M. V. (2011) Organizatsionno-kul'turnaia determinatsiia samopriniatiia pedagogov pri vnedrenii informatsionnykh tekhnologii v obrazovatel'nyi protsess [Organizational and cultural determination of teachers' self-acceptance when implementing information technologies in the educational process], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, seriia Sotsial'nye nauki, no. 2, pp. 375—382.

Информация об авторах / Information about the authors

Захарова Людмила Николаевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии управления, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zlnnnov@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychology of Managment, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна — доктор исторических наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Леонова Ирина Сергеевна — кандидат социологических наук, начальник отдела международных связей, докторант кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, irina_leonova@list.ru (Cand. Sc. (Sociology), Head of the International Office, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 2. P. 89—98
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.8

Женщина в российском обществе
2020. № 2. С. 89—98
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.8

НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Т. К. Ростовская, Н. А. Безвербная

Институт социально-политических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru

В мире каждая третья женщина подвергается жестокому обращению и чаще всего со стороны знакомого ей лица, в том числе супруга или сожителя. В статье рассматривается природа насилия в отношении женщин, особое внимание авторы уделяют насилию в семье. Анализируются статистические данные относительно насилия в отношении женщин и домашнего насилия в разных странах. Особое внимание уделяется рискам уязвимости женщин в области прав человека, репродуктивного и психологического здоровья.

Ключевые слова: социология, социология семьи, гендер, права человека, виды насилия, физическое здоровье, психологическое здоровье, последствия насилия, профилактика насилия, гражданское общество, зарубежный опыт.

VIOLENCE AGAINST WOMEN: GLOBAL TRENDS

T. K. Rostovskaya, N. A. Bezverbnaya

Institute of Socio-Political Research (Branch),
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru

Around the world, one in three women is subjected to abuse, most often by someone they know, including their spouse or partner. The article deals with the nature of gender-based violence, the authors pay special attention to the gender-based violence within family. Statistical data on domestic violence in different countries are analyzed. Special attention is paid to the risks of vulnerability of women in the field of human rights, health protection, mainly reproductive and psychological health.

Key words: sociology, sociology of the family, gender, human rights, types of violence, physical health, psychological health, consequences of violence, prevention of violence, civil society, foreign experience.

Насилие в отношении женщин рассматривается как важная проблема нарушения прав человека и проблема общественного здравоохранения. Это один из основных факторов риска уязвимости женщин в области охраны здоровья, главным образом репродуктивного и психологического.

Насилие может повлиять на любого человека — независимо от расы, религии, территории проживания, социально-экономического положения или гендерной идентичности. Хотя женщины подвергаются наибольшему риску и в наибольшей степени страдают от насилия, мужчины также подвергаются гендерному насилию. Индивидуальное и семейное насилие нарушает права и свободу человека и гражданина, может иметь серьезные физические, экономические и социальные последствия. Например, сексуальное насилие может привести к нежелательной беременности, небезопасным абортam, заболеваниям, передающимся половым путем, изоляции и депрессии. Это также может мешать пострадавшим от насилия достичь экономического процветания из-за физической или психологической травмы. Насилие является одной из наиболее острых социальных проблем, поскольку оно не только отражается на жертвах, но и дестабилизирует общество в целом, несет угрозу социальному порядку [Ростовская и др., 2018].

Насилие закрепляется, с одной стороны, безнаказанностью, с другой — нехваткой имеющихся ресурсов или отсутствием экономических возможностей человека, подвергшегося насилию, что приводит к тому, что оставшиеся в живых продолжают зависеть от насильника. Кроме того, есть много форм насилия, которое является традицией в определенных сообществах, например ранние браки в некоторых общинах США, изнасилования в Южной Африке и других странах мира, торговля людьми в Индии, сексуальное насилие в Демократической Республике Конго, убийства женщин в Гватемале, калечение женщин в Нигерии, так называемые убийства чести в Ираке или Пакистане. Таким образом, гендерное насилие является частью континуума насилия и влияет на гражданские, политические, экономические, социальные, культурные права человека.

Считается, что насилие в семье в первую очередь затрагивает женщин, девочек и мальчиков, хотя жертвами становятся и мужчины. Формы насилия в семье могут включать физическое, сексуальное, психологическое насилие и экономический контроль. Распространенность насилия трудно фиксировать из-за значительного занижения данных о нем в отношении как мужчин, так и женщин.

Насилие в семье является инструментом установления контроля. Были выявлены определенные факторы риска, которые повышают вероятность виктимизации. Дети, ставшие свидетелями домашнего насилия, с большей вероятностью сами становятся жертвами (девочки) или преступниками (мальчики). Существует также некоторая корреляция между низкой самооценкой женщин, связанной с низким социально-экономическим статусом, низким уровнем образования, и виктимизацией. Злоупотребление алкоголем и психоактивными веществами со стороны мужчин также было определено в качестве пускового фактора насилия в семье.

Во всем мире насилие в отношении женщин остается основной причиной их заболеваемости и смертности в возрасте 15—49 лет, унося больше жизней,

чем рак, малярия, дорожно-транспортные происшествия и война вместе взятые¹ (табл.). В 1990-х гг. вопросы охраны здоровья женщин стали привлекать особое внимание глобального общественного здравоохранения — после публикации в 1993 г. Декларации ООН об искоренении насилия в отношении женщин. Приведем примеры распространения данного явления в разных странах мира.

Количество женщин, подвергшихся физическому или сексуальному насилию со стороны нынешнего или бывшего партнера в течение последних 12 месяцев, %

Страна	Год	Количество женщин
Австрия	2014	3,0
Азербайджан	2006	10,2
Афганистан	2015	46,1
Бангладеш	2011	50,7
Буркина Фасо	2010	9,6
Великобритания	2014	5,0
Германия	2014	3,0
Зимбабве	2006	30,5
	2011	27,2
	2014	19,9
Индия	2006	23,9
Иордания	2007	14,6
	2012	14,1
Ирландия	2014	3,0
Италия	2006	2,4
	2014	1,9
Камбоджа	2005	8,7
Камерун	2011	32,6
Канада	2009	1,3
Кения	2014	25,5
Колумбия	2010	37,4
Конго	2014	36,8
Кот-д'Ивуар	2012	22,9
Словакия	2008	12,0
	2014	6,0
Франция	2007	1,0
	2014	5,0
Чехия	2014	4,0
Швеция	2012	2,2
Эстония	2014	4,0

Сост. на основе данных, опубликованных ООН до 2016 г.

В ходе обследования в 27 университетах Соединенных Штатов в 2015 г. 23 % студенток сообщили, что подвергались сексуальному насилию или сексуальному домогательству [Cantor et al., 2015: 13, 35].

¹ The World's Women 2015, Trends and Statistics / United Nations Economic and Social Affairs. 2015. P. 159. URL: <https://unstats.un.org/unsd/gender/vaw/> (accessed 10.01.2020).

В процессе многостранового исследования, проведенного на Ближнем Востоке и в Северной Африке, от 40 до 60 % женщин заявили, что они когда-либо сталкивались с уличными сексуальными домогательствами (в основном с комментариями оскорбляющего характера и преследованиями), а от 31 до 64 % мужчин заявили, что они когда-либо совершали такие акты [Fulu et al., 2013].

Результаты мониторинга, проведенного в 2016 г. в 14 регионах Казахстана, показали, что распространенность случаев домашнего насилия по отношению к женщинам имеет место: свидетелями единичных случаев были 10,2 % опрошенных, еще 11,6 % ответили, что наблюдали данное негативное явление часто и очень часто [Ростовская и др., 2018: 83].

В Южной Азии статистика насилия отражает угрожающий сценарий. Распространенность насилия здесь со стороны интимных партнеров поразительно высока (особенно супружеское насилие, ранние браки, убийства чести, принудительный секс и траффинг) [Solotaroff, Prabha, 2014].

Для этого региона характерен самый высокий уровень детской смертности, чем где-либо в мире, и самый высокий уровень детских браков с высоким уровнем насилия со стороны интимных партнеров². Детские браки и неграмотность составляют наиболее распространенный набор факторов риска насилия в семьях названного региона.

Данные национального репрезентативного исследования, проведенного в Пакистане, показали, что примерно в половине браков женщины не достигли 18 лет. В Непале 40 % девочек выходят замуж в возрасте 15 лет, а 7 % — до достижения 10 лет [Bishwajit et al., 2016]. В Индии, где 68 % женского населения неграмотны, 47,4 % девочек в возрасте от 20—24 лет вышли замуж до 18 лет, а 42 % стали матерями до достижения 20 лет [Ahmad et al., 2016].

Обязательства правительств по решению гендерных преступлений закреплены с помощью различных правовых актов: Закона о бытовом насилии в Непале (2009), Закона о защите женщин в Пакистане (2006), Закона о профилактике бытового насилия в Шри-Ланке (2005). Хотя правительства и организации гражданского общества постоянно стремятся обуздать гендерные преступления [Nasrullah et al., 2009], отсутствие всеобъемлющих статистических данных и неспособность обнаружить и устранить основные социально-культурные проблемы препятствуют этому.

Насилие в отношении женщин, на наш взгляд, является следствием сложного взаимодействия религиозных, идеологических, социокультурных факторов. Это основная причина того, что законодательные меры сами по себе не играют здесь существенной роли. В качестве потенциального решения этой сложной проблемы в некоторых исследованиях была признана необходимость разработки политики, учитывающей гендерные аспекты, путем согласования различных социально-политических, культурных и экономических факторов, лежащих в основе охраны здоровья и соблюдения прав человека [Пашукова, Тер-Акопова, 2012; Хоткина, 2019]. Это означает, что директивным органам настоятельно необходимо принимать более своевременные решения и новаторские стратегии

² World Health Organization: WHO Multi-country Study on Women's Health and Domestic Violence Against Women. Geneva: WHO, 2005. 206 p. URL: <https://www.who.int/reproductivehealth/publications/violence/9241593512/en/> (accessed 10.01.2020).

посредством расширения сотрудничества с представителями гражданского общества и частного сектора, местными и международными правозащитными неправительственными организациями.

Хотя глобализация привела к определенным изменениям в отношении равноправия полов, во многих обществах все еще сохраняются традиционные патриархальные ценности, способствующие подрыву прав человека. Межличностные и социокультурные нормы выступают детерминантами природы гендерного насилия. Например, в южноазиатской культуре мужчина традиционно рассматривается как воплощение права и власти, вследствие чего насилие в семье (в той или иной форме) в значительной степени оправдывается давними культурными и социальными ценностями, является неизбежной частью супружеской жизни. Таким образом, глубина проблемы может быть переоценена или полностью игнорирована в зависимости от восприятия обществом и индивидом проблемы и готовности признать ее как проблему.

Согласно исследованию, проведенному в трущобах Мумбаи, 35 % женщин указали, что избиение жен будет оправданным, если женщины неуважительно относятся к родственникам, спорят с мужем, не выполняют домашнюю работу, не осуществляют уход за детьми или вышли без разрешения из дома [Mishra, Lohiya, 2016].

Отмечается, что южноазиатские женщины исключительно склонны к сохранению культурных ценностей семейной структуры, брака и религиозной практики даже при попытке приспособиться к различным гендерным ролевым ожиданиям, языку и культурным ценностям в чужой стране. Аналогичная тенденция наблюдается среди иммигранток из Южной Азии, которые молча принимают оскорбительное поведение в семье и избегают обращаться за консультацией и юридическими услугами, опасаясь, что это может повлечь за собой социальную стигматизацию и в целом усугубит семейную проблему.

В исследовании, проведенном в Индии, было установлено, что мужчины чаще сообщают о высокой распространенности всех форм насилия по сравнению с женщинами [ibid.]. По данным многостранового исследования ВОЗ³, женщины в Японии в наименьшей степени подвержены бытовому насилию, в то время как его наибольшая распространенность отмечается в Бангладеш, Объединенной Республике Танзании, Перу, Эфиопии [Understanding Masculinities... , 2017].

Помимо случаев насилия в семье, торговля девочками и женщинами является еще одной серьезной гендерной проблемой и проблемой прав человека, которая широко распространена в Южной Азии, при этом семьи и друзья/знакомые составляют большинство лиц, занимающихся торговлей женщинами. Так, правительство Непала утверждает, что столкнулось с одним из худших сценариев торговли людьми в мире [Solotaroff, Prabha, 2014]. Согласно обследованию, проведенному в Непале, примерно в 80 % случаев преступник был членом семьи жертвы [ibid.]. Женщины и девочки, спасенные из борделей в Мумбаи, сообщили, что более половины жертв были проданы известными им лицами. Исследование, проведенное в южноазиатском борделе, показало, что четверть испытуемых были проданы в него с участием тех, кого они знали [Silverman, Raj, 2014].

³ Ibid.

В Северной Индии 25 % мужей сообщили о физическом насилии в отношении своих жен в течение предыдущего года, а 30 % — о сексуальном насилии. В Бангладеш более одного из 3 мужчин сообщили о физическом и сексуальном насилии или обоих случаях в отношении своих жен за последние 12 месяцев, это один из худших результатов для стран Южной Азии [Bishwajit et al., 2016].

Насилие в отношении женщин представляет собой серьезную угрозу для глобального общественного здравоохранения и создает значительные препятствия на пути улучшения состояния их здоровья. Оно может вызвать множество острых и долгосрочных последствий для репродуктивного, сексуального и психологического статуса: физические травмы и инвалидность, распространение заболеваний, передаваемых половым путем, непреднамеренные беременности, гинекологические проблемы, легкие и тяжелые расстройства настроения и самоубийства.

В последние годы растет интерес к исследованиям и программам, связанным с развитием репродуктивного здоровья женщин, направленным на улучшение репродуктивного здоровья во всем мире [Ростовская, Безвербная, 2019]. Всеобщий доступ к качественным услугам в области сексуального и репродуктивного здоровья рассматривается в качестве ключевого компонента достижения многих (если не всех) целей в области устойчивого развития, касающихся охраны здоровья матери и ребенка и гендерного равенства.

Говоря о масштабах распространенности семейного насилия в Российской Федерации, нужно заметить, что поступающие из разных источников сведения зачастую противоречат друг другу, т. е. сбор статистики ведется, но его критерии остаются неясными. Сбор статистических данных значительно ухудшился из-за принятия Закона о декриминализации побоев в семье (2017).

Экспертная группа провела выборочный мониторинг в отдельных регионах страны с целью оценить масштабы проблемы. Установлено, что в Псковской области в 2019 г. ежедневно фиксировалось от 5 до 7 актов семейного насилия. За 6 месяцев было составлено 380 административных протоколов и возбуждено 20 уголовных дел. В Ростовской области ни одно ведомство не ведет статистику пострадавших от домашнего насилия. Например, за 2017 г. удалось получить данные только о 216 женщинах, обратившихся в «Центр социальной помощи семье и детям г. Ростов-на-Дону» с жалобами на домашнее насилие.

Сотрудниками Краснодарского краевого кризисного центра помощи женщинам было проанализировано состояние преступности, сопряженной с насильственными действиями, за период 2016—2018 гг. Обнаружено 1205 преступлений названной категории, в том числе 317 изнасилований, где потерпевшими являлись женщины; более 125 преступлений в отношении женщин, совершаемых членами семьи, в том числе супругом или сожителем. По данным экспертных оценок, около 70—90 % женщин, страдающих от домашнего насилия, не обращаются за помощью в полицию и, таким образом, их данные не попадают в официальную статистику МВД [Остаться в живых... , 2020: 14].

В результате в 2018 г. российских женщин признали одними из самых незащищенных в мире: Россия набрала ноль баллов в области законодательства по защите женщин от насилия, оказавшись среди таких стран, как Либерия,

Габон или Йемен. У нас по-прежнему отсутствуют базовые наборы законодательных мер, необходимых для защиты женщин, в том числе законы о профилактике домашнего насилия, о stalking (преследование). В учреждениях не приняты корпоративные кодексы, в которых было бы прописано, что такое харассмент. Российская Федерация пока не присоединилась к Конвенции Международной организации труда о насилии.

Всемирная ассамблея здравоохранения признает насилие в отношении женщин в качестве одной из основных проблем общественного здравоохранения, которая требует немедленного внимания со стороны правительств и организаций. Все больше данных свидетельствуют о том, что нищета и отсутствие доступа к производственным ресурсам среди женщин значительно повышают риск насилия в семье и сексуальной торговли [Bishwajit et al., 2016]. Хотя эта проблема носит преимущественно социальный характер, система здравоохранения играет решающую роль в профилактике насилия, начиная с обеспечения эффективного скрининга жертв, информирования людей о последствиях насилия для здоровья и заканчивая удовлетворением их физических и психологических потребностей в области здравоохранения.

Очевидно, что большинство людей не знают о различных медицинских и социально-экономических последствиях насилия для детей, других членов семьи и общего благосостояния семьи. Общенациональная кампания по борьбе с насилием должна быть нацелена на повышение осведомленности людей, чтобы уменьшить гендерные предубеждения и поощрять гендерно-чувствительное отношение, искоренять гендерную неграмотность и обеспечить участие мужчин в таких программах.

Распространение и увеличение количества случаев насилия в отношении женщин может быть остановлено путем публикаций истинных данных о степени его распространенности. Кроме того, проведение национальных обследований на регулярной основе путем разработки эффективной стратегии скрининга случаев насилия в отношении женщин имеет решающее значение для разработки стратегий его профилактики и вмешательства с учетом культурных особенностей, которые будут в значительной степени способствовать оценке и мониторингу прогресса в обеспечении гендерного равенства.

Таким образом, решение проблем гендерного неравенства, насилия в отношении женщин и семейного насилия должно основываться на взаимодействии политических, экономических институтов и гражданского общества. Привлечение внимания широких слоев общественности к названным проблемам способно повлиять на социальные нормы и ценности, изменить менталитет, основанный на агрессии и насилии.

Полагаем, что в решении этой глобальной проблемы немалое значение имеют средства массовой информации. Их роль заключается в популяризации законов и политики, способствующих гендерному равенству, повышении осведомленности населения о проблеме семейного и гендерного насилия, распространении информации о кризисных центрах, куда могут обратиться жертвы насилия, и др. В целом ряде стран средства массовой информации могут сыграть важную роль в повышении общего уровня культуры и грамотности населения.

Внимания правительств большинства стран заслуживает проблема введения отчетности о масштабах насилия в отношении женщин, а также разработка целевых программ по снижению уровня его распространенности. Для многих стран не менее актуальной является проблема финансовой помощи, направленной на получение женщинами дополнительного образования, профессиональной переподготовки, на повышение профессиональных компетенций для дальнейшего становления женщины в социуме.

Библиографический список

- Остаться в живых: насилие в отношении женщин в России / под ред. М. Пискаковой-Паркер, А. Синельникова. М., 2020. 346 с.
- Паушкова Т. И., Тер-Акопова А. С. Теоретический анализ становления понятий гендера и гендерной идентичности в психологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. [Сер.:] Образование и педагогические науки. 2012. № 640. С. 122—132.
- Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Теоретические подходы к изучению гендерного насилия // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Сер.: Демография. Социология. Экономика. М.: Экон-Информ, 2019. Т. 5, № 4. С. 306—311.
- Ростовская Т. К., Калиев Т. Б., Завьялова Н. Б., Безвербный В. А. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: российский и казахстанский опыт // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 78—88.
- Хоткина З. А. От итогов к перспективам: тридцатилетие российских гендерных исследований // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции, Москва — Иваново — Плётс, 16—18 мая 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 18—25.
- Ahmad J., Khan M. E., Mozumdar A., Varma D. S. Gender-based violence in Rural Uttar Pradesh, India: prevalence and association with reproductive health behaviors // Journal Interpers Violence. 2016. № 31. P. 3111—3128.
- Bishwajit G., Sarker S., Yaya S. Socio-Cultural Aspects of Gender-Based Violence and Its Impacts on Women's Health in South Asia. 2016. URL: <https://f1000research.com/articles/5-802> (дата обращения: 10.01.2020).
- Cantor D., Fisher B., Chibnall S., Townsend R., Lee H., Bruce C., Thomas G. Report on the AAU Campus Climate Survey on Sexual Assault and Sexual Misconduct. 2015. URL: https://www.aau.edu/sites/default/files/%40%20Files/Climate%20Survey/AAU_Campus_Climate_Survey_12_14_15.pdf (дата обращения: 10.01.2020).
- Fulu E., Jewkes R., Roselli T. G., Garcia-Moreno C. Prevalence of and factors associated with male perpetration of intimate partner violence: findings from the UN multi-country cross-sectional study on men and violence in Asia and the Pacific // Lancet Glob Health. 2013. № 1. P. e187—e207.
- Mishra P. K., Lohiya N. K. Prioritizing reproductive health: can it be the real game changer for India? // Journal of Reproductive Health Medicine. 2016. № 2. P. 1—3.
- Nasrullah M., Haqqi S., Cummings K. J. The epidemiological patterns of honour killing of women in Pakistan // European Journal of Public Health. 2009. № 19. P. 193—197.
- Silverman J. G., Raj A. Intimate partner violence and reproductive coercion: global barriers to women's reproductive control // PLoS Medicine. 2014. № 11. URL: https://www.researchgate.net/publication/265692001_Intimate_Partner_Violence_and_

Reproductive_Coercion_Global_Barriers_to_Women's_Reproductive_Control (дата обращения: 10.01.2020).

Solotaroff J. L., Prabha R. P. Violence against Women and Girls: Lessons from South Asia / World Bank Group. Washington, 2014. 336 p.

Understanding Masculinities: Results from the International Men and Gender Equality Survey (IMAGES) — Middle East and North Africa. UN Women and Promundo-US. 2017. URL: <https://promundoglobal.org/resources/understanding-masculinities-results-international-men-gender-equality-survey-images-middle-east-north-africa/#> (дата обращения: 10.01.2020).

References

- Ahmad, J., Khan, M. E., Mozumdar, A., Varma, D. S. (2016) Gender-based violence in Rural Uttar Pradesh, India: Prevalence and association with reproductive health behaviors, *Journal Interpers Violence*, no. 31, pp. 3111—3128.
- Bishwajit, G., Sarker, S., Yaya, S. (2016) *Socio-Cultural Aspects of Gender-Based Violence and Its Impacts on Women's Health in South Asia*, available from <https://f1000research.com/articles/5-802> (accessed 10.01.2020).
- Cantor, D., Fisher, B., Chibnall, S., Townsend, R., Lee, H., Bruce, C., Thomas, G. (2015) *Report on the AAU Campus Climate Survey on Sexual Assault and Sexual Misconduct*, available from https://www.aau.edu/sites/default/files/%40%20Files/Climate%20Survey/AAU_Campus_Climate_Survey_12_14_15.pdf (accessed 10.01.2020).
- Fulu, E., Jewkes, R., Roselli, T. G., Garcia-Moreno, C. (2013) Prevalence of and factors associated with male perpetration of intimate partner violence: findings from the UN multi-country cross-sectional study on men and violence in Asia and the Pacific, *Lancet Glob Health*, no. 1, pp. e187—e207.
- Khotkina, Z. A. (2019) Ot itogov k perspektivam: tridsatiletie rossiiskikh gendernykh issledovaniĭ [From outcomes to prospects: thirty years of Russian gender studies], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naiia politika: Materialy Mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii*, Moskva — Ivanovo — Plēs, 16—18 maia, Ivanovo: Ivanovskiĭ gosudarstvennyi universitet, pp. 18—25.
- Mishra, P. K., Lohiya, N. K. (2016) Prioritizing reproductive health: can it be the real game changer for India?, *Journal of Reproductive Health Medicine*, no. 2, pp. 1—3.
- Nasrullah, M., Haqqi, S., Cummings, K. J. (2009) The epidemiological patterns of honour killing of women in Pakistan, *European Journal of Public Health*, no. 19, pp. 193—197.
- Pashukova, T. I., Ter-Akopova, A. S. (2012) Teoreticheskiĭ analiz stanovleniia poniatii gendera i gendernoĭ identichnosti v psikhologii [Theoretical analysis of the formation of the concepts of gender and gender identity in psychology], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, seriia Obrazovanie i pedagogicheskie nauki, no. 640, pp. 122—132.
- Pisklakova-Parker, M., Sinel'nikov, A. (eds) (2020) *Ostat'sia v zhivyykh: Nasilie v otnoshenii zhenshchin v Rossii* [Stay alive: Violence against women in Russia], Moscow.
- Rostovskaia, T. K., Bezverbnaia, N. A. (2019) Teoreticheskie podkhody k izucheniiu gendernogo nasiliia [Theoretical approaches to the study of gender-based violence], *Natsional'nye demograficheskie priority: novye podkhody, tendentsii*, seriia Demografiia, Sotsiologiia, Ekonomika, vol. 5, no. 4, Moscow: Ekon-Inform, pp. 306—311.
- Silverman, J. G., Raj, A. (2014) Intimate partner violence and reproductive coercion: global barriers to women's reproductive control, *PLoS Medicine*, no. 11, available from https://www.researchgate.net/publication/265692001_Intimate_Partner_Violence_and_

- Reproductive_Coercion_Global_Barriers_to_Women's_Reproductive_Control (accessed 10.01.2020).
- Solotaroff, J. L., Prabha, R. P. (2014) *Violence against Women and Girls: Lessons from South Asia*, World Bank Group, Washington.
- Understanding Masculinities: Results from the International Men and Gender Equality Survey (IMAGES) — Middle East and North Africa* (2017), UN Women and Promundo-US, available from <https://promundoglobal.org/resources/understanding-masculinities-results-international-men-gender-equality-survey-images-middle-east-north-africa/#> (accessed 10.01.2020).

Статья поступила 17.03.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute of Socio-Political Research (Branch) of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Безвербная Наталья Александровна — младший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва Россия, bezvad@mail.ru (Junior Researcher, Institute of Socio-Political Research (Branch) of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 2. P. 99—113
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.9

Женщина в российском обществе
2020. № 2. С. 99—113
ББК 60.542.15
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.9

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ СТРАТЕГИЙ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА ИССЛЕДОВАНИЙ 2008 И 2019 ГГ.

Е. В. Андриюшина, Н. С. Григорьева, Е. А. Панова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru

Исследуются представления студентов о современной семье, основах брака, распределении семейных обязанностей, сочетании семейных и карьерных стратегий. Анализ основан на данных мониторинговых социологических опросов студентов старших курсов, проведенных в 2008 и 2019 гг. с учетом гендерной составляющей. Показана трансформация норм, установок, ценностей семейного поведения молодежи, что свидетельствует о недостаточном внимании к данной социальной группе со стороны как государственных, так и негосударственных акторов. Результаты исследования, выполненного в 2019 г., и сопоставление этих данных с результатами опроса 2008 г. позволили сформулировать определенные выводы и некоторые предложения, в том числе и по формированию гендерно-ориентированной семейной политики.

Ключевые слова: государственная семейная политика, гендер, семейные стратегии молодежи, студенческая семья, гендерные стратегии семейного поведения.

GENDER ASPECTS OF FAMILY STRATEGIES OF RUSSIAN STUDENTS: COMPARING RESULTS OF 2008 AND 2019 SURVEYS

E. V. Andryushina, N. S. Grigorieva, E. A. Panova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, grigorieva@spa.msu.ru

The authors examine students' ideas about modern family, attitude to marriage, distribution of family responsibilities, family and work balance. The analysis is based on the data of two sociological surveys of senior students on family strategies conducted in 2008 and 2019 in universities in Moscow and Irkutsk stressing the gender component. The purpose of the study is to identify the patterns and characteristics of formation of family strategies of students (including

© Андриюшина Е. В., Григорьева Н. С., Панова Е. А., 2020

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31083 «Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи: 10 лет спустя (выводы для современной социальной политики в области семейных отношений)».

gender aspect) and based on the analysis to suggest measures for improving modern family and youth policy that will enable to correct the tasks set by the National Project “Demography”. The authors show the transformation of norms, attitudes, values of family behavior of young people over 10 years, that indicates a lack of attention to this social group by both state and non-state social policy actors. The results of the study carried out in 2019 and the comparison of the data with the results of a 2008 survey allow the authors to formulate some suggestions for the formation of a gender-oriented family policy. Based on the results of these two studies, the authors substantiate the need to apply gender approach to comprehend family and marriage relations of young people since men and women (boys and girls), being subjects of such relations, have differences in social status and behavior as well as role functions.

Key words: state family policy, gender, youth family strategies, student family, gender aspects of family behavior.

Постановка проблемы

На протяжении всего исторического развития институт семьи показал себя, с одной стороны, как исключительно стабильное социальное образование, а с другой — он претерпел значительные изменения. Исследователи отмечают: в современных условиях «старые» институты начинают плохо функционировать и люди вынуждены искать новые способы жизни, новые ценности, новые формы семьи и новые взаимоотношения между полами [Тоффлер, 2008: 41—42]. Как результат, «индивиды и семьи систематически отклоняются от институциональных семейных норм, чтобы приспособиться к нормам других институтов, таких как работа и образование» [Гурко, 2017: 117]. Этот процесс в полной мере затронул и Россию, что было детерминировано еще и демографическими проблемами. Стало очевидным, что преодоление демографического кризиса и решение «семейного вопроса» являются важными задачами государства и для этого оно готово мобилизовать как экономические, так и идеологические ресурсы. В 2007 г. Россия приняла новую Концепцию демографической политики на период до 2025 г., а в исследовательском поле возник новый запрос: установить, как меры государственной политики воспринимаются в различных социальных группах населения, в том числе и в среде молодежи. Неслучайно появилось много публикаций, в которых рассматриваются проблемы молодых семей и молодежной семейной политики (см., напр.: [Коробейникова, Попова, 2013; Солодников, 2018]).

Заметно вырос интерес к семейным стратегиям студентов, в большинстве своем это исследования, проведенные в регионах России (см., напр.: [Кузьмен, 2014; Михайленко, 2017; Ондар, Доспаноол, 2017; Ростовская, Кучмаева, 2015; Студент 1995—2016 гг., 2017; Чукреева, Дзэева, 2016; Андрюшина, Панова, 2019; Багирова, Шубат, 2017; Вишневский, 2018; Григорьева и др., 2009; Гурко, Тарченко, 2019; Назарова, Зеленская, 2019; Реан, 2017; Русанова, 2012; Стельмах, 2016]). Среди них особо следует выделить работы, в которых семейные проблемы молодежи рассматриваются в гендерном аспекте (см.: [Чернова, 2011; Медведева, Крошилин, 2018; Калачикова, Груздева, 2019; Иванова, 2017]).

Гендерный подход необходим для осмысления семейно-брачных отношений молодежи, поскольку мужчины и женщины (юноши и девушки), являясь субъектами этих отношений, имеют различия в социальном статусе, ролевых функциях, социальном поведении.

Цель и методология исследования

Цель исследования — выявить закономерности и особенности формирования семейных стратегий у студенческой молодежи (в том числе и в гендерном разрезе) и на основе проведенного анализа сформулировать предложения по совершенствованию современной социальной политики в области семейных отношений, молодежной политики для корректировки задач выполнения национального проекта «Демография».

В пилотных исследованиях, проведенных авторами статьи в 2008 г., приняли участие студенты, обучающиеся по естественным, техническим и гуманитарным специальностям в вузах Москвы и Иркутска. Всего в опросе участвовали 248 человек. Исследование было добровольным и гендерно-сбалансированным (49,8 % юношей и 50,2 % девушек), преобладающий возраст участников опроса 20—21 год (58,8 %). Большинство составляли студенты старших курсов, из них 53,6 % — студенты четвертого курса (результаты исследования см.: [Григорьева и др., 2009]).

В исследовании 2019 г. респондентами также стали 248 студентов, обучающихся по естественным, техническим и гуманитарным специальностям в ряде вузов Москвы (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»). Опрос носил добровольный и анонимный характер. В исследовании 2019 г. участвовали 84 юноши и 164 девушки. Возрастное распределение также можно считать сопоставимым. Таким образом, следует заключить, что оба проекта получились в достаточной степени гендерно-сбалансированными и в целом находящимися в границах гендерного распределения современного российского общества.

Исследования проводились методом анкетирования. В исследовании 2019 г. повторились переменные 2008 г. в той же формулировке, что позволило провести компаративный анализ. В 2008 г. анкетирование было аудиторным, очным, в 2019 г. — заочным (опрос через компьютерную сеть) для студентов гуманитарных факультетов и очным (аудиторным) для студентов естественных факультетов.

Результаты исследования

Первый вопрос исследования обоих проектов был открытым и касался определения понятия «семья». Примечательно, что и в 2008-м, и в 2019 г. юноши и девушки в большинстве своем не смогли четко сформулировать свою позицию. Это свидетельствует об отсутствии у них ясного понимания сущности института семьи в целом, роли и функций семьи в современном обществе.

На вопрос «В Вашем представлении семья — это (продолжите, пожалуйста, фразу развернутым ответом)» в обоих исследованиях студенты давали самые разнообразные ответы, отождествляя семью с общностью родных людей, ячейкой общества, любовью, взаимоуважением, помощью, поддержкой, счастьем. Отметим, что при всем богатстве трактовок соотношение семьи с поддержкой (опорой) и любовью присутствовало практически в каждом третьем-четвертом ответе независимо от половой принадлежности, и этот факт

свидетельствует о высокой значимости данных ценностей в интерпретации параметров понятия «семья» молодыми людьми.

Примечателен тот факт, что в опросе 2019 г. значительно меньше молодых людей (11 человек) воздержались от ответа на данный вопрос, в предыдущем же опросе позиция «затрудняюсь ответить» была выбрана 38 респондентами (29 юношей и 9 девушек).

Современные студенты связывают образ идеальной семьи с моделью семьи, в которой оба супруга работают, домашним хозяйством и детьми занимаются в равной степени, брак зарегистрирован (59 % респондентов-мужчин и 81 % респонденток-женщин; рис. 1).

Серьезные расхождения можно заметить в восприятии семьи как традиционного института, в котором основным «добытчиком» является мужчина, жена же при этом обременена домашним хозяйством. Подобный подход наиболее распространен в ответах юношей (23 %), в то же время лишь 9 % девушек рассматривают данный тип семьи как идеальный.

Рис. 1. Гендерное распределение ответов на вопрос «Идеальная семья, на Ваш взгляд, это...» (2019 г.), %

Изучение ответов студентов на вопрос о *причинах* создания семьи позволяет констатировать, что как в 2008 г., так и в 2019-м юноши и девушки примерно в равной степени отмечают любовь в качестве приоритетной причины для вступления в брак — в 2008 г. 53,0 % мужчин и 51,6 % женщин, в 2019 г. 51,0 % мужчин и 45,0 % женщин. Эти данные вполне коррелирует с открытым ответом на вопрос о сущности семьи.

Отдельный вопрос анкеты был посвящен оценке склонности студентов к воспроизведению в своей семье той *модели семьи (или ее элементов), которую реализовали их родители*.

В 2008 г. ответ на данный вопрос был гендерно-сбалансированным, 43,6 % девушек и 45,2 % юношей считали, что кое-что из модели семьи родителей можно было бы позаимствовать. В 2019 г. 43,0 % юношей также выбрали данный вариант ответа, а вот количество девушек, готовых к некоторым заимствованиям, стало существенно меньше — лишь 30,0 %. Традиционно на протяжении последних 12 лет наименее популярным ответом остается опция повторения опыта выстраивания семейных отношений по примеру родителей.

Так, полностью повторить модель семьи родителей в 2008 г. согласились 7,9 % девушек и 2,6 % юношей, в 2019 г. — 5,5 % девушек и 2,0 % юношей. В отличие от 2008 г., в 2019 г. категорически не хотели воспроизводить родительские семейные отношения 29,0 % юношей (против 17,9 %) и 35,0 % девушек (против 19,0 %) (рис. 2).

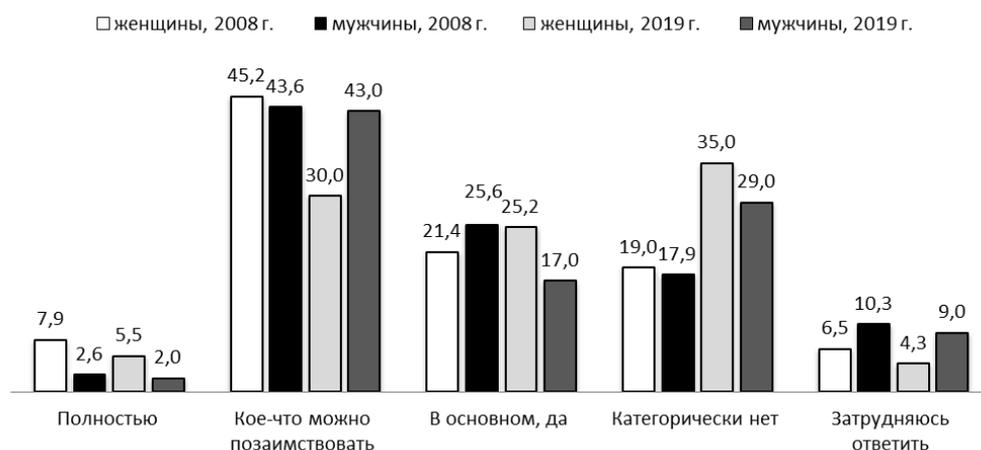

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы в своей жизни повторить модель семейного поведения своих родителей?» (2008 и 2019 гг.), %

Вероятно, снижение данного показателя практически в 2 раза для девушек и 1,5 раза для юношей является следствием изменения внутрисемейных отношений в целом в современном российском обществе. Таким образом, можно сделать вывод о том, что настроения относительно воспроизводства модели семейных отношений родителей в 2019 г. нельзя назвать гендерно-сбалансированными. Одной из новых форм семейных отношений является *нерегистрируемый/гражданский брак* (брак, официально не зарегистрированный в органах ЗАГС). Сопоставление данных 2008 и 2019 гг. позволяет говорить о в целом позитивном отношении к гражданскому браку и о набирающей силу тенденции увеличения количества как мужчин (38,0 % в 2019 г.), так и женщин (51,0 % в 2019 г.), положительно относящихся к подобной форме семьи, что является, как уже было отмечено, следствием трансформации норм, установок, ценностей в современном российском обществе.

По результатам опроса 2019 г., российские студенты рассматривают незарегистрированный брак как возможность узнать, что представляет собой семейная жизнь на практике (46,4 %), проверить чувства друг друга в формате повседневной жизни (7,7 % опрошенных). При этом крайне отрицательно относятся к гражданскому браку 26,2 % респондентов (данная форма неприемлема для 29,0 % девушек и 22,0 % юношей). Варианты ответов «Так удобнее» и «Просто сейчас так принято» в опросе 2019 г. выбрали 9,3 и 10,5 % студентов соответственно.

С учетом существенного увеличения количества студентов, позитивно воспринимающих гражданский брак, в опросе 2019 г. респондентам было предложено выделить и проранжировать *факторы, отрицательно сказывающиеся*

на желании молодых людей официально оформить отношения (табл.)*. Результаты оказались достаточно неожиданными. Так, наиболее существенной «помехой» для официальной регистрации брака стал фактор психологической неподготовленности к нему студенческой молодежи (55,6 пункта из 100 по степени влияния; 52 % юношей и 57 % девушек), и лишь потом респонденты выделяли такие факторы, как отсутствие желаемого уровня/качества жизни (46,3 пункта в целом; 45 % юношей и 50 % девушек) и неудачный опыт родителей или окружающих (42,3 пункта; 30 % юношей и 48 % девушек).

Факторы, негативно влияющие на желание молодежи вступать в брак (2019 г.)

Фактор	Место в рейтинге влиятельности (по мнению респондентов)
Психологическая неподготовленность	1
Отсутствие желаемого уровня/качества жизни	2
Неудачный опыт родителей или окружающих при создании семьи	3
Ценностные трансформации в обществе, семья перестает быть значимой	4
Отсутствие надежного источника дохода	5
Отсутствие жилищных условий для создания семьи	6
Нестабильная экономическая ситуация в стране	7
Нежелание заводить детей	8
Недостаточные меры по поддержке семьи со стороны государства	9
Нестабильная политическая ситуация в стране	10

Полученные результаты частично разбивают стереотип о превалировании материальных факторов как стимулов/препятствий для создания семейных отношений и позволяют говорить о существенности фактора психологической подготовленности молодых людей вступать в официально зарегистрированные брачные отношения.

На вопрос о причинах заключения официального брака студенты, принявшие участие в опросе 2008 г., отвечали примерно так же, как респонденты 2019 г., выделяя в качестве наиболее популярной опции любовь и наименее популярной — учет мнения родителей (рис. 3). Существенные изменения произошли в настроениях девушек, касающихся отношения к официальному браку как к возможности повысить свой социальный статус (46,3 % девушек в 2019 г. против 28,0 % в 2008 г.), при этом современные студентки не рассматривают наличие факта нахождения в формальном браке как основу приобретения дополнительных материальных благ в отличие от респонденток 2008 г. По сравнению с результатами опроса 2008 г. в 2019 г. большее количество юношей (в 3,8 раза) и значительно большее девушек (в 4,6 раза) стали рассматривать в качестве ключевой причины для регистрации брака в ЗАГСе *ожидание/рождение ребенка* (что может трактоваться как повышение степени ответственности молодых родителей за детей).

* Студентам предлагалось выбрать три фактора из десяти, которые более всего препятствовали формализации брачных отношений.

В целом отметим, что выбор опций в опросах 2008 и 2019 гг. был гендерно-сбалансированным.

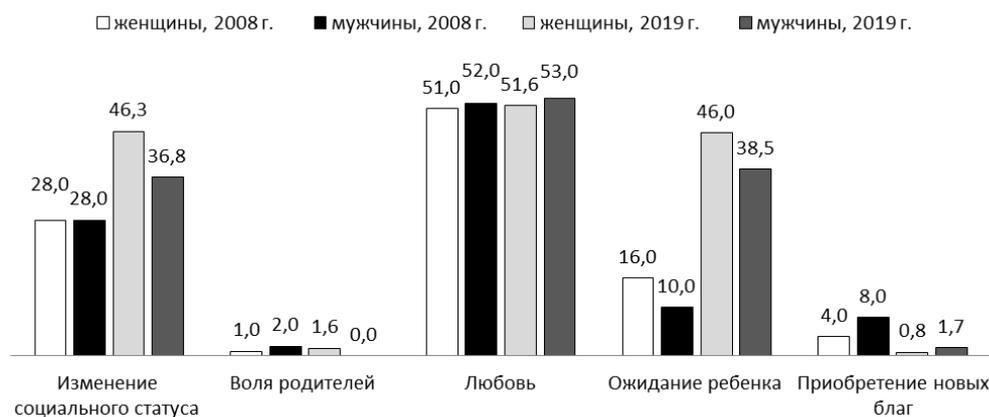

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что может стать причиной заключения официального брака?» (2008 и 2019 гг.)

Гендерно-сбалансированными были также ответы на вопрос о том, *когда лучше всего создавать семью*. Сопоставляя результаты, отметим несколько существенных изменений в настроениях и ориентациях студентов (рис. 4). Во-первых, степень влияния материальных факторов на стремление создать семью снизилась как для девушек (с 44,4 % в 2008 г. до 38,0 % в 2019 г.), так и для молодых людей (с 58,5 до 34,0 %), а вот желание иметь семью сегодня является основной причиной ее создания в одинаковой степени для студенток и студентов (по 49,0 %). Таким образом, можно констатировать наличие позитивных тенденций в готовности молодых людей к вступлению в брак. Тем не менее материальные факторы для российских студентов являются вторыми по значимости в процессе планирования семьи. Что касается остальных опций (наличие жилья, завершение учебы), ситуация за 12 лет практически не изменилась.

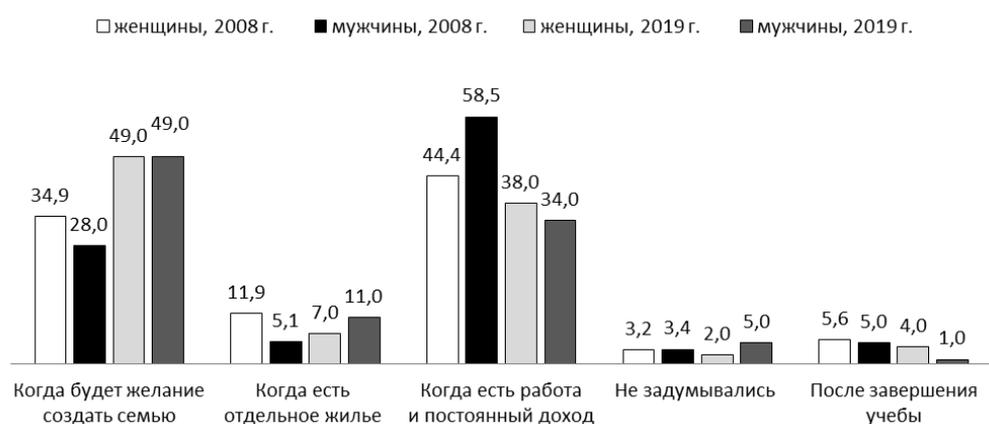

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Когда, на Ваш взгляд, лучше всего начинать семейную жизнь?» (2008 и 2019 гг.), %

Традиционные семейные ценности предполагают в своей структуре родительство, наличие детей. На выявление *настроений относительно желания иметь детей и их планируемого количества* был направлен очередной вопрос исследований представлений студентов в 2008 и 2019 гг.

Результаты обоих опросов показывают, что количество респондентов, желающих иметь одного ребенка, практически не изменилось за 12 лет, однако количество девушек, готовых иметь двух детей, существенно сократилось — с 65,0 до 50,0 %, равно как и количество юношей — с 53,4 до 44,0 %. Одновременно настораживает существенное увеличение количества как мужчин (в 2,5 раза), так и женщин (в 10 раз), желающих иметь семью без детей. При этом следует отметить увеличение практически в два раза количества женщин, планирующих иметь трех и более детей, и на 10 % количества юношей, предполагающих стать отцами трех и более детей.

Таким образом, распространение в современной России модели малодетной семьи в дальнейшем подвержено серьезным вызовам: с одной стороны, возрастает нежелание прежде всего со стороны девушек иметь детей в принципе, с другой — формально практически 40 % студенток зафиксировали готовность быть многодетными матерями.

В данном контексте важнейшей задачей исследователей было выявление мер, которые, по мнению студентов, способны стимулировать рождаемость у молодежи. В обоих опросах лидируют ответы, связанные с необходимостью поддержки в приобретении жилья (данная опция заняла в опросах 2008 и 2019 гг. первое место у представителей обоих полов), а также денежной поддержки (рис. 5). Ответ можно считать гендерно-сбалансированным в обоих исследованиях. Но следует отметить одну трансформацию: за последние 12 лет снизилось количество девушек, надеющихся на помощь при покупке жилья. Изменения коснулись и фактора денежной поддержки: с 18,8 до 26,0 % увеличилось число юношей, выделивших финансовую помощь как второй приоритет-стимул рождаемости, в то же время девушек, отметивших данный критерий в 2019 г., уменьшилось на 5 %. Моральная поддержка со стороны различных агентов (работодатель, общество в целом) для девушек стала более значимым фактором — его выделили 9,0 % (для сравнения: в 2008 г. лишь 3,6 %), однако для юношей данный фактор снизил свою значимость. По этому критерию ответы девушек в 2008 г. практически зеркально повторяют ответы юношей в 2019 г. и наоборот. Гендерно-сбалансированно возрос удельный вес значимости таких факторов, как обязательный ежегодный оплачиваемый отпуск, удобный рабочий график. Выбор опции «помощь при трудоустройстве» в 2008 г. был более гендерно-сбалансированным по сравнению с выбором 2019 г.: на 3,7 % стало больше девушек, которые считают данный вид поддержки немаловажным фактором стимулирования рождаемости.

В ответах на вопросы о тех *факторах, которые способствуют созданию семьи*, значимых изменений за прошедшие 12 лет не произошло: и девушки и юноши по-прежнему (с незначительными изменениями) рассчитывают исключительно на собственные силы, причем ответ является гендерно-сбалансированным. На помощь со стороны родителей стало надеяться большее количество юношей (15,3 % в 2008 г. и 22,0 % в 2019 г.), при том что девушки существенно

изменили свое отношение к данному фактору. Так, по сравнению с предыдущим опросом, в котором четверть девушек надеялись на поддержку родителей, в 2019 г. лишь 9,0 % респонденток рассчитывают на помощь старшего поколения при создании семьи. Еще одной тенденцией является снижение степени ожиданий у студенческой молодежи помощи со стороны государства. Так, если в 2008 г. 4,0 % девушек и 4,2 % юношей полагались на государственную поддержку, то в 2019 г. 2,4 % юношей и всего 0,9 % девушек возлагают на современное государство какие-либо надежды, что не только является доказательством смены приоритетов у молодежи, но и свидетельствует о росте недоверия к государственной семейной, молодежной политике на протяжении последнего десятилетия.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «На чью помощь Вы можете рассчитывать в реализации Ваших семейных стратегий (расставить в порядке Ваших приоритетов)?» (2008 и 2019 гг.), %

Что касается таких факторов, как поддержка на работе и помощь друзей, которые были сколько-нибудь значимыми в 2008 г., то для современных студентов они становятся еще менее важными.

В целом, как мы уже отмечали, изменения в желании иметь семью, детей связано с трансформациями в структуре ценностей современной российской молодежи, и студенчества в частности. На выявление картины восприятия факторов, определяющих жизнь как успешную глазами студентов, был направлен один из опросов 2008 и 2019 гг.

Опцией-лидером в обоих опросах стало материальное благополучие (ответ гендерно-сбалансирован), а вот другие факторы подверглись трансформациям.

Так, в целом можно зафиксировать печальную тенденцию, связанную с падением значимости семьи как фактора успешности и как ценности для молодого поколения россиян (все категории семьи независимо от количества детей), при этом возросло число как юношей, так и девушек, не планирующих иметь детей.

По сравнению с 2008 г. наличие жилья и для юношей и для девушек стало более значимым фактором, а показатель устойчивости дохода для обоих полов практически не изменил своих значений по итогам обоих опросов. Гендерно-сбалансированно снизился такой показатель успешности, как образование (с 10,9 до 6,1 % для мужчин и с 12,5 до 6,6 % для женщин).

Итак, основным критерием успеха для российских студентов на протяжении последнего десятилетия по-прежнему остаются элементы материального благополучия и карьерного продвижения. Существенное же отличие итоговой картины опроса 2019 г. в сравнении с опросом 2008 г. состоит в изменении роли семьи в глазах молодежи. Так, в 2019 г. критерий наличия семьи в любом ее варианте оказался «на задворках» показателей, в то время как в 2008 г. вариант ответа «семья с двумя детьми» находился на четвертом месте.

Выводы

Полученные результаты исследования семейных стратегий современной российской студенческой молодежи в 2019 г. и сопоставление этих данных с результатами опроса сходной по основным параметрам социальной группы в 2008 г. позволили сформулировать определенные выводы и некоторые предположения.

Прежде всего, как у девушек, так и у юношей отсутствовало и отсутствует четкое понимание сущности семьи, распределения ролей и функций внутри данного базового социального института. При этом российское общество всегда придавало особый социальный статус семье. Именно семья рассматривалась как один из важнейших показателей жизненного успеха. Данные двух опросов продемонстрировали пессимизм в восприятии российскими студентами семьи как индикатора успеха в жизни. На первые позиции в перечне признаков успешности девушки и юноши практически в равной степени поставили личное материальное благополучие (в том числе финансовое и жилищное), карьеру. Для большинства юношей в 2019 г. (как и в 2008-м) в качестве основного условия заключения брака является получение образования и наличие хорошей работы по специальности, которая была бы и высокооплачиваемой. Девушки-студентки хотят завершить образование и начать карьеру.

Произошли существенные изменения в системе ценностей. Так, для современной студенческой молодежи более привлекательной является партнерская модель брачных отношений, пришедшая на смену семье патриархальной. Молодые люди в первую очередь ориентированы на самореализацию. Однако по-прежнему гендерно-сбалансированным остается ответ на вопрос о главных причинах создания семьи: это любовь, уважение и доверие.

Как юноши, так и девушки в большинстве своем не приемлют модель семьи их родителей. Это свидетельствует о новом содержании, вкладываемом ими в трактовку понятий «любовь», «доверие», «поддержка», что в дальнейшем находит свое отражение в реализации студентами семейных отношений в новых

форматах, например в формате незарегистрированного брака как эффективного способа апробации семейной жизни.

Неожиданным результатом опроса 2019 г. выступает тот факт, что первичной причиной выбора незарегистрированного брака как модели семьи является психологическая неподготовленность юношей и девушек к официальному браку, вторичной — материально-денежные аспекты совместной жизни.

Существенные изменения произошли в настроениях студенческой молодежи относительно наличия в семье детей и их количества. Общая тенденция является гендерно-сбалансированной и касается преобладания студентов, желающих иметь семью с тремя детьми и более, в то же время значительно уменьшилось количество как девушек, так и юношей, планирующих быть родителями двух детей, в исследовании 2019 г. значительно увеличилось число тех, кто изначально не хочет иметь детей.

Отметим, что современная государственная семейная политика характеризуется минимальными мерами в области поддержки студенческих супружеских пар. Так, опросы студентов показали, что они остро нуждаются в государственной помощи для решения жилищной проблемы и в целом в финансовой поддержке. Вероятно, по этой причине студенты в вопросах создания семьи склонны рассчитывать только на себя. Отсюда — рассуждения о необходимости личной свободы для того, чтобы выстроить карьеру и достичь материального благосостояния.

Результаты проведенного авторами исследования могут стать основой для корректировки государственной молодежной и семейной политики, особенно в области достижения целей приоритетных национальных проектов. К существенным замечаниям, актуальным для реализации государственной политики в данных сферах, можно отнести: отсутствие в российском законодательстве понятия студенческой семьи и, следовательно, соответствующей специализированной целевой политики; рассогласованность ожиданий студенчества (составляющего пятую часть российской молодежи) и целей реализуемой государством семейной политики; недостаточное внимание со стороны современного государства к социально-экономической адресной поддержке студенчества как социальной группы (например, можно предложить опцию отложенной ипотеки, т. е. выплаты кредита после завершения учебы и выхода на работу); неэффективное информационное сопровождение пропаганды семьи как базовой ценности в российских СМИ и социальных сетях.

Отметим, что неэффективность государственной политики в сфере семьи обусловлена противоречиями в системе управления семейной и молодежной политикой, вызванными «подвижностью» приоритетов, нестабильностью институциональной основы работы с молодежью, реализацией тактически разрозненных мероприятий молодежной и семейной политики, недостатком финансирования, ограниченным вовлечением в процесс целеполагания непосредственно молодежи, представителей гражданских и экспертных структур, игнорированием гендерного подхода как механизма социальной политики.

Сегодня российское государство позиционирует себя как ключевого актора, ответственного за поддержание позитивного отношения к институтам семьи и брака, родительства. Следовательно, именно государственные органы власти и управления (Росмолодежь прежде всего) призваны вырабатывать и реализовывать

эффективную стратегию по продвижению семьи как ценности в молодежной/студенческой среде, используя для этого все средства российского информационного пространства. Комплекс мероприятий в данной сфере будет способствовать в том числе решению проблемы психологической неподготовленности российской молодежи к созданию семьи и способствовать преодолению гендерных стереотипов в сфере семейно-брачных отношений. Результаты исследования показывают, что в среде студентов (обоих полов) наблюдается тенденция в планировании совместного материального обеспечения семьи и участия в воспитании детей, разделения домашних обязанностей, но она пока выражена на уровне представлений (как это должно быть), а не социальной практики.

Кроме того, представляется необходимым введение института студенческой семьи в политико-правовое пространство современного российского государства, что станет отправной точкой для целеполагания и имплементации соответствующих решений в сфере государственной молодежной и семейной политики.

Библиографический список

- Андрюшина Е. В., Панова Е. А.* Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // *Ars administrandi = Искусство управления.* 2019. Т. 11, № 2. С. 200—219.
- Багирова А. П., Шубат О. М.* Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // *Социологические исследования.* 2017. № 7. С. 126—131.
- Вишневецкий Ю. Р.* Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям // *Образование и наука.* 2018. № 5. С. 126—142.
- Григорьева Н. С. и др.* Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи. Решение конфликта «работа — семья». М.: Субрегион. бюро МОТ для стран Вост. Европы и Центр. Азии, 2009. 57 с.
- Гурко Т. А.* Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // *Социологические исследования.* 2017. № 11. С. 99—110.
- Гурко Т. А., Тарченко В. С.* Динамика брачных установок и планов студентов // *Социологические исследования.* 2019. № 7. С. 102—113.
- Иванова А. А.* Гендерные особенности семейно-брачных отношений молодежи в современном российском регионе: дис. ... канд. социол. наук. Астрахань, 2017. 246 с.
- Калачикова О. Н., Груздева М. А.* Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины: (на материалах социологического исследования) // *Женщина в российском обществе.* 2019. № 1. С. 64—76.
- Коробейникова А. П., Попова Е. В.* Молодая семья как объект государственной молодежной семейной политики // *Ученые записки Российского государственного социального университета.* 2013. № 2. С. 34—39.
- Кузьмен О. В.* Работа, профессиональное образование, семья в ценностных ориентациях и представлениях студенческой молодежи России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2014. № 1. С. 144—151.
- Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Брачно-семейные отношения молодежи: гендерные различия // *Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни: сборник материалов Общероссийской научно-практической конференции «I Римашевские чтения» (Москва, 27 марта 2018 г.).* М.: Ин-т соц.-экон. пробл. Народонаселения РАН, 2018. С. 44—50.

- Михайленко Т. Н. Культура семейно-брачных отношений в молодежной (студенческой) среде: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2017. 181 с.
- Назарова И. Б., Зеленская М. П. Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 78—89.
- Ондар Л. М., Доспаноол Д. В. Представления тувинской студенческой молодежи о семье и браке // Научно-педагогическое обозрение = Pedagogical Review. 2017. № 1. С. 72—80.
- Реан А. А. Семья в структуре ценностей молодежи // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 1. С. 62—76.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. 2015. № 3. С. 85—90.
- Русанова А. А. Семья как ценность и институт самоопределения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 4. С. 84—92.
- Солодников В. В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: метаанализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 269—332.
- Стельмах А. М. Российская студенческая семья как объект современной политики государства // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16, № 10. С. 75—77.
- Студент 1995—2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2017. 904 с.
- Тоффлер Э. Революционное богатство: как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М.: АСТ: Профиздат, 2008. 569 с.
- Чернова Ж. В. Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценка эффективности // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 44—51.
- Чукреева Л. Н., Дэбэева Т. Б. Семейные ценности студенческой молодежи вузов Республики Бурятия // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeinye-tsennosti-studencheskoy-molodezhivuzov-respubliki-buryatiya> (дата обращения: 10.05.2019).

References

- Andriushina, E. V., Panova, E. A. (2019) Vliianie gosudarstvennoĭ politiki na semeĭnye strategii studencheskoĭ molodĕzhi [The impact of public policy on the family strategies of the student youth], *Ars administrandi. Iskusstvo upravleniia*, vol. 11, no. 2, pp. 200—219.
- Bagirova, A. P., Shubat, O. M. (2017) Sem'ia i roditel'stvo skvoz' prizmu mneniĭ studentok [Family and parenthood through the prism of students' opinions], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 126—131.
- Chernova, Zh. V. (2011) Semeĭnaia politika sovremennoĭ Rossii: gendernyi analiz i otsenka ėffektivnosti [Family and parenthood through the prism of students' opinions], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 44—51.
- Chukreeva, L. N., Dėbėeva, T. B. (2016) Semeĭnye tsennosti studencheskoĭ molodĕzhi vuzov Respubliki Buriatii [Family values of university students in the Republic of Buryatia], *Obshchestvo: sotsiologiia, psikhologiia, pedagogika*, no. 12.
- Grigor'eva, N. S. et al. (2009) *Semeĭnye strategii sovremennoĭ rossiĭskoĭ studencheskoĭ molodĕzhi. Reshenie konflikta «rabota — sem'ia»* [Family strategies of modern Russian youth. Work-family conflict resolution], Moscow: Subregional'noe biuro MOT dlia stran Vostochnoĭ Evropy i Tsentral'noĭ Azii.

- Gurko, T. A. (2017) Novye semeinye formy: tendentsii rasprostraneniia i poniatii [New family forms: tendencies of spreading and concepts], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 99—110.
- Gurko, T. A., Tarchenko, V. S. (2019) Dinamika brachnykh ustanovok i planov studentov [Dynamics of students' marital attitudes and plans], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 102—113.
- Ivanova, A. A. (2017) *Gendernye osobennosti semeino-brachnykh otnoshenii molodězhi v sovremennom rossiiskom regione*: Dis. ... kand. sotsiol. nauk [Gender characteristics of family-marriage relations of youth in the modern Russian region: Diss. (Cand. Sc.)], Astrakhan.
- Kalachikova, O. N., Gruzdeva, M. A. (2019) Gendernye stereotipy v sovremennoi sem'e: zhenshchiny i muzhchiny: (Na materialakh sotsiologicheskogo issledovaniia) [Gender stereotypes in the modern family: women and men: (On the basis of a sociological research)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 64—76.
- Korobeņnikova, A. P., Popova, E. V. (2013) Molodaia sem'ia kak ob'ekt gosudarstvennoi molodězhnoi semeinoi politiki [Young family as an object of state youth policy of family], *Uchēnye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, no. 2, pp. 34—39.
- Kuz'men, O. V. (2014) Rabota, professional'noe obrazovanie, sem'ia v tsennostnykh orientatsiakh i predstavleniakh studencheskoī molodězhi Rossii [Work, professional education, and family in value orientations and views of Russian students], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ėkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 1, pp. 144—151.
- Medvedeva, E. I., Kroshilin, S. V. (2018) Brachno-semeinye otnosheniia molodězhi: gendernye razlichii [Matrimonial-family relations of young people: gender differences], in: *Sberezhenie naseleniia Rossii: zdorov'e, zaniatost', uroven' i kachestvo zhizni*: Sbornik materialov Obshcherossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "I Rimashevskie chteniia" (Moskva, 27 marta 2018 g.), Moscow: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniia Rossiiskoi akademii nauk, pp. 44—50.
- Mikhaĭlenko, T. N. (2017) *Kul'tura semeino-brachnykh otnoshenii v molodězhnoi (studencheskoī) srede*: Dis. ... kand. filos. nauk [Culture of the family-marriage relations among young people (students): Diss. (Cand. Sc.)], Rostov-on-Don.
- Nazarova, I. B., Zelenskaia, M. P. (2019) Brak, sem'ia, obuchenie: ustanovki i predstavleniia studentov [Marriage, family, learning: student attitudes and perceptions], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 78—89.
- Ondar, L. M., Dospanool, D. V. (2017) Predstavleniia tuvinskoī studencheskoī molodězhi o sem'e i brake [Ideas of Tuvan students about family and marriage], *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review*, no. 1, pp. 72—80.
- Rean, A. A. (2017) Sem'ia v strukture tsennostei molodězhi [Family in the structure of youth values], *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, vol. 14, no. 1, pp. 62—76.
- Rostovskaia, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2015) Predstavleniia molodykh rossiian o semeinoi zhizni: sotsiologicheskii rakurs [Representations of young people about family life: a sociological perspective], *Voprosy upravleniia*, no. 3, pp. 85—90.
- Rusanova, A. A. (2012) Sem'ia kak tsennost' i institut samoopredeleniia studencheskoī molodězhi [Family values and the institution of the self-determination of student's youth], *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem*, no. 4, pp. 84—92.
- Solodnikov, V. V. (2018) Rossiiskie sotsiologicheskie i psikhologicheskie issledovaniia sem'i v XXI veke: metaanaliz [Russian sociological and psychological studies of the family in the XXI century: meta-analysis], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ėkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 269—332.

- Stel'makh, A. M. (2016) Rossiiskaia studencheskaia sem'ia kak ob'ekt sovremennoi politiki gosudarstva [Russian student, the family as an object of modern policy of the state], *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavianskogo universiteta*, vol. 16, no. 10, pp. 75—77.
- Toffler, E. (2008) *Revolutsionnoe bogatstvo: Kak ono budet sozdano i kak ono izmenit nashu zhizn'* [Revolutionary wealth: How it will be created and how it will change our lives], Moscow: AST, Profizdat.
- Vishnevskii, A. G. (ed.) (2017) *Student 1995—2016 gg.: dinamika sotsiokul'turnogo razvitiia studenchestva Srednego Urala* [Student 1995—2016: the dynamics of socio-cultural development of students of the Middle Urals], Ekaterinburg: Ural'skii federal'nyi universitet.
- Vishnevskii, Iu. R. (2018) Otnoshenie studencheskoï molodëzhi k semeïnym tsennostiam [Attitude of students to family values], *Obrazovanie i nauka*, no. 5, pp. 126—142.

Статья поступила 19.11.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Андриюшина Евгения Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, eugenie80@mail.ru (Cand. Sc. (Political Sc.), Associate Professor at the Department of Political Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Григорьева Наталия Сергеевна — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor at the Department of Political Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Панова Екатерина Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, Panova@spa.msu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at Human Resources Management Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2020. No. 2. P. 114—128
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.10

Женщина в российском обществе
2020. № 2. С. 114—128
ББК 63.3(2)53-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.10

СТАНОВЛЕНИЕ ЖЕНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ (1891—1914 гг.)

И. М. Пушкарева^a, Н. Л. Пушкарева^b

^a Институт российской истории, Российская академия наук, г. Москва, Россия

^b Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

Впервые в отечественной историографии представлена история возникновения и становления женских политических организаций в России, борьбы за женские избирательные права и право озвучивать требования женщин в Государственной думе. Воссоздана история женского политического участия в России 1900—1914 гг., раскрывается его роль и значение.

Ключевые слова: гендерная история, женское движение, партии и политические союзы, Россия начала XX в.

FORMATION OF WOMEN'S POLITICAL MOVEMENT IN RUSSIA (1891—1914)

I. M. Pushkareva^a, N. L. Pushkareva^b

^a Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

^b N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

The article is the first essay in Russian historiography on the history of the emergence and establishment of women's political organizations in Russia at the beginning of the XX c., the struggle for women's suffrage and the competence to voice women's demands in the State Duma. The authors recreate the history of women's political participation in Russia, its role and significance in 1900—1914.

Key words: gender history, women's movement, parties and political unions, Russia at the beginning of the XX c.

© Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л., 2020

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (XVIII—XXI вв.)».

Стремление российских женщин к политической активности — важная и недооцененная тема в нашей историографии. Женскому движению как политическому феномену, основанному на «инициативной деятельности женщин по самоорганизации в общества, союзы и клубы в борьбе за свои права», дала определение в 1912 г. его активистка А. Н. Шабанова (1848—1932) [Шабанова, 1996: 32]. В современной ей русской общественной мысли женское движение воспринималось как составная часть будущего демократического обновления страны [Амфитеатров, 1907; Коллонтай, 1909]. В советской историографии в нем находили два разнонаправленных политических потока: «буржуазный», ориентированный на удовлетворение интересов женщин привилегированных классов, и «демократический», считавшийся частью революционного рабоче-крестьянского движения [Гришина, 1977]. В современной науке этого противопоставления нет [Мартыненко 2002]. Женское политическое движение — важный индикатор протестных настроений в России рубежа XIX—XX вв. Первыми его «заметили» зарубежные историки Р. Стайтс и Л. Эдмондсон, часть их работ переведена на русский, но тема этим не исчерпана: история женского *политического* участия (в отличие от женского общественного движения) изучена недостаточно. Последовательность событий женской политической истории (создание организаций, их взаимоотношения друг с другом) требует скрупулезного уточнения, четкого понимания места каждого из женских союзов в политической палитре начала XX в.

Возникновение женских политических организаций

Организационное оформление российского женского движения как борьбы за гражданское равноправие относится к 1890-м гг. Оно началось с приобщения женщин к общественной деятельности и роста числа профессионально подготовленных россиянок (в том числе за рубежом), могущих похвастаться экономической независимостью; они и составили социальную базу женского политического движения в стране. Громадную роль сыграла публицистическая активность женщин, призывавших объединяться. К 1890-м гг. в стране было несколько сотен небольших кружков [Пушкарева, 2002], их членов объединяла борьба за разрешение заниматься профессиональной деятельностью. Такие задачи ставились Обществом поддержки выпускниц Петербургских высших женских курсов (1893 г.), петербургским Обществом вспоможения окончившим курс наук (1893). С теми же целями вышли на социальную арену Общество попечения о молодых девицах (1897), Женское просветительное общество (1898), Общество охранения здоровья женщин (1898), московское Общество улучшения участи женщин (1899), Российское общество защиты женщин (1900). Уставы этих организаций предполагали помощь в трудоустройстве, проведение культурных мероприятий, создание библиотек; их активистки безвозмездно трудились в школах, мастерских, на фабриках, работали инспекторами в женских тюрьмах, приобретая авторитет как общественницы.

При наличии сильной радикальной составляющей в российском общественном движении активность женщин привлекала внимание широкого круга ниспровергателей режима, которые умело пользовались энергией политически ангажированных женщин для реализации целей, далеких от женских интересов.

С 1880-х гг. на 84 политических процессах были вынесены приговоры 95 женщинам [Павлюченко, 1988: 224, 235]. С распространением анархизма и социалистических идей с такими союзами оказались связанными и вовлеченными в политику сотни россиянок [Broido, 1977]. Среди членов начавшей оформляться с 1894 г. партии эсеров они составили более 30 %, среди членов РСДРП (образована в 1895 г.) — около 15 %. Им, отличавшимся революционным нетерпением, противостояло значительное число умеренных по политическим взглядам членов женских кружков, без которых история раннего либерального движения в России неполна [Пушкарева, 2008: 5]. Кружки эти складывались в особый поток российского протестного движения, но процесс был небыстр: активистки искали поддержки в стране, большинство населения которой жило в деревнях и не могло разделять чаяний небольшой части образованных горожанок.

Начало возникновения первых женских политических организаций связано с созданием «дамских комитетов» в составе благотворительных обществ; они и позволили женщинам осознать перспективы самостоятельной организационной деятельности [Линденмейр, 2009: 210].

В мае 1895 г. по инициативе врача А. Н. Шабановой из Общества взаимной помощи женщин-врачей, много лет занимавшей должности в органах земского управления и считавшей свою жизнь неотделимой от общественной, было основано *Русское женское взаимно-благотворительное общество* (РЖВБО). А. П. Философова, А. Н. Энгельгардт, Е. В. Авилова, О. А. Шапир, А. Н. Пешкова-Толиверова (всего 42 члена) заставили Министерство внутренних дел в сентябре 1895 г. зарегистрировать его как общероссийскую организацию. Возглавила РЖВБО Н. В. Стасова — активистка, добившаяся открытия первых высших учебных заведений для женщин (Владимирских и Бестужевских курсов), создательница первых в России детских яслей. В 1898 г. РЖВБО насчитывало уже 2 тыс. членов — больше, чем в иных общественных союзах того времени (Женское дело. 1899. № 1. С. 4) [Пиетров-Эннкер, 2005: 279]. Во взаимоотношениях с властью Совет РЖВБО осторожно лавировал и тем привлек немало новых членов из разных социальных слоев, с разным семейным положением и образованием. Вступив в РЖВБО, женщины открывали для себя новый мир внесемейных форм активности, формировали общественные связи женского движения. После смерти Н. В. Стасовой в сентябре 1899 г. председательство в РЖВБО перешло к инициатору его создания А. Н. Шабановой, которая оставалась на этом посту до декабря 1917 г. Именно А. Н. Шабанова со своими последовательницами вывела РЖВБО на орбиту российской политики, поставив вопрос о праве женщин участвовать в выборах в Госдуму, ею рождена и идея создания в РЖВБО Отдела избирательных прав.

Еще одна активистка общества — дочь богатого купца П. Д. Дягилева А. П. Философова установила в 1888 г. сотрудничество с Международным женским советом и способствовала созданию в 1899 г. «Комитета лиги мира» в Петербурге (его возглавила сестра А. Н. Шабановой — Д. Н. Шабанова). Первое объединение деловых россиянок с женщинами других стран прошло под лозунгом «Долой оружие!». Комитет собрал под выработанной им «резолуцией мира» 50 тыс. подписей, обменялся приветствиями с представительницами других, заграничных лиг. 18 мая 1999 г., в день открытия Гаагской конференции, в зале

Петербургской городской думы прошла устроенная Комитетом «манифестация за мир». Комитет просуществовал несколько лет, реализуя миротворческие миссии [Шабанова, 1996].

С 1900 г. «женский вопрос» стал предметом обсуждения членами политических партий и начал попадать в их программные документы. Так, Программа социал-демократов, принятая на II съезде РСДРП в августе 1903 г., требовала «юридического равноправия» женщин, внимания к женскому труду, охраны материнства и младенчества. В проекте программы эсеров 1904 г. возник пункт об избирательном праве для женщин. Позже группа «независимых» эсеров, трудовики и беспартийные социалисты подняли вопрос о защите женских прав в Госдуме. Но многие члены этих и иных партий, поддерживая тезис о женском равноправии, первоочередной эту проблему не считали. Перед женскими организациями, поставившими целью достижение политического равноправия, стояла задача озвучить проблему в обществе. Реализуя ее в 1904 г., гигиенист М. И. Покровская (1852—1927) выступила основательницей первого женского политического журнала «Женский вестник» [Коломийцева, 2008]. Он освещал злободневные политические вопросы, затрагивал проблемы профессиональной, образовательной, экономической дискриминации женщин, отражая формирование женской политической составляющей как нового направления в протестном освободительном движении. На страницах вестника замелькали имена А. Н. Шабановой, О. А. Шапир, М. А. Чеховой, А. П. Философовой, М. И. Покровской, З. И. Мирович-Ивановой и А. К. Кальманович [Масалкина, 2012: 44]. Публично защищая женские права, они видели в женском движении путь к совершенствованию законодательства. Врачи и педагоги, образованные меценатки и журналистки, ставя вопрос о предоставлении женщинам страны избирательных прав, были убеждены, что защищают интересы всех женщин России и участие в работе выборных органов, в том числе Госдумы, способно помочь улучшить жизнь всем униженным и оскорбленным.

Становление женского политического движения в 1905 г.

Политическое движение женщин в России оживилось в начале XX в., но, кроме членов возникшего в 1904 г. либерального Союза освобождения, приглашавшего женщин на свои политические банкеты, никто более этого оживления не заметил. Между тем участницы движения развернули активность как публицистки, преподавательницы, благотворительницы. События Кровавого воскресенья в столице 9 января 1905 г. стали поводом для множества их собраний, осуждавших кровопролитие и требовавших бескровного решения политических вопросов. В своих обращениях в адрес Комитета министров и Съезда представителей земств и городов отделения РЖВБО в Петербурге, Москве, Новгороде, Рязани, Смоленске, Твери, Харькове усиленно артикулировали идею свободной равноправной женской личности, находящейся на государственной службе, что было созвучно настроениям демократической интеллигенции. В самом РЖВБО в то время заговорили, что одних прошений мало, и в том же январе 1905 г. М. А. Чехова, А. С. Милюкова, А. В. Тыркова и Е. Д. Кускова выдвинули идею создания новой политизированной организации, ориентированной на получение женщинами равных гражданских прав. Царский рескрипт от 18 февраля 1905 г.

о подготовке выборов в Государственную думу убедил их в правильности этого пути, и через два месяца, 10 апреля 1905 г., петербургской группой РЖВБО был созван первый в русской истории политический митинг женщин. Он состоялся в Таврическом саду Петербурга и собрал около тысячи человек, включая фабричных работниц, высказавших протест против подготовки министром внутренних дел А. Г. Булыгиным проекта созыва Государственной думы без упоминания о праве участия в выборах женщин. Поскольку Сенату предписывалось направлять в Совет министров проекты преобразования государственного строя, от женских организаций в правительственные канцелярии полетели тысячи петиций. В них говорилось, что не может быть серьезных оснований отказывать женщинам в тех гражданских правах, которые признаются за мужчинами. Вместе с другими демократическими лозунгами эти заявления сделали женское движение к лету 1905 г. частью общедемократического протеста против законосовещательной Булыгинской думы.

7—10 мая 1905 г. в Петербурге на первом общем собрании российских активисток (около 300 делегаток от разных отделений РЖВБО во главе с А. Н. Шабановой и группа из 70 женщин, возглавляемая А. С. Милкоковой) было заявлено о создании *Союза равноправия* — первой в России женской *политической* организации. Согласно Уставу, Союз должен был состоять из выборного Центрального бюро (12 членов) и комиссий по образованию, труду, и политике, собираемых четыре раза в год, а также автономных местных отделений [Ворошилова, 2011]. Секретарем Центрального бюро Союза равноправия была избрана издательница М. А. Чехова [ГА РФ, д. 17]. Программа Союза, написанная ею, пошла дальше высказанных ранее идей, включив требование созыва Всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего голосования без различия пола. Подчеркивалось требование охраны женского труда, равенства полов перед законом, равных возможностей в образовании [Мирович, 1908: 5]. В июле Союз был включен в состав «Союза союзов» [Smith, 1958: 394]; сторонницы М. А. Чеховой утверждали, что если их не примут, то они обратятся за поддержкой к радикальным партиям рабочего класса. В конце лета 1905 г. Союз равноправия продолжил петиционную кампанию, опираясь на «Союз союзов» и разослав обращения по поводу женского равноправия в 108 городских дум и 398 земских советов, губернаторам, Совету министров [Ruthchild, 1976]. Члены Союза, вскоре назвавшиеся равноправками, понимали, что изменение женского положения невозможно без общего политического освобождения страны. 80 секций и бюро Союза в 69 городах шли на контакты с представителями партий, одобрявшими предоставление женщинам избирательных прав (эсдеками, эсерами, трудовиками). Одна из секций готовила массовые выступления; Союз насчитывал к 1906 г. 8 тыс. человек; руководство его искало популярности у работниц и малообеспеченных горожанок.

Едва в общественных кругах осенью 1905 г. зазвучало слово «парламент», как Союз равноправия обратился в городские думы и земские организации с призывом разрешить женщинам принять участие в местных выборах. Но идеи уравнивания женщин всех социальных слоев с мужчинами в политических и гражданских правах во всех областях жизни, допущения женщин во все сферы общественной и служебной деятельности, совместного обучения женщин

и мужчин и отмены законов о проституции, унижающих достоинство женщин, казались многим слишком радикальными. Земцы полагали, что программу Союза можно поддержать в будущем; так думали и многие либералы в «просвещенной» Европе [Мирович, 1908: 18].

Манифест 17 октября 1905 г. женские политические организации встретили с надеждой: он давал им перспективу в политической борьбе. Выборы было обещано провести с 26 марта по 20 апреля 1906 г., и женские союзы поставили задачу мобилизовать усилия [Митрохина, 2000: 29], добиться поддержки хоть бы одной из партий. Союзным действиям мешали противоречия внутри самого движения женщин. Большинство равноправов выступали за проект, но малая часть была готова бойкотировать его вслед за радикалами-социалистами: «Если наш Союз хочет быть союзом жизни и борьбы, если он хочет быть не дамским, а женским — он должен найти средства и широко раздвинуть рамки... идти навстречу женщине-работнице» [Мирович, 1908: 30]. При этом никто из социалистов (кроме эсеров) вопрос о женском избирательном праве первостепенным не считал [Коллонтай, 1909: 346]. Позиция кадетов была неоднозначна, правда, в начале 1906 г. кадетская партия приняла консолидированное решение на своем Втором съезде благодаря ярким речам А. С. Милюковой и А. В. Тырковой, а также лоббиста идеи всеобщего избирательного права профессора Л. И. Петражицкого. Против предоставления женщинам избирательных прав выступали лидеры кадетов, включая П. Н. Милюкова (мужа А. С. Милюковой), полагавшего, что такая идея отпугнет от Думы крестьянских избирателей. Его позицию разделял П. Б. Струве, имея в виду мусульман. С минимальным перевесом в два голоса резолюция Второго съезда Конституционно-демократической партии включила в политическую платформу пункт об избирательных правах вне зависимости от пола. Это была огромная победа Союза равноправия, и А. В. Тыркова с А. С. Милюковой тогда же вступили в партию кадетов, убеждая в том, что защита интересов женщин должна быть доверена не только профессиональным организациям, но и политическим партиям. С этого времени Союз тесно связал себя с кадетской платформой и разделял ее стратегию вплоть до конца 1917 г. Споры, звучавшие на съезде кадетов, не были известны массе участниц женского политического движения в провинции; и все же они не прошли бесследно.

Параллельно с РЖВБО и Союзом равноправия с декабря 1905 г. все более заметным становилось третье политическое женское объединение. Формирование его началось в обстановке общественно-политического протеста против закона от 11 декабря 1905 г. о выборах в Думу [Митрохина, 2000: 36]. 15 декабря 1905 г. на собрании РЖВБО была выдвинута идея создания *Женской прогрессивной партии* под председательством М. И. Покровской. Учредительный съезд ее состоялся 16 февраля 1906 г., а костяк составили женщины-врачи из Женского гигиенического общества [Вахтина, 1908]. Члены новой женской партии считали, что существующие женские организации недостаточно последовательны в отстаивании женских прав, критиковали Союз за воинственность, а РЖВБО за аполитичность. М. И. Покровская, подобно лидерам женских организаций США, сторонилась сотрудничества с «мужскими» организациями, ставя даже вопрос о запрете допускать мужчин на собрания партии в стране,

где все женщины — это единый угнетенный класс. Написанная ею Программа новой партии была эклектичной, склонялась к либеральному центризму. Концепт внеклассовости женских интересов не был близок столичным либералам, а невнятная идейная ориентация уводила партию на обочину политической жизни. Отчасти Программа походила на кадетскую: «демократическая конституционная монархия», гражданские права, реформа трудового законодательства, равноправие супругов и свобода развода, совместное обучение, прекращение милитаризации. Были в ней «усовершенствования общественных отношений» и социалистические фрагменты: фабричная реформа, назначение женщин на должности фабричных инспекторов, равная оплата за равный труд, 8-часовой рабочий день, 10-месячный оплачиваемый отпуск беременным, бесплатные ясли [Стайтс, 2004: 283]. Работа партии велась через ее Клуб в Санкт-Петербурге и ограничивалась подачей петиций в Думу.

Женское политическое движение в думский период 1906—1907 гг.

В день выборов в Первую Государственную думу 16 марта 1906 г. Московское отделение Союза равноправия опубликовало заявление с требованием «в эпоху обновления России признать за женщинами гражданские и политические права» [Мирович, 1908: 27]. К апрелю 1906 г. в столице действовали четыре женских политических клуба (один из них — с социалистами), велась агитация в селах Тамбовской, Тульской, Ярославской, Тверской губерний. После каждого агитационного выезда равноправок, в адрес Думы летели новые письма от крестьянок, настаивавших на равном политическом представительстве [РГАСПИ]. Отдел избирательных прав Союза без устали обсуждал перспективы новых выездов.

Среди депутатов 1-й Государственной думы распространялись и циркулировали петиции с множеством женских подписей; только РЖВБО собрало 4 тыс. подписей, а Союз равноправия — 5 тыс. [Хасбулатова, Гафизова, 2003: 171]. Трудовики (вместе с кадетами имевшие в Думе 102 места) первыми откликнулись на эти призывы. Это было отмечено на Третьем съезде Союза (май 1906 г.), к тому времени имевшего отделения в 65 городах и 34 пропагандистских пункта. Равноправкам мерещилось, что 1-я Дума становится аналогом Генеральных штатов во Франции и имеет шанс превратиться в Учредительное собрание [Соловьев, 2019: 108]. Они вдохновенно анализировали программные документы партий, а Юридическая комиссия Союза просмотрела 16 томов Гражданского уложения для доказательства возможности включения нормы о равных правах независимо от пола. Задачей РЖВБО и Союза равноправия была нормативная фиксация равенства полов при избегании провокаций и публичной критики властей. Постоянно лавируя, они почти добились рассмотрения своего проекта в Думе. Ее Правовая комиссия, контактировавшая с Союзом через депутатов Е. Н. Кедрина и Л. И. Петражицкого, согласилась ознакомить думцев с этими идеями на одном из пленарных заседаний. Журналистка Л. Я. Гуревич составила сопроводительную записку. В ней проступал образ новой России — страны свобод и демократии, говорилось о правах женщин наравне с мужчинами занимать должности на гражданской службе, поступать в начальные и средние учебные заведения (кроме духовных, военного и морского ведомств), о «свободе личности», о «равных семейных, брачных, наследственных правах» и избирательном праве

[ГА РФ, д. 7, л. 2]. Проект нового закона распространили среди думцев; к нему было приложено «Прошение» о гражданском равенстве независимо от пола с более чем 40 тыс. подписей: «Избранники земли русской, отнеситесь справедливо к заявлению, внесите обновление в жизнь женщин, признав за ними равные права для участия в служении родине» (цит. по: [Ворошилова, 2011: 34]).

Если бы Дума приняла такой закон, Россия стала самой прогрессивной страной Европы в отношении женского равноправия; но в Думе не захотели даже слушать такие заявления. Большинство кадетов, трудовиков и депутатов от крестьян восприняли проект критически, утверждая, что женщинам положено не политикой заниматься, а смотреть за хозяйством, детьми и печкой. Но с учетом того, что иные «распропагандированные» крестьянки написали в своих прошениях на адрес Думы о желании быть информированными («Много баб не знают ни о Думе, ни о каких правах, ни о том, что с правами лучше будет бабья доля», «Надо, чтобы всем бабам рассказывали про права»), после доработки в Правовой комиссии проект был вновь представлен на обсуждение [Женский вопрос... , 1906: 5]. На этот раз — в виде Декларации об отмене неравноправия вне зависимости от класса, национальности, вероисповедания и пола; она и была подписана 15 мая 1906 г. 111 депутатами Думы. Они согласились дать избирательные права женщинам Финляндии, сохранившей внутреннюю административную автономию и предложили создать в Думе Комитет по правам женщин. Это предложение было направлено 20 июля 1906 г. на обсуждение думцами [Пиетров-Эннкер, 2005: 284], но через два дня, 22 июля 1906 г., император распустил Думу.

История с проектом о равноправии полов расширила круг сторонниц самой идеи, выдвинув «женский вопрос» в России на государственный уровень. Слово «равноправки» стало мелькать в массовой печати. Распуск Думы не свернул работы Союза. Сборы подписей под новыми воззваниями указывали на обретение опыта гражданской деятельности и укрепление женского политического движения. Отдельной брошюрой распространялась в столицах и иных городах речь Л. И. Петражицкого в 1-й Госдуме об избирательных правах вне зависимости от пола.

В дни работы 2-й Думы М. И. Покровская с ее Прогрессивной женской партией стала еще заметнее как женщина-политик. В конце 1906 г. она получила пост врача Госдумы, хотя депутатом и не стала. Не без ее участия в 1907 г. в свет вышел первый номер российской женской общественно-политической газеты «Союз женщин». Ее читали в Думе, росло число депутатов прогрессивных партий, сочувствовавших женским союзам, и лишь социал-демократы не скрывали скепсиса, полагая, что «женский вопрос» решится только с окончательной победой пролетариата. Именно тогда А. М. Коллонтай, на тот момент меньшевичка, поставила задачу создать Общество взаимопомощи работниц (с целью оттянуть их от либеральных организаций и вовлечь в пролетарское движение) [Коллонтай, 1909].

В марте 1907 г. политическое движение женщин усилилось созданием четвертой их крупной организации — *Российской лиги равноправия женщин* (РЛРЖ). Ее возглавила одна из членов РЖВБО — писательница Е. И. Гарднер. Члены РЛРЖ также полагались на силу петиций, продолжали сборы подписей среди служащих, образованных работниц и крестьянок. Одна из петиций, переданных трудовикам 2-й Думы, содержала 26 тыс. подписей в поддержку женского равноправия. Но ей, как и прежним, не суждено было дойти до обсуждения: 3 июня 1907 г. царь распустил Думу.

К тому времени, несмотря на неудачи с проектами, женское политическое движение поднялось на новую ступень. Усиленное давление на правительство имело результатом открытие для женщин доступа на юридические факультеты вузов; к 1910 г. диплом юриста получили 296 человек, среди них было немало выступавших за женское политическое равенство. Четырем либеральным женским партиям с 1907 г. противостоял Союз русских женщин — национально-монархическая общественная организация, ставившая целью сохранение традиционных поведенческих установок. Появление такого Союза отразило наступление Третьеиюньского переворота в политической жизни страны. Он усилил монархические настроения среди политиков и иных властителей дум (например, против женского равноправия выступил Л. Н. Толстой). Изменился в сторону правых состав 3-й Государственной думы, начавшей работу 1 ноября 1907 г., сильно сократилось число депутатов, сочувствующих Союзу равноправия и РЖВБО [ОР РНБ]. Активисткам женских союзов стало трудно работать. Петиции и прошения отныне цензуровались в МВД; многие легальные женские организации отстранялись от политики. Сократилось число выездов докладчиц и агитаторов в деревни, которые были намечены ранее [ГА РФ, д. 4, л. 11]. Собрания Союза равноправия срывались, налагался запрет на ведение работы по вовлечению в женские организации новых членов, на упоминание на собраниях слова «пропаганда», на рассказы об английских суфражистках [Болквядзе, 1907: 16]. Работу продолжали самые убежденные, агитировала за закон о равноправии А. С. Милюкова, блистала красноречием член ЦК партии кадетов публицистка А. В. Тыркова [Кускова, 1908: 3]. И все же численность крупных женских союзов поредела. В РЖВБО с 8 тыс. членов в начале 1907 г. она сократилась до 800 в 1908 г. [Стайтс, 2004: 298].

Отстранившись от политики, Женская прогрессивная партия сосредоточилась на защите интересов врачей и санитарок в больницах, проверке бытовых условий, здоровья и гигиены женщин; политическая направленность в ней сохранялась лишь в лоббировании темы страхования домашней прислуги. Углубляя раскол, А. М. Коллонтай обвиняла «прогрессисток» в «буржуазности», а в Союзе равноправия продолжала видеть конкуренток в борьбе за женские массы. К ее огорчению, большинство членов женских союзов не хотели именоваться социалистками и старались избегать раздражения властей. РЖВБО — самая умеренная из четырех либеральных организаций — устояло, хотя количество его членов очень уменьшилось. Но именно им, российским благотворительницам, оказалось под силу развернуть работу и собрать в конце 1908 г. в Петербурге Первый Всероссийский женский съезд.

Политическая активность россиянок в 1908—1914 гг.

Заявка РЖВБО на проведение съезда лежала в МВД шесть лет. В 1908 г. ее, наконец, удовлетворили, и Петербургская городская дума выделила для съезда свой Александровский зал. Председательницей была избрана А. Н. Шабанова, ее заместителем — А. П. Философова, вдова военного прокурора страны (что и позволило получить разрешение на созыв съезда). С 10 по 16 декабря 1908 г. съезд ежедневно освещал заседания в «Бюллетенях 1-го Всероссийского женского съезда». На съезд прибыли 1053 делегатки, представительницы интеллигенции Петербурга и Москвы от 30 до 50 лет; много было врачей [Пиетров-Эннкер,

2005: 298] — социально состоятельных, окунувшихся в политику женщин (58 % приехавших зарабатывали сами) [Труды... , 1998: 169]. За 5 руб. выдавался «Пригласительный» и значок «Равные права — равные возможности».

Политическое значение съезда подтвердили приветствия в его адрес со стороны думских фракций. Целью съезда был вопрос о «праве на защиту интересов путем участия в законодательном собрании». Едва на съезде затронули тему положения женщин-работниц, как тут же выявилась враждебность со стороны «рабочей группы». Накануне съезда ее создала А. М. Коллонтай, проведя собрание «пролетарок»; на нем 40 женщин были делегированы на съезд. Предупрежденные, по сведениям репортера журнала «Современный мир», о том, что «словам, звучащим с трибуны съезда, не стоит доверять», они лишь поначалу «согласно кивали докладчицам» и стеснительно наблюдали, как «делегатки из числа врачей, учителей, интеллигенции, несколько предпринимательниц, войдя в зал, заняли первые ряды». Собранные на галерке «пролетарки» были «бедно одеты», «с благоговейным трепетом рассматривали зал», «робко перешептывались» (Современный мир. 1909. № 1. С. 108; фото зала см.: [РГИА]). Мрачным упорным молчанием встретила «рабочая группа» инициативу организаторов съезда «мостить» единство и солидарность женщин разных социальных слоев. Близились время окончательного размежевания политических сил и антагонизма между лицами наемного труда и женщинами образованного сословия. Последней каплей стало чтение одной из делегатов-работниц доклада, написанного А. М. Коллонтай (сама она, разыскиваемая полицией, отсутствовала). В докладе либеральное женское движение было противопоставлено пролетарскому, а требование избирательных прав для женщин объявлено «буржуазным». Докладчица перечисляла неотложные задачи (охрана женского труда и материнства, 8-часовой рабочий день), обозначая требование избирательных прав для женщин как важное, но не первостепенное. Тем не менее в резолюцию съезда требование избирательных прав было включено, поскольку (говорилось в ней) «женщина сделалась реальной силой в общественной и государственной жизни» [Труды... , 1998: 170]. Главной цели съезда — создать общероссийскую женскую организацию — достичь не удалось: члены РЖВБО, Союза равноправия, РЛРЖ и Женской прогрессивной партии проголосовали лишь за «желательность» такой организации. За пределами съезда поддержка идеи всероссийской женской организации была слаба. Октябристы высмеяли ее, а думские депутаты от крестьян вообще сочли, что съезд проигнорировал интересы крестьянок и был ориентирован только на независимых в финансовом отношении женщин [Кальманович, 1910: 10]. Литературно-политический журнал «Современный мир» счел женщин-делегатов «равными мужчинам в профессиональной организации съезда, но отнюдь не в политической зрелости» (Современный мир. 1909. № 1. С. 111). После съезда А. П. Философова обратилась с письмом к премьер-министру П. А. Столыпину с просьбой разрешить создание Всероссийского женского совета; но МВД прислало отказ.

С 1909 г. политическое женское движение пыталось обрести новые организационные формы, но нехватка средств заставила прекратить выпуск журнала «Союз женщин». Продолжая пропаганду объединительных идей, З. С. Минович-Иванова, Е. Н. Щепкина, А. В. Тыркова вошли в РЛРЖ, руководство в которой от Е. И. Гарднер перешло к М. А. Чеховой, а в конце 1909 г. в связи с ее отъездом в Москву — к врачу П. Н. Шишкиной-Явейн. Активистки собирались в ее квартире.

Эта организация ставила те же задачи: борьба за женские политические права, воздействие на правительство в разработке законов, достижение политического и гражданского равенства путем законодательных реформ против дискриминации женщин. Численность Лиги (1,5—2 тыс. членов) соответствовала политическим условиям России и ограниченности отделений, в работе которых участвовали представительницы интеллектуальных профессий двух столиц, Харькова и Томска [Соловьев, 2019: 340]. Весь 1911 г. деятельницы Лиги были заняты составлением и обсуждением петиций в обстановке выборов в 4-ю Госдуму, требовали предоставить избирательные права женщинам при выборах в волостные земства и городские управы, проводили встречи с представителями депутатских фракций, совершали выезды в Нижний Новгород, Воронеж, Смоленск, на Украину, Кавказ и Юг России, в Поволжье (Саратов), Белоруссию, Прибалтику, некоторые добирались до Екатеринбурга и даже Владивостока. Благодаря сохранению потенциала женского политического движения развивались отдельные социальные инициативы. Так, 30 мая 1910 г. Госсовет повысил значимость женских курсов — Владимирских, Бестужевских и др., приравняв их к университетским. Ускорился и процесс утверждения женской экономической независимости: более 40 тыс. россиянок в 1911 г. работали в госучреждениях. Созванное Лигой собрание женщин-юристов, на которое были приглашены депутаты, обсудило право женщин выступать защитницами в судах, но закон от июня 1912 г. позволил им быть лишь помощницами адвокатов. В том же 1912 г. Лига активно участвовала в Петербурге в созыве 1-го Всероссийского съезда по женскому образованию. Каждый шаг в попытках воздействовать на депутатский корпус давался с боем, но Лига не уступала, отражая наращивание политического потенциала женщин в протестном движении. Вскоре закон о политическом равноправии женщин сделался предметом дискуссий министров (внутренних дел, юстиции и премьер-министра). Если в январе 1912 г. он попал в неудачный момент, перед самым роспуском 3-й Думы, а в начале работы 4-й Думы предложение П. Н. Милокова вновь к нему вернуться провалили 206 голосами против 106 (Женское дело. 1913. № 4. С. 2), то в 1913 г. час настал: 51 % голосов он был принят к рассмотрению, отразив набирающий обороты перед Первой мировой войной политический кризис.

Ощущали его и радикальные партии, не оставлявшие без внимания «женский фермент», необходимый для революционных преобразований. В начале 1910-х гг. женское политическое участие стало все чаще обсуждаться теоретиками рабочего движения. А в начале марта 1913 г. при обостренном внимании охраны и полиции в России впервые праздновался День международной солидарности трудящихся женщин. В других странах его уже отмечали по решению Международной конференции социалисток (1910 г., Копенгаген). Политически ангажированные социал-демократами работницы уже тогда говорили, что «этот праздник особый», «повод к мобилизации женщин из среды рабочего класса к объединению со своими братьями в революционной борьбе» [Ратчайлд, 2019: 251]. В начале 1914 г. большевики инициировали основание женского журнала «Работница». До войны вышло лишь несколько его номеров: в связи с критикой милитаризма царского правительства редакция журнала была вскоре арестована, издание запрещено, тиражи конфискованы. Деятельность либеральных женских организаций тоже вынужденно перепрофилировалась с задач политических на нужды социальные, вызванные событиями начавшейся Первой мировой войны.

Представленные факты женского политического участия раскрывают его значение в российском освободительном движении с его мощной протестной составляющей. Начавшись как вполне вписанное в государственную структуру, выросшее в основном из благотворительного женское политическое движение медленно эволюционировало к все большей оппозиционности авторитаризму. К началу 1914 г. общества, союзы, лиги в составе женского политического движения четко сформулировали свою цель — гендерное равноправие. Они представляли интересы тысячи горожанок России, хотя многочисленными женские политические организации не были [Kraditor, 1965: 7]. Стоит, однако, учитывать не только слабую урбанизированность страны (а женское движение — явление городское), но и традиции молчаливого сочувствия протестующим (и «равноправкам», и «пролетаркам») при выдвижении ими прогрессивных демократических требований. Соотношение активистов и инертной массы было в женском движении примерно таким же, как в либеральном, рабочем и иных социальных движениях России на рубеже XIX—XX вв. Как бы свысока ни относилась к женскому политическому движению имперская власть, оно очевидно влияло на государственную политику в сфере образования, обеспечения профессиональной занятости, защиты здоровья женщин, пробивая твердыню мужского шовинизма, свойственного не только России, но и самым прогрессивным по тем временам странам. К началу Первой мировой войны в российском политическом женском движении окончательно сформировались два «полюса». Сторонницы либерального понимания путей решения «женского вопроса» имели главной целью предоставление женщинам права участия в выборах в Государственную думу. Сторонницы радикального (пролетарского) пути направляли работниц в городе и крестьянок в деревне на поддержку социал-демократической партии, которая была призвана решить все вопросы, включая вопрос об избирательном праве для женщин, революционным путем. Антагонизм «буржуазок» и «пролетарок» еще не был очевиден, но острота его росла.

После свержения монархии в феврале 1917 г. давно озвученная цель получения избирательных прав без различия пола стала в большой мере созвучна интересам не только высокообразованных женщин и мыслящей интеллигенции, но и представительниц иных социальных слоев. Это заставило Временное правительство уступить требованиям «равноправок». Выборы в Учредительное собрание осенью 1917 г. стали первыми выборами в России, в которых женщины могли не только голосовать, но и баллотироваться сами в представительный орган государственной власти.

Библиографический список

- Амфитеатров А. В.* Женщины в общественных движениях России. СПб.: Живое слово, 1907. 81 с.
- Болквадзе М. Г.* Не развращайте женщин! // Союз женщин. 1907. № 8. С. 16.
- Вахтина М. Л.* Рефераты по женскому вопросу, читанные в Клубе Женской прогрессивной партии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 20 с.
- Ворошилова С. В.* Роль женских общественных организаций в становлении гражданского общества в России в начале XX в. // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 4. С. 31—34.

- ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 516. Оп. 1.
Гришина З. В. Женские организации в России (1905—1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 168 с.
- Женский вопрос в Государственной думе. СПб.: [б. и.], 1906. 59 с.
- Кальманович А. А.* Претензии к женскому движению вообще и к 1-му Всероссийскому женскому съезду в частности. СПб.: [б. и.], 1910. 36 с.
- Коллонтай А. М.* Социальные основы женского вопроса. СПб.: Знание, 1909. 431 с.
- Коломийцева Е. Ю.* Формирование женского универсального журнала в XVIII—XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2008. 401 с.
- Кускова Е.* Женщины и равноправие // Союз женщин. 1908. № 12. С. 1—3.
- Линденмейр А.* Добровольные благотворительные общества в эпоху великих перемен // История социальной работы в России. М.: Флинта, 2009. С. 210—211.
- Мартыненко Н. К.* Женское движение в России во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. 241 с.
- Масалкина Д. А.* Журнал «Женский вестник» (1904—1917) о правах женщин // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 1. С. 42—44.
- Мирович Н.* Из истории женского движения в России. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1908. 59 с.
- Митрохина Н. В.* История 1-й Государственной думы Российской империи // История государства и права. 2000. № 2. С. 29—36.
- ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 781. Оп. 1. Д. 233. Л. 1.
- Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении. М.: Мысль, 1988. 269 с.
- Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2005. 444 с.
- Пушкарева Н. Л.* Дерзкие и беспокойные // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52—66.
- Пушкарева Н. Л.* Почему брак марксизма с феминизмом оказался несчастливым? // Женщина в Сибири в XIX—XX вв. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2008. С. 5—20.
- Ратчайлд Р.* Непослушные женщины и русские революции 1917 г. // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2019. С. 250—255.
- РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 134. Оп. 1. Д. 121.
- РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1075. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.
- Соловьев К. А.* Самодержавие и конституция: политическая повседневность в 1906—1907 гг. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 352 с.
- Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М.: РОССПЭН, 2004. 614 с.
- Труды Первого Всероссийского женского съезда // Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998. С. 150—179.
- Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.
- Шабанова А. Н.* Очерк женского движения в России. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. 32 с.
- Broido V.* Apostles into Terrorists: Women and the Revolutionary Movement in the Russia of Alexander II. New York: Viking Press, 1977. 238 p.
- Kraditor A.* The Ideas of the Women Suffrage Movement, 1890—1920. New York: W. W. Norton & Company, 1965. 313 p.
- Ruthchild R.* The Russian Women's Movement, 1859—1917: Diss. (Dr. Sc.) / University of Rochester. Rochester, 1976. 786 p.
- Smith N.* The Constitutional-Democratic Movement in Russia, 1902—1906: Diss. (Dr. Sc.) / University of Illinois. Illinois, 1958. 545 p.

References

- Amfiteatrov, A. V. (1907) *Zhenshchiny v obshchestvennykh dvizheniiakh Rossii* [Women in the social movements of Russia], St. Petersburg: Zhivoe slovo.
- Bolkvadze, M. G. (1907) Ne razvrashchaite zhenshchin! [Do not corrupt women!], *Soiuz zhenshchin*, no. 8, p. 16.
- Broido, V. (1977) *Apostles into Terrorists: Women and the Revolutionary Movement in the Russia of Alexander II*, New York: Viking Press.
- Grishina, Z. V. (1977) *Zhenskie organizatsii v Rossii (1905—1917 gg.)*: Dis. ... kand. ist. nauk [Women's organizations in Russia (1905—1917): Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Kalmanovich, A. A. (1910) *Pretenzii k zhenskomu dvizheniiu voobshche i k 1-mu Vserossiiskomu s'ezdu v chastnosti* [Claims to the women's movement in general and to the 1st All-Russian Women's Congress in particular], St. Petersburg: [s. n.].
- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii* [Women's movement in Russia], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Kollontai, A. M. (1909) *Sotsial'nye osnovy zhenskogo voprosa* [Social foundations of the female issue], St. Petersburg: Znanie.
- Kolomiitseva, E. Iu. (2008) *Formirovanie zhenskogo universal'nogo zhurnala v XVIII—XX vv.*: Dis. ... kand. ist. nauk [The formation of the women's universal magazine in the XVIII—XX cc.: Diss. (Cand. Sc.)], Armavir.
- Kraditor, A. (1965) *The Ideas of the Women Suffrage Movement, 1890—1920*, New York: W. W. Norton & Company.
- Kuskova, E. (1908) Zhenshchiny i ravnopravie [Women and equality], *Soiuz zhenshchin*, no. 12, pp. 1—3.
- Lindenmeir, A. (2009) Dobvol'nye blagotvoritel'nye obshchestva v epokhu velikikh peremen [Voluntary charitable societies in the era of great change], *Istoriia sotsial'noi raboty v Rossii*, Moscow: Flinta, pp. 209—211.
- Martynenko, N. K. (2002) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.*: Dis. ... kand. ist. nauk [Women's movement in Russia in the second half of the XIX — beginning of the XX c.: Diss. (Cand. Sc.)], Voronezh.
- Masalkina, D. A. (2012) Zhurnal "Zhenskiĭ vestnik" (1904—1917) o pravakh zhenshchin [The journal "Women's Herald" (1904—1917) about women's rights], *Kul'turnaia zhizn' Yuga Rossii*, no. 1, pp. 42—44.
- Mirovich, N. (1908) *Iz istorii zhenskogo dvizheniia v Rossii* [From the history of the women's movement in Russia], Moscow: I. D. Sytin.
- Mitrokhina, N. V. (2000) *Istoriia Pervoĭ Gosudarstvennoi Dumy Rossiiskoi imperii* [History of the First State Duma of the Russian Empire], *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 2, pp. 29—36.
- Pavliuchenko, E. A. (1988) *Zhenshchiny v russkom osvoboditel'nom dvizhenii* [Women in the Russian liberation movement], Moscow: Mysl.
- Petrov-Ėnnker, B. (2005) "Novye liudi" Rossii: Razvitie zhenskogo dvizheniia ot istokov do Oktiabr'skoi revoliutsii ["New people" of Russia: The development of the women's movement from its origins to the October Revolution], Moscow: Izdatel'skiĭ tsentr Rossiiskogo gumanitarnogo universiteta.
- Pushkareva, N. L. (2002) Derzkie i bespokoĭnye [Impudent and restless], *Otechestvennaia istoriia*, no. 6, pp. 52—66.
- Pushkareva, N. L. (2008) Pochemu brak marksizma s feminizmom okazalsia neschastlivym? [Why was the marriage of Marxism with feminism unhappy?], in: *Zhenshchina v Sibiri v XIX—XX vv.*, Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, pp. 5—20.
- Ratchaĭld, R. (2019) Neposlushnye zhenshchiny i russkie revoliutsii 1917 g. [Naughty women and the Russian revolutions of 1917], *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i*

- i sotsial'noi istorii povsednevnosti*, Moscow: Institut étnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 250—255.
- Ruthchild, R. (1976) *The Russian Women's Movement, 1859—1917*: Diss. (Dr. Sc.), University of Rochester, Rochester.
- Smith, N. (1958) *The Constitutional-Democratic Movement in Russia, 1902—1906*: Diss. (Dr. Sc.), University of Illinois, Illinois.
- Solov'ev, K. A. (2019) *Samoderzhavie i konstitutsiia: Politicheskaiia povsednevnost' v 1906—1907 gg.* [Autocracy and the constitution: Political everyday life in 1906—1907], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Staïts, R. (2004) *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860—1930* [Women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and bolshevism, 1860—1930], Moscow: ROSSPEN.
- Trudy Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda (1998) [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress], in: Aïvazova, S. G. *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia*, Moscow: RIK Rusanova, pp. 150—179.
- Vakhtina, M. L. (1908) *Referaty po zhenskomu voprosu, chitannye v Klube Zhenskoï progressivnoï partii* [Abstracts on women's issues read at the Women's Progressive Party Club], St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha.
- Voroshilova, S. V. (2011) Rol' zhenskikh obshchestvennykh organizatsiï v stanovlenii grazhdanskogo obshchestva v Rossii v nachale XX v. [The role of women's nongovernmental organisations in the civil society establishment in Russia in the early XX c.], *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, no. 4, pp. 31—34.
- Zhenskii vopros v Gosudarstvennoi dume* (1906) [Women's issue in the State Duma], St. Petersburg: [s. n.].

Статья поступила 12.10.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Ирина Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of Women and Gender Studies Department, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society

2020. No. 2. P. 129—137

DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.11

Женщина в российском обществе

2020. № 2. С. 129—137

ББК 63.3(2)613-284.3

DOI: 10.21064/WinRS.2020.2.11

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН В 1920-х гг. (На материалах Енисейской губернии)

О. М. Долидович, Т. Г. Карчаева

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия,
dolidovich@mail.ru

Статья посвящена исследованию массовой политической мобилизации женщин в 1920-х гг. Проблема рассматривается на материалах Енисейской губернии. На основе анализа широкого комплекса архивных материалов и местной периодической печати показано, что для осуществления полномасштабной систематической работы среди женщин у партии и государства не было средств. Испытывая постоянный кадровый дефицит и нехватку финансирования, женотделы проводили работу по разъяснению крестьянкам и работницам их гражданских и политических прав, ликвидации неграмотности, развитию делегатского движения, повышению их электоральной активности и представительства в органах власти. Однако на протяжении всего изучаемого десятилетия женщины демонстрировали слабую мотивацию к участию в общественно-политической жизни, низкую способность к принятию управленческих решений, усвоению предлагавшейся им новой гендерной роли.

Ключевые слова: гендер, государственная политика в отношении женщин, Енисейская губерния, женотдел, политическая мобилизация.

POLITICAL MOBILIZATION OF WOMEN IN THE 1920s (On materials of the Yenisei province)

O. M. Dolidovich, T. G. Karchaeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, dolidovich@mail.ru

The article is devoted to the study of mass political mobilization of women in the 1920s. The problem is considered on the materials of the Yenisei province. The authors used a wide range of archival materials and local periodicals. They showed that the party and the state did not have the means to carry out full-scale, systematic work among women. The women's departments experienced a permanent shortage of personnel and lack of funding. But they explained to women their civil and political rights, developed the delegate movement, worked to eliminate illiteracy, increase the electoral activity of women and their representation in government. Female workers and peasant women demonstrated a weak motivation for participation in public and political life, a low ability to make managerial decisions, and the assimilation

of a new gender role. Party leaders in the regions of the country for a long time did not understand the purposes and meaning of Soviet policy on women and virtually ignored it. The authors concluded that the situation could not be different in agrarian regions with undeveloped social infrastructure, insignificant industrial production, predominance of rural population with such features as low level of education and social mobility, collectivism, religiosity. For this reason, the next stage of the national gender policy in 1930—1950s was associated with the process of accelerated economic modernization of the country.

Key words: gender, state policy on women, Yenisei province, the Women's Department of the All-Russian Communist Party (Bolsheviks) (the Zhenotdel), political mobilization.

Введение

После свержения Временного правительства в октябре 1917 г. большевики приступили к строительству Советской республики. Согласно их концепции, в государственном управлении и выработке решений по всем вопросам развития страны должны были принимать участие широкие слои населения. Работницы и крестьянки рассматривались в качестве одной из наиболее многочисленных социальных групп, способных обеспечить политическую поддержку новой власти, и в то же время отсталых, в отношении которых требовалась серьезная просветительская и пропагандистская работа. В 1920-х гг. они стали объектом целенаправленного государственного воздействия.

Специфике советского варианта женской эмансипации посвящено значительное число работ (см., напр.: [Clements, 1992; Goldman, 1993; Здравомыслова, Темкина, 2003; Хасбулатова, 2005; Young, 2008; Алферова, 2011; Пушкарева, 2015]). В них выделены основные этапы государственной политики в отношении женщин, проанализирован вопрос о ее преемственности с российским феминистским движением дореволюционного периода, охарактеризованы гендерные различия и изменения в сфере занятости, семейно-брачных отношений.

Период с 1918 г. до конца 1920-х гг. исследователи определили как этап политической мобилизации женщин на решение политических и экономических проблем страны. Однако дискуссионным вопросом в историографии остаются причины расформирования женотделов в 1930 г. Согласно одной из точек зрения, большевики опасались, что работа с женщинами могла стать потенциальным основанием для возникновения оппозиции из-за роста их гражданского самосознания [Стайтс, 2004: 464—466; Юкина, 2007: 448—450]. По мнению других исследователей, женский вопрос ушел из списка приоритетных целей внутренней политики во второй половине 1920-х гг., поскольку женотделы выполнили свое основное назначение — воспитание крестьянок и работниц в духе социализма [Козлова, 2011].

Разработка вопроса о массовом выдвижении женщин в сферу общественно-политической деятельности на материалах российских регионов позволяет по-новому взглянуть на проблему, так как показывает особенности и противоречия процесса реализации новой гендерной политики представителями власти на местах.

На материалах восточносибирской Енисейской губернии предлагаем рассмотреть кадровый состав женотделов, поскольку именно через эту партийную

структуру осуществлялись массовая мобилизация работниц и крестьянок в публичное пространство, развитие делегатского движения в качестве ее основного инструмента, а также отслеживались результаты выдвижения женщин в партийные и представительные органы власти к концу изучаемого периода.

Анализ гендерных аспектов политической мобилизации проводился на основе структурно-конструктивистского подхода, согласно которому понятие «гендерный порядок» того или иного общества означает исторически сложившуюся систему отношений между полами, поддерживаемую совокупностью социальных механизмов и комплексом контекстов (политический, образовательный, профессиональный и др.). Гендер является частью политического процесса, поскольку воспроизводится и сам воспроизводит распределение власти. Гендерный порядок советского общества определяется как этакратический, т. е. заданный государством, осуществлявшим нормативное регулирование половых отношений, механизмы разделения труда между полами, модели мужественности и женственности.

Комплекс неопубликованных источников представлен делопроизводственной и отчетной документацией Енисейского губернского и Красноярского уездного комитетов РКП(б), исполкома Красноярского городского Совета народных депутатов, сосредоточенной в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК). Анализ писем и циркуляров ЦК РКП(б), личных дел сотрудников партийных комитетов, советов, исполкомов, отчетов и протоколов женских собраний, конференций позволяет реконструировать процесс создания губернского и уездных женотделов в сложных условиях завершения Гражданской войны, нэпа и второй половины 1920-х гг., направления и особенности их работы, выявить отношение местных управленцев к работе среди женщин.

Среди опубликованных источников большое значение имеет периодическая печать. Журнал Сибирского революционного комитета (после его упразднения в 1925 г. — Сибирского краевого исполкома Совета депутатов) «Жизнь красной Сибири» (с 1922 г. — «Жизнь Сибири») и газета «Советская Сибирь» освещали важнейшие решения партийных и государственных органов, ход выборных кампаний в Советы. В журнале «Красная сибирячка», издававшемся отделом по работе среди женщин при Сибкрайкоме РКП(б), публиковались сведения о выборах делегаток и работе делегатских собраний, деятельности волорганизаторов в сибирской деревне и др. Газета «Красноярский рабочий» отражала особенности экономического развития и социально-демографических процессов в Енисейской губернии. В 1920—1922 гг. работе среди женщин была посвящена последняя страница газеты («Страница работницы»), которую вел губженотдел, в 1923 г. — рубрика «Наш женотдел».

В процессе работы с источниками принимались во внимание их ярко выраженный пропагандистский характер и ориентация на демонстрацию преимуществ социалистического строя. Кроме того, учитывалось, что в начале 1920-х гг. советские органы власти находились в стадии становления, переживали многочисленные реорганизации, испытывали недостаток кадров и финансирования — все это отражалось на качестве их документооборота. В значительной степени такая ситуация была характерна и для женотделов, делопроизводство которых велось небрежно.

Кадровый состав женотделов

Формирование партийно-государственных структур в Енисейской губернии началось после того, как в 1920 г. отряды Красной армии освободили ее от колчаковских войск. В течение ноября 1920 г. — января 1921 г. были созданы женотделы: губернский (губженотдел) и по одному в каждом из 5 уездов — Красноярском, Канском, Минусинском, Ачинском, Енисейском (уженотделы). В составе губженотдела числились заведующая, секретарь и 2 инструктора, уженотделов — заведующая и по 1 инструктору; всего 14 сотрудниц. Для работы с крестьянками в уездах местные коммунистические партийные ячейки должны были выбрать волостного организатора (волорганизатора, после начала районирования Сибири в 1923 г. — райженорганизатора) или его назначал уездный отдел работниц. К 1923 г. на 164 волости приходилось 46 волорганизаторов [ГАКК, ф. П-1, оп. 4, д. 816, л. 43 об.].

Для того чтобы наладить системную работу среди женщин в одной из самых обширных губерний в стране, такого количества сотрудников было явно недостаточно. Однако дефицит средств не позволял не только расширить штат, но и обеспечить выплату заработной платы служащим. Сотрудниц женотделов трудоустроивали на неполный рабочий день в разные партийные отделы на должности машинисток, делопроизводителей и т. п., т. е. жалование они получали частями и в нескольких подразделениях. Волорганизаторы числились в составе волостных исполкомов и не были включены в штаты партийных комитетов, их зарплата должна была выплачиваться из «местных средств», т. е. за счет самообложения крестьян. Если волорганизатор приезжал на работу по направлению уженотдела, то последний и должен был самостоятельно изыскать деньги на оплату его труда [там же, оп. 1, д. 256, л. 1—3].

На протяжении изучаемого периода для сотрудниц женотделов Енисейской губернии был характерен крайне низкий уровень образования. Назначение и продвижение по карьерной лестнице определялись прежде всего классовыми и политическими критериями, а не квалификацией и профессионализмом. К тому же если на ведущие должности в губернские и уездные ревкомы и бюро РКП(б) направляли политработников, командированных от Центрального Комитета или Сибирского революционного комитета, то в рамках выдвигенческой и мобилизационной работы региональные партийные органы должны были исходить из местных условий. В Сибири ситуация была такова, что уровень женской грамотности и в дореволюционный период был значительно ниже, чем в губерниях европейской части страны. В 1920-х гг. не произошло значительных изменений. Согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г., в сибирских губерниях были грамотными 43,4 % мужчин, 18,8 % женщин. При этом в городах грамотные мужчины составляли 67,0 %, в сельской местности — 40,0 %, грамотные женщины — 51,0 и 14,0 % соответственно [Всесоюзная перепись... , 1928: 26—27].

Данные об образовании сотрудниц в документации женотделов отражены обрывочно. К примеру, в отчете о работе губженотдела за март 1923 г. указано, что среди 7 заведующих и 1 инструктора не было никого с высшим или полным средним образованием, 3 человека окончили начальную школу. Относительно

еще 5 не приведено никаких сведений, лишь обозначено, что они состояли в партии. Образовательный уровень волорганов чаще всего вовсе не фиксировался, поскольку подразумевалось, что это азбучная грамотность или начальная школа. Отмечались лишь их «способности к работе» или «политическая подготовка» [ГАКК, ф. П-1, оп. 4, д. 600, л. 48—49].

Дефицит кадров и их низкий образовательный уровень негативно сказывались на результатах работы. В первой половине 1920-х гг. отдел работниц Сибирского бюро ЦК РКП(б) оценивал деятельность Енисейского губженотдела в уездах как очень слабую, заведующие уженотделов не выезжали в волости, в отчетах ничего не говорилось о мероприятиях по ликвидации неграмотности крестьянок, их вовлечении в комитеты общественной взаимопомощи, введении в состав сельских Советов [там же, оп. 1, д. 407, л. 174].

Переход к нэпу лишь усугубил ситуацию, потому что в стране началось масштабное сокращение административно-управленческого аппарата. В Енисейской губернии в уездных женотделах осталось только по одной заведующей, в губженотделах — по заведующей и инструктору. Финансирование женотделов было практически прекращено.

Вопрос о результатах работы партии среди работниц и крестьянок обсуждался на XI, XII и XIII съездах РКП(б), проходивших в Москве в 1922—1924 гг. Местные комитеты партии получили распоряжение оказать содействие женотделам, обратить внимание на более полное комплектование их состава и подготовку, установить связь с организационно-инструкторскими и агитационно-пропагандистскими отделами партийных комитетов, выделить средства на командировочные расходы.

Тем не менее значительного увеличения финансирования женотделов или кардинальных изменений кадрового состава вплоть до конца 1920-х гг. не произошло. Организовать системную эффективную работу среди женщин в условиях аграрной Енисейской губернии, где поселения находились на больших расстояниях друг от друга, многие крестьяне проживали на хуторах и заимках, при неразвитой транспортной инфраструктуре не представлялось возможным [За улучшение работы... , 1925: 2].

Делегатское движение

Вовлечение женщин в процесс партийно-государственного строительства, а также их политическое, идеологическое воспитание осуществлялось через делегатское движение, которое должно было стать «кузницей женских кадров», готовить из них «будущих управленцев» [Алферова, 2011: 47].

Согласно отчетам Енисейского губженотдела, в течение 1921—1922 гг. выборы делегатов проходили только в Красноярске. За этот период было избрано порядка 50 делегатов из числа домохозяек, вдов и жен красноармейцев. В своем звании они числились формально, собрания не посещали, на работу в советские учреждения их не направляли [ГАКК, ф. П-1, оп. 1, д. 407, л. 174].

Местные женотделы испытывали большие затруднения с тем, чтобы обеспечить показатели численности делегатов-работниц, поскольку здесь не существовало крупных промышленных предприятий. Так, в ходе выборов в Красноярском уезде

в сентябре — ноябре 1923 г. губженотдел провел в состав делегаток около 50 % учительниц. Но уже в феврале 1924 г. было получено предписание Сиббюро ЦК РКП(б) о проведении частичных перевыборов: «Среди интеллигенток мы, как правило, работы не должны вести. Среди них должна вести работу партия в целом и профсоюзы. Наша задача — подтянуть к общему уровню и влить в общие ряды отсталую работницу и крестьянку» [там же, оп. 4, д. 816, л. 47 об.]. Осенью 1924 г. состоялось 62 делегатских собрания, было избрано 1 138 делегаток. В процентном соотношении преобладали крестьянки — 64,0 % (725 чел.). Работницы составляли лишь 8,0 % (90 чел.) делегаток. Еще 12,0 % (138 чел.) было избрано из числа батрачек, 9,0 % (103 чел.) — из числа служащих (учительницы и машинистки) и 7,0 % (82 чел.) — из числа домохозяек [там же, д. 960, л. 38].

Мотивация горожанок к работе в качестве делегаток была низкой. Во-первых, многие советские учреждения встречали их с непониманием: «Отделы Советов не представляли себе определенно, что собственно должна делать у них делегатка, а иногда и просто считали работу с ними лишним бременем для себя» [Работа делегаток... , 1921: 4]. Во-вторых, малооплачиваемый, а часто неоплачиваемый труд делегатки не привлекал женщин. Женотделы отмечали, что делегатки работают небрежно. К примеру, когда в 1929 г. делегаткам и комсомольцам, прикрепленным к пунктам ликвидации неграмотности Красноярска, было поручено собрать информацию об образовании жителей некоторых районов города, они прибегли к подаче фальсифицированных данных [Комсомол и делегатки... , 1929: 3].

В уездах работа с делегатками в начале 1920-х гг. практически не велась из-за крупных антисоветских восстаний. В октябре 1920 г. в Канском уезде вспыхнул так называемый «голопуповский» мятеж, в феврале 1921 г. на территории Ачинского и Минусинского уездов — восстание под предводительством казака И. Н. Соловьева. Крестьянки многих деревень встречали сотрудниц женотделов враждебно. На собраниях женщин в селах звучали «контрреволюционные выступления»: «Не надо нам делегаток, они будут защищать советскую власть» [ГАКК, ф. П-1. оп. 4, д. 819, л. 100 об.].

К середине 1920-х гг. в тех уездах, которые находились ближе к губернскому центру, выборы делегаток проходили относительно регулярно. Однако на селе их высмеивали и оскорбляли, мужья не разрешали женщинам посещать встречи и конференции, сами женщины избегали общественной работы. В случае обращения делегатки в сельский Совет с каким-либо вопросом или жалобой чаще всего не следовало никакой реакции: «Деревенские, советские, кооперативные и другие органы еще недостаточно уяснили себе значение делегатских собраний и частенько не только не помогают им в работе, а, наоборот, тормозят» [Меламед, 1925: 5].

Согласно оценкам Сиббюро ЦК РКП(б), работа среди делегаток в уездах Енисейской губернии к 1928 г. была поставлена неудовлетворительно. Большинство из них по-прежнему не умели читать и писать. Крестьянки не понимали смысла делегатского движения, зачастую на собраниях разбирались семейные ссоры и склоки, что вызывало ироничное отношение населения и дискредитировало саму идею делегатского движения. Во многих случаях делегатки не избирались, а назначались решением сельсовета или райженорганизатора. В этом статусе они числились формально, к практической деятельности не приступали.

Женщины в партийных и представительных органах власти

Численность женщин в партийных комитетах Енисейской губернии на протяжении всего изучаемого периода росла медленно. В 1923 г. среди членов и кандидатов РКП(б) в Красноярске женщины составляли 11,7 % (129 из 1 101 чел.), в уездах — 4,4 % (176 из 3 393 чел.), всего по губернии — 16,1 %. К концу 1920-х гг. соотношение мужчин и женщин среди кандидатов и членов партии изменилось незначительно [ГАКК, ф. П-1, оп. 3, д. 8а, л. 1—37].

При выдвижении женщин в состав представительных органов государственной власти (Советы) женотделы губернии также столкнулись с серьезными трудностями. Местные управленцы не относили работу среди женщин к числу приоритетных партийных задач, не понимали ее целей, не считали себя ответственными за нее. Так, в 1924 г. на выборах сотрудников сельсоветов Ужурской волости Ачинского уезда инструктор женотдела настаивала на введении в их состав женщин. Коммунисты отреагировали издевательской шуткой — избирали только крестьянок. Сразу же началась процедура перевыборов, поскольку всем было очевидно, что в качестве председателей и депутатов они работать не смогут [там же, оп. 4, д. 819, л. 100 об.].

Показатели по вовлечению женщин в перевыборные кампании Советов были максимально высокими в губернском центре — Красноярске. Так, в 1926 г. среди депутатов и кандидатов в депутаты Красноярского городского совета женщин было 28,0 % (65 из 232 чел.), в 1928—1929 гг. — 24,7 % (66 из 267 чел.). Среди депутатов и кандидатов в депутаты Советов уездных городов губернии численность женщин на протяжении 1920-х гг. не превышала 20,0 % [там же]. В 1928—1929 гг. среди депутатов и кандидатов в депутаты сельских Советов Красноярского округа женщины составляли 13,6 % (29 из 213 чел.), по другим округам в целом — также не более 13 % [там же, ф. Р-631, оп. 1, д. 67, л. 1—2].

Доля женщин в составе исполкомов советов Енисейской губернии тоже увеличивалась медленно. Заведующие женотделами отмечали, что в сельских Советах неграмотные и многодетные крестьянки чаще всего просто числились, на заседания не приходили, да их и не приглашали.

В процессах принятия решений секций горсоветов (коммунального хозяйства, финансово-бюджетной, народного образования, здравоохранения, кооперативно-торговой и др.) женщины, как правило, также участия не принимали. Во всех исполкомах Сибири существовал повышенный спрос на специалистов с профильным образованием, но, поскольку женщины не соответствовали этому требованию, они преимущественно занимали должности секретарей, машинисток [Из сводки... , 1921: 12—13]. Так, в 1920—1921 гг. в составе президиума Енисейского губкома женщины составляли 18,0 % (2 из 11 чел.), а среди сотрудников, ведущих делопроизводство управления делами губкома, — 70,0 % (7 из 10 чел.) [ГАКК, ф. П-1, оп. 1, д. 256, л. 1—3]. В 1928—1929 гг. среди сотрудников Енисейского губкома доля женщин достигала 10 % (45 из 445 чел.) [там же, оп. 3, д. 8а, л. 1—37].

Заключение

Целью советской политической мобилизации женщин в 1920-х гг. была активизация их гражданского участия для того, чтобы обеспечить поддержку режима и его устойчивость. Однако курс на массовое вовлечение работниц и крестьянок в сферу общественно-политической деятельности в условиях дефицита ресурсов, которыми располагало новое государство (финансовые, организационные, социальные, культурные), не давал быстрых результатов. Расформирование женотделов в 1930 г. можно рассматривать как смену стратегии большевиков, которые пришли к пониманию того, что в условиях аграрной страны (с такими характеристиками, как незначительное развитие промышленного производства, преобладание сельского населения, низкий уровень образования и социальной мобильности) принудительная активизация женского гражданского участия не могла быть осуществлена только через женотделы. Требовалось широкое вовлечение женщин в производство, что означало необходимость масштабной модернизации всех сфер жизни общества.

Библиографический список

- Алферова И. В.* Делегатские собрания 1920-х годов как проект подготовки советских женщин к управленческой деятельности // *Magistra vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2011. № 1. С. 46—54.
- Всесоюзная перепись населения, 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. Вып. 7: Возраст и грамотность населения СССР.
- ГАКК (Государственный архив Красноярского края).
- За улучшение работы сельсоветов // *Красноярский рабочий*. 1925. № 184. С. 2.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. Т. 1, № 3—4. С. 299—320.
- Из сводки информационно-инструкторского подотдела // *Жизнь красной Сибири*. 1921. № 3—4. С. 12—13.
- Козлова Н. Н.* Гендерная модернизация советской политической системы: институциональный аспект // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 4. С. 38—42.
- Комсомол и делегатки плохо провели перепись неграмотных // *Красноярский рабочий*. 1929. № 14. С. 3.
- Меламед*. Надо готовиться к перевыборам делегатских собраний // *Красная сибирячка*. 1925. № 8. С. 5.
- Пушкарева Н. Л.* Гендерная система советской России и повседневность россиянок // *Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. С. Дубиной, А. К. Сорокина*. М.: РОССПЭН, 2015. С. 204—226.
- Работа делегатов в советских отделах // *Советская Сибирь*. 1921. № 103. С. 4.
- Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
- Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
- Clements B. E.* The utopianism of the zhenotdel // *Slavic Review*. 1992. Vol. 51, iss. 3. P. 485—496.

- Goldman W. Z. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 351 p.
- Young J. P. *Bolshevik Wives: a Study of Soviet Elite Society*. Sydney: Sydney University, 2008. 243 p.

References

- Alferova, I. V. (2011) Delegatskie sobraniia 1920-kh godov kak proekt podgotovki sovetskikh zhenshchin k upravlencheskoĭ deiatel'nosti [Delegates' meetings of the 1920s as a project to prepare Soviet women for management], *Magistra Vitae: ėlektronnyĭ zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, no. 1, pp. 46—54.
- Clements, B. E. (1992) The utopianism of the zhenotdel, *Slavic Review*, vol. 51, iss. 3, pp. 485—496.
- Goldman, W. Z. (1993) *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkiiĭ feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Kozlova, N. N. (2011) Gendernaia modernizatsiia sovetskoĭ politicheskoi sistemy: institutsional'nyi aspekt [Gender modernization of the Soviet political system: an institutional aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 38—42.
- Pushkareva, N. L. (2015) Gendernaia sistema sovetskoĭ Rossii i povsednevnost' rossiianok [Gender system of Soviet Russia and everyday life of Russian women], in: Berends, Ia. K., Dubina, V. S., Sorokin, A. K. (eds), *Povsednevnaia zhizn' pri sotsializme. Nemetskie i rossiiskie podkhody*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 204—226.
- Staits, R. (2004) *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: feminizm, nihilizm i bol'shevizm, 1860—1930* [Women's liberation movement in Russia: feminism, nihilism and bolshevism, 1860—1930], Moscow: ROSSPĖN.
- Young, J. P. (2008) *Bolshevik Wives: A Study of Soviet Elite Society*, Sydney: Sydney University.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovanie gendera v sovetskom obshchestve [State construction of gender in Soviet society], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 1, no. 3—4, pp. 299—320.

Статья поступила 15.07.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Долидович Олеся Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры современных образовательных технологий, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, dolidovich@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Modern Educational Technologies, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation).

Карчаева Татьяна Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, tatyana-verhoturova@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History of Russia, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation).

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ БЕДНОСТИ В РОССИИ: АБСОЛЮТНЫЙ И МНОГОКРИТЕРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД

И. А. Денисова^a, М. А. Карцева^{a, b}

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, denisova.irina@gmail.com

^b Институт социального анализа и прогнозирования, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

Работа посвящена изучению гендерной специфики бедности взрослого населения Российской Федерации. Основным методом исследования является статистический анализ на основе микроданных выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, проведенного Росстатом в 2017 г. Результаты работы показывают, что в среднем при использовании абсолютного доходного критерия показатели уровня бедности среди мужчин и среди женщин практически совпадают. При этом в молодых и старших возрастах уровень абсолютной доходной бедности женщин превышает уровень бедности мужчин, в то время как в средних возрастах наблюдается обратное. При переходе к многокритериальному индексу бедности и социальной исключенности (индекс AROPE) наблюдается существенная феминизация бедности. Распространенность многомерной бедности среди женщин превышает распространенность данного феномена среди мужчин практически во всех возрастных когортах. В наибольшей степени гендерный разрыв между уровнями многокритериальной бедности выражен в старших возрастах.

Ключевые слова: бедность, гендер, Россия, абсолютная доходная бедность, многомерная бедность.

GENDER POVERTY GAP IN RUSSIA: ABSOLUTE VS. MULTIDIMENSIONAL CONCEPTS

I. A. Denisova^a, M. A. Kartseva^{a, b}

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, denisova.irina@gmail.com

^b Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Poverty is rather high in contemporary Russia: every eighth Russian was poor according to the official statistics in 2018. Fighting poverty is among the top strategic development goals for the period till 2024. The paper studies gender disparities in poverty among Russian adults.

Better understanding of gender structure of poverty in Russia would facilitate poverty reduction via better targeting and better tailoring of policy instruments. We utilize micro data of the Survey of income and social program participation by Rosstat as of 2017 for our statistical analysis. Two alternative poverty concepts are used: absolute income poverty (the official methodology of poverty measurement in Russia) and poverty risk and social exclusion index (the key component of poverty monitoring indicator in the EU). The latter index is a composition of relative poverty and deprivation poverty measures. Our results indicate that, on average, there is no gender poverty gap in Russia when absolute poverty concept is used: poverty rates among males and females are the same on average. Hence, we find no statistical support to the widely used by the media thesis of poverty feminization in Russia. Absolute poverty rate, however, is found to vary significantly across different gender-age groups: absolute income poverty among females is higher than among males in young and senior ages, while males are poorer in mid-age groups. When multiple criteria definition of poverty and social exclusion (AROPE) is applied, we find clear signs of feminization of poverty in Russia. Multidimensional poverty is much higher among females, and this is observed in all age groups. The highest gender poverty gap is observed in senior ages. The age-gender poverty structure changes dramatically when we move from absolute poverty concept to the multidimensional one: we observe higher share of females in poverty, and higher share of senior people in poverty. The key determinants of higher multidimensional poverty of females is their relatively (to males) lower wages, and relatively lower pensions.

Key words: poverty, gender, Russia, absolute income poverty, multidimensional poverty.

Введение

Преодоление бедности в Российской Федерации является одним из государственных приоритетов, сформулированных в рамках национальных проектов. В Указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» перед Правительством РФ была поставлена задача снижения уровня бедности в два раза к 2024 г. Действительно, в настоящее время проблема бедности довольно остра. Согласно данным Росстата, в 2018 г. 12,9 % населения РФ имели среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, т. е. ниже официальной черты бедности. Другими словами, в среднем каждый восьмой житель РФ является бедным. Однако уровень бедности существенно варьируется по различным социально-демографическим типам населения (см., напр.: [Богомолова, Тапилина, 2006; Овчарова, 2011, 2012; Уровень и профиль бедности... , 2014; Беглова, 2016; Зубова, 2017]). Отдельный интерес представляет изучение гендерных аспектов бедности.

В российском обществе сформировано достаточно устойчивое представление о феминизации бедности. Часто в публикациях в СМИ употребляется выражение «женское лицо бедности»¹. Насколько это обоснованно? С одной стороны, как отмечается в многочисленных исследованиях, женщины реже, чем мужчины, обеспечивают себе стабильный доход через занятость: они чаще

¹ См., напр.: URL: <https://www.pwc.ru/ru/press-releases/2019/third-intellectual-club-presentation.pdf>, <https://www.gazeta.ru/column/s77173/12066949.shtml>; <http://vmeste-rf.tv/programs/205/irina-gaida-gender-inequality-poverty-in-russia-has-a-female-face> (дата обращения: 01.08.2019).

работают неполный рабочий день, имеют перерывы в занятости в связи с уходом за детьми, часть женщин не работают, отдавая свои силы ведению домашнего хозяйства. Кроме того, у женщин, как правило, более низкие заработные платы, что впоследствии ведет к более низким пенсиям. Женщины чаще представлены в группах с повышенным риском бедности: родителей-одиночек, безработных, самозанятых [Kramer et al., 2016]. В то же время перераспределительные системы в некоторой степени сглаживают неравенство в доходах мужчин и женщин. Однако часто по умолчанию предполагается, что женщина может использовать доход супруга, в том числе пенсионный, и выравнивание доходов женщин не является приоритетом таких систем [Guide... , 2006]. В этом случае действительно может возникать феминизация бедности.

И все же сравнительная бедность мужчин и женщин далека от однозначности. Риски бедности мужчин и женщин отличаются в разных возрастных группах. С одной стороны, в развитых странах наблюдается сближение образовательного уровня мужчин и женщин в молодых когортах (а в России это уже давно стало реальностью). В то же время концентрация женщин в низкооплачиваемых профессиональных группах сохраняется и в молодых когортах, что не позволяет доходам молодых мужчин и женщин выравниваться. Исследования показывают, что в развитых странах риск бедности для женщин превышает риск бедности для мужчин в молодых (16—24 года) и старших (65+) возрастах. В наибольшей степени данный эффект выражен среди пожилых [ibid.].

На различия в риске бедности молодых влияют ранний выход из системы образования (во многих развитых странах мальчики раньше заканчивают образование) и занятость. Последняя, как правило, выше среди молодых мужчин, но есть исключения: разницы в занятости практически нет в Нидерландах, Дании и Великобритании, а в Швеции занятость молодых женщин выше, чем молодых мужчин. Часть различий в рисках бедности пожилых объясняет разница в занятости мужчин и женщин в старших возрастных группах: почти во всех странах женщины раньше уходят с рынка труда. В то же время большое значение имеют особенности устройства рынка труда и социального страхования в стране. Так, например, в Нидерландах нет различий в рисках бедности пожилых мужчин и женщин, в Финляндии, Швеции, Франции и Эстонии эти различия невелики, тогда как на Кипре и Мальте разница достигает 40 п. п. [ibid.].

Основной целью исследования является проведение сравнительного анализа уровней бедности мужчин и женщин в Российской Федерации. Мы применяем два различных подхода к определению бедности. Первый подход предполагает использование концепции абсолютной доходной бедности, в этом случае уровень бедности рассчитывается согласно методике Росстата. Второй подход основан на концепции многокритериальной бедности AROPE. Мы рассматриваем относительное положение женщин с точки зрения бедности с особым вниманием к сравнительному анализу половозрастной структуры бедного населения при применении абсолютного доходного и многокритериальных показателей бедности. Анализ гендерных аспектов бедности в Российской Федерации будет способствовать решению задачи снижения бедности, в частности, через увеличение адресности и специфичности разрабатываемых мер политики противодействия бедности.

Эмпирическая база исследования

В качестве эмпирической основы исследования гендерных аспектов бедности в России в работе используется база микроданных выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, проведенного Росстатом в 2017 г. (ВНДН-2017). Основной целью данного социологического обследования является получение статистической информации о социально-экономическом положении граждан РФ. Выборка обследования формируется на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г. с помощью процедуры случайного отбора домохозяйств (двухступенчатая случайная выборка). Единицами наблюдения ВНДН являются домохозяйства и члены домохозяйств. Всего в 2017 г. в рамках ВНДН было опрошено 160 тыс. домохозяйств и 367 тыс. проживающих в них индивидов. Необходимо отметить, что данные ВНДН-2017 репрезентируют население России как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных социально-демографических групп. Таким образом, эти данные позволяют провести исследование уровня бедности не только для всего населения РФ в целом, но и отдельно для мужчин и женщин, что выступает одним из ключевых требований к использованию данных в нашей работе. Следует отдельно подчеркнуть тот факт, что данные ВНДН-2017 являются открытыми и опубликованы на сайте Росстата².

ВНДН проводится в форме личного интервью по месту жительства респондента с использованием заранее разработанного вопросника. В рамках ВНДН применяется два типа вопросников — вопросник для домохозяйства и индивидуальный вопросник (для лиц от 16 лет и старше). Анкета домохозяйства содержит информацию о демографическом составе домохозяйства, получении различных социальных выплат, условиях проживания, получении доходов (от собственности и от сельскохозяйственной деятельности). Индивидуальный вопросник содержит три раздела — социальное положение и образование респондента, пенсионное обеспечение и социальная поддержка, работа и доходы от трудовой деятельности. Таким образом, данные ВНДН-2017 позволяют получить подробную информацию о совокупном доходе домохозяйства. Этот показатель лежит в основе большинства монетарных показателей бедности. Важным отличием ВНДН, проведенного в 2017 г., является наличие в вопроснике для домохозяйства блока вопросов о депривациях, которые испытывает домохозяйство. Депривация определяется как невозможность позволить себе какое-либо благо в силу недостаточности средств. Информация о депривациях дает возможность формулировать выводы относительно немонетарной бедности российских граждан.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что данные ВНДН-2017 являются уникальным источником информации для проведения комплексного исследования бедности в РФ, в частности сравнительного анализа бедности мужчин и женщин.

² URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html (дата обращения: 01.08.2019).

Методология исследования

В современной экономической литературе существует целый ряд подходов к определению бедности. Достаточно подробно основные концепции и принципы формирования показателей бедности описаны в руководстве Европейской экономической комиссии ООН [Guide... , 2017]. В настоящее время в официальной статистике РФ в системе мониторинга социально-экономического положения населения основным показателем бедности является доля населения, имеющего среднедушевые доходы ниже величины прожиточного минимума. Таким образом, официальный индекс бедности в России строится на базе абсолютной доходной концепции бедности. Важные достоинства данного показателя — его устоявшаяся методика, понятийная и вычислительная простота, регулярность публикации, а также наличие длинных динамических рядов.

Тем не менее необходимо отметить, что монетарные подходы к бедности достаточно часто подвергаются критике в экономической литературе (см., напр.: [Abel-Smith, Townsend, 1965; Runciman, 1966; Sen, 1993]). Основной идеей этих работ является то, что в современном постиндустриальном обществе недостаточность денежных ресурсов не может рассматриваться как единственный критерий бедности. Кроме наличия средств, необходимых для поддержания жизнедеятельности человека на минимальном уровне, все более и более важным становится факт интеграции человека в то общество, в котором он живет. При этом под интеграцией понимается наличие у индивида питания, жилищных условий и социальной жизни на уровне, привычном для окружающего его общества [Townsend, 1979]. Таким образом, для измерения бедности в развитых странах становится актуальной концепция многомерной бедности, которая учитывает как монетарные, так и различные депривационные критерии (материальные депривации, социальная исключенность и т. д.). Значительное количество работ в современной экономической литературе посвящено методике построения, изучению свойств и возможностей применения многокритериальных индексов бедности (см., напр.: [Alkire, Foster, 2011a, 2011b; Alkire, Santos, 2013; Bellani, 2013; Ravallion, 2011]).

В настоящее время многокритериальные индексы используются в качестве официальных индикаторов бедности статистическими органами целого ряда стран. Наиболее значимым примером можно считать применение многомерного индекса бедности и социальной исключенности (индекс AROPE), являющегося ключевым показателем бедности населения в ЕС. Показатель AROPE комплексный, он учитывает три вида бедности: монетарную, депривационную и исключенность из рынка труда. Индекс риска бедности и социальной исключенности публикуется Евростатом в открытом доступе на регулярной основе³.

Необходимо отметить, что Росстат ведет активную работу по внедрению многокритериального индекса бедности в качестве ее дополнительного показателя в систему мониторинга социально-экономического положения российских граждан. В исследовании, проведенном Росстатом совместно с НИУ ВШЭ [О совершенствовании... , 2017], индекс AROPE рассматривается как наиболее перспективный показатель для применения в России. Индекс AROPE признается также наиболее подходящим для российской практики в работе И. И. Елисеевой и Ю. В. Раскиной [Елисеева, Раскина, 2017].

³ URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/income-and-living-conditions/data/database> (дата обращения: 04.09.2019).

В данной статье анализ гендерных особенностей бедности в РФ проводится с использованием двух показателей бедности — показателя абсолютной доходной бедности (официальный индикатор бедности в РФ) и показателя многомерной бедности AROPE (официальный индикатор бедности в ЕС). Ниже подробно представлена методология построения этих индексов бедности на основе данных ВНДН-2017.

Уровень абсолютной доходной бедности. В настоящее время в основе официального показателя бедности в РФ, публикуемого Федеральной службой государственной статистики, лежит абсолютная доходная концепция определения бедности. Согласно данной концепции, человек является бедным, если его доходы ниже фиксированного порога бедности. В качестве такого порога в официальной российской статистике используется величина прожиточного минимума. Другими словами, по методике Росстата человек признается бедным, если его среднедушевые доходы ниже величины прожиточного минимума. При этом среднедушевой доход человека рассчитывается как отношение совокупного денежного дохода всех членов домохозяйства, в котором проживает индивид, к количеству членов этого домохозяйства, а прожиточный минимум представляет собой «стоимостную оценку потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы»⁴. Величина прожиточного минимума устанавливается законодательно на ежеквартальной основе для следующих категорий населения: все население, население в трудоспособном возрасте, население старше трудоспособного возраста и население младше трудоспособного возраста. Уровень абсолютной доходной бедности населения РФ на национальном уровне определяется как доля бедных в общей численности населения:

$$POV_{abs} = \frac{\sum_i^N (INC_i < SUBS_LEV_i^{reg})}{N}, \quad (1)$$

где INC_i — среднедушевой доход i -го индивида, $SUBS_LEV_i^{reg}$ — региональный прожиточный минимум i -го индивида, N — численность населения страны.

Следует отметить, что построение этого индекса и для РФ в целом, и для отдельных групп населения с использованием данных ВНДН-2017 не представляет затруднений, так как база данных обследования содержит всю необходимую информацию.

Индекс риска бедности и социальной исключенности (индекс AROPE). Индекс AROPE является основным официальным показателем бедности в ЕС. На регулярной основе он рассчитывается и публикуется официальным статистическим органом ЕС — Евростатом. Показатель AROPE является интегральным и агрегирует информацию о трех критериях бедности: относительной доходной бедности, существенной материальной депривированности и исключенности из рынка труда. Рассмотрим подробнее основные принципы формирования компонентов показателя AROPE и возможность их построения с использованием российских данных.

⁴ О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/172780/paragraph/9462:0> (дата обращения: 01.08.2019).

1. *Относительная доходная бедность* (POV_{rel}). Согласно методике Евростата, человек признается бедным по относительному доходному критерию, если его среднедушевые доходы ниже 60 % медианного дохода всего населения страны. Показатель среднедушевого дохода рассчитывается как отношение совокупного располагаемого дохода домохозяйства к эквивалентному размеру домохозяйства. Эквивалентный размер домохозяйства определяется с учетом шкалы эквивалентности ОЭСР, согласно которой всем членам домохозяйства присваиваются веса: 1 для первого взрослого (14 лет и старше), 0,5 для второго и последующих взрослых и 0,3 для каждого ребенка (младше 14 лет).

2. *Существенная материальная депривированность* (SEV_DEPR). Согласно методике AROPE, индивид признается существенно материально депривированным, если он испытывает как минимум четыре из девяти фиксированных деприваций. В то время как построение индекса относительной бедности с использованием данных ВДН-2017 не представляет трудностей, построение показателя существенной материальной депривированности имеет некоторые особенности. Данные ВДН-2017 содержат необходимую информацию для определения семи из девяти деприваций, входящих в состав международной методики расчета индекса. Для адаптации показателя существенной материальной депривированности к российским данным было принято решение отказаться от использования одного из показателей как неактуального для населения РФ, второй показатель депривации был несколько видоизменен с сохранением общего смысла. Список деприваций по методике AROPE, а также адаптированный список деприваций для РФ, составленный с учетом доступной информации, представлены в таблице 1. Таким образом, в рамках нашего исследования человек признается существенно материально депривированным, если он испытывает как минимум четыре депривации из указанных восьми.

Таблица 1

Списки деприваций для определения существенной материальной депривированности согласно исходной и адаптированной методике AROPE

№ п/п	Методология AROPE	Адаптированная методология AROPE
1	Не может погасить долги по оплате жилья, коммунальных услуг, кредитов	+
2	Не имеет материальной возможности ежегодно проводить хотя бы одну неделю отпуска вне дома	+
3	Не может позволить себе питание, содержащее мясо, курицу, рыбу (или вегетарианский эквивалент) хотя бы через день	+
4	Не может позволить себе адекватно отапливать жилье	Исключен, как имеющий низкую актуальность для РФ
5	Не может справиться с непредвиденными расходами	Не может оплачивать все необходимые ежедневные платежи (замена)
6	Не может приобрести телефон	+
7	Не может приобрести цветной телевизор	+
8	Не может приобрести стиральную машину	+
9	Не может приобрести личный автомобиль	+

3. *Исключенность из рынка труда.* Человек признается исключенным из рынка труда, если в течение предыдущего года отношение суммарного времени занятости (в месяцах) всех членов его домохозяйства в возрасте от 18 до 59 лет к сумме всего возможного времени занятости (в месяцах) менее 0,2. Данные ВНДН-2017 содержат информацию, позволяющую определить трудовую исключенность индивидов, однако эти данные являются закрытыми и не публикуются на сайте Росстата. Отсутствие соответствующих данных делает невозможным построение показателя исключенности из рынка труда. Поэтому в настоящей работе авторы были вынуждены отказаться от использования третьего компонента показателя AROPE. Можно предположить, что недоучет исключенности из рынка труда не вносит значительного вклада в композитный индекс AROPE в РФ. Согласно опубликованным данным, распространенность данного явления в РФ относительно невелика: только 2,6 % россиян в 2016 г. испытывали исключенность из рынка труда [О совершенствовании методологических положений... , 2017].

Таким образом, в рамках данного исследования индекс AROPE для РФ в целом рассчитывается как

$$AROPE = \frac{\sum_i^N ((POV_{rel_i} = 1) \text{ или } (SEV_{DEPR_i} = 1))}{N}, \quad (2)$$

где POV_{rel_i} — индивидуальный показатель относительной доходной бедности, SEV_{DEPR_i} — наличие у индивида существенных материальных деприваций, N — численность населения страны.

Результаты исследования

Исследование позволило провести сравнительный анализ распространенности бедности в различных половозрастных группах при использовании двух критериев — абсолютного показателя бедности и многомерного критерия AROPE, а также выявить изменения половозрастной структуры бедного населения при переходе от официального критерия бедности к критерию AROPE.

Абсолютная доходная бедность (методика Росстата). Проведенные расчеты показали, что абсолютный уровень бедности взрослого населения РФ (возраст 25 лет и старше) в 2016 г. составил 9,2 %. Уровень бедности взрослого населения ниже, чем аналогичный показатель для всего населения (13,1 %), что неудивительно: в выборку исследования не вошли дети (от 0 до 18 лет), которые в РФ традиционно являются наиболее уязвимой категорией с точки зрения бедности (см., напр.: [Пишняк, Попова, 2011; Гришина, 2018]). Нужно отметить, что не существует значительных гендерных различий в уровне бедности. Среди мужчин доля бедных составила 9,3 %, а среди женщин — 9,2 %. Таким образом, утверждение о «женском лице российской бедности», широко используемое в российской прессе, не находит эмпирического подтверждения в данной работе.

Необходимо отметить, что абсолютный уровень бедности взрослого населения РФ значительно варьируется по половозрастным группам. В таблице 2 представлены показатели абсолютного уровня бедности, рассчитанного по методике Росстата, для различных половозрастных групп населения РФ. В целях

увеличения наглядности уровень абсолютной бедности мужчин и женщин разных возрастов показан на рисунке 1. Анализ свидетельствует, что в более молодых возрастах (от 25 до 39 лет) женщины в среднем беднее мужчин — абсолютный уровень бедности женщин значительно превышает аналогичный показатель для мужчин. Максимальный гендерный разрыв между абсолютными уровнями бедности наблюдается в возрастном диапазоне от 30 до 34 лет. В этих возрастах доля бедных среди женщин превышает долю бедных среди мужчин в 1,4 раза. Такое значительное различие в уровнях бедности мужчин и женщин в молодых возрастах объясняется относительно более низкими заработными платами женщин, трудностями совмещения материнства и занятости и пр. Большой вклад в уровень женской бедности вносят неполные семьи: в группе таких семей абсолютный уровень бедности значительно превышает средние показатели⁵. К возрасту 40—44 года абсолютный уровень бедности женщин существенно снижается и становится равен уровню бедности мужчин. Интересно, что в более старших возрастах, от 44 до 59 лет, мужчины относительно беднее женщин. Максимальное гендерное различие абсолютных уровней бедности отмечается в возрастах 55—59 лет, что в значительной степени обусловлено массовым выходом женщин на пенсию и получением ими дополнительного дохода. По сравнению с более молодыми возрастами доля бедных в группе 60+ относительно невелика: уровень абсолютной бедности как мужчин, так и женщин не превышает 5,0 %. Однако в этом возрасте уровень абсолютной бедности женщин снова становится выше аналогичного показателя для мужчин. Основная причина такого положения — более высокие заработные платы и пенсии мужчин.

Таблица 2

**Уровень абсолютной бедности взрослого населения РФ
по половозрастным группам (2016 г.), %**

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
25—29	9,9	12,5
30—34	11,9	16,0
35—39	14,8	17,1
40—44	14,1	13,9
45—49	10,2	9,3
50—54	8,8	7,5
55—59	7,2	4,5
60—64	3,7	4,6
65+	2,9	3,9

⁵ Согласно данным ВДН-2017, уровень абсолютной бедности лиц, проживающих в домохозяйствах, которые имеют в своем составе неполную семью, составляет 33,0 %, в то время как для всего населения этот показатель значительно меньше — 13,1 %.

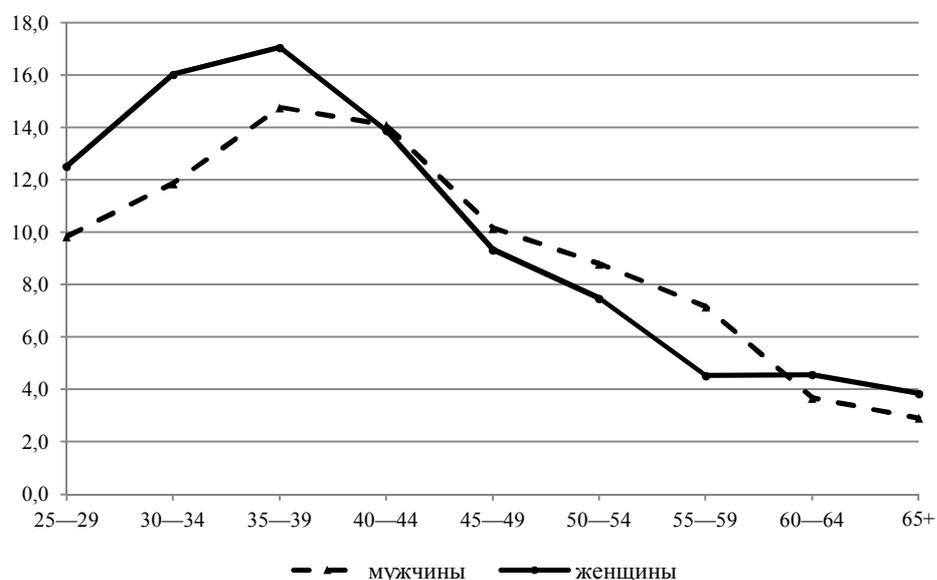

Рис. 1. Уровень абсолютной бедности взрослого населения РФ по половозрастным группам (2016 г.), %

Многокритериальная бедность AROPE (методика Евростата). Уровень бедности, определенный по критерию AROPE, существенно превышает уровень абсолютной доходной бедности. Проведенные расчеты по методике AROPE показали, что в 2016 г. каждый пятый взрослый человек в РФ (21,3 %) являлся бедным. В отличие от абсолютной бедности многокритериальная бедность более распространена среди женщин, чем среди мужчин. По критерию AROPE уровень бедности мужчин в возрасте от 25 лет составляет 18,8 %, а женщин аналогичного возраста — 22,8 %.

Таблица 3

Уровень многокритериальной бедности взрослого населения РФ по половозрастным группам (методика AROPE) (2016 г.), %

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
25—29	16,1	17,8
30—34	17,2	21,0
35—39	19,9	23,5
40—44	20,6	22,0
45—49	17,0	17,0
50—54	15,9	15,1
55—59	15,9	17,9
60—64	20,7	26,0
65+	25,1	34,2

В таблице 3 представлены уровни многомерной бедности различных половозрастных групп населения РФ. Для увеличения наглядности уровень

многомерной бедности в половозрастных группах также показан на рисунке 2. Как и индикатор абсолютной бедности, показатель многомерной бедности существенно варьируется по половозрастным группам. Однако важно отметить, что практически для всех рассматриваемых возрастных групп уровень бедности женщин по критерию AROPE превышает аналогичный показатель для мужчин. Другими словами, практически в любом возрасте женщина испытывает больший риск бедности, чем мужчина. В относительно молодых возрастах (25—44 лет) уровень бедности женщин, измеренный по критерию AROPE, в 1,1—1,2 раза превышает уровень бедности мужчин. В возрастной когорте 45—49 лет распространенность многокритериальной бедности среди мужчин и среди женщин практически одинакова. В интервале от 50 до 54 лет индекс бедности AROPE для женщин становится ниже соответствующего индекса для мужчин, однако величина различия незначительна. Спад уровня бедности среди женщин и сближение показателей уровня бедности женщин и уровня бедности мужчин в этих возрастах в основном объясняется спадом иждивенческой нагрузки и началом выхода женщин на пенсию⁶. Однако после 54 лет наблюдается резкий рост гендерного разрыва между уровнями многокритериальной бедности. В возрастной группе 55—59 лет индекс AROPE для женщин превышает индекс AROPE для мужчин в 1,1 раза, в группе 60—64 года — в 1,2 раза, а в самой старшей из рассматриваемых возрастных групп — в 1,4 раза.

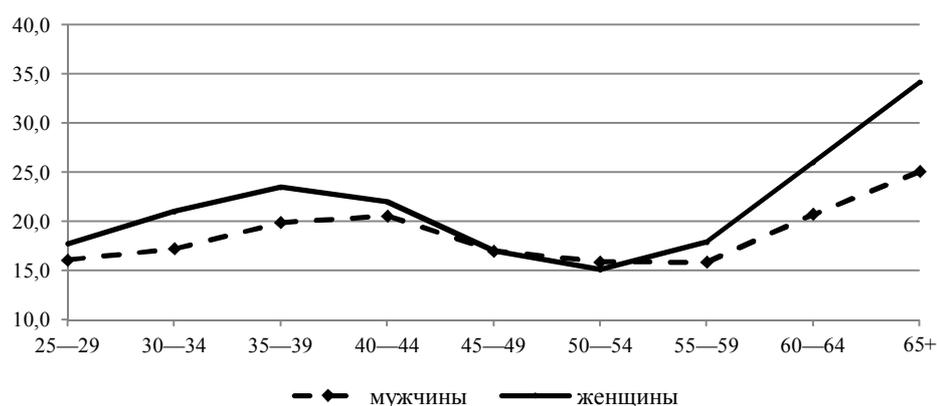

Рис. 2. Уровень многокритериальной бедности взрослого населения РФ по половозрастным группам (методика AROPE) (2016 г.), %

Рисунки 3 и 4 демонстрируют взаимосвязь факторов индекса AROPE — относительной бедности и существенной материальной депривированности. Данные показывают, что как для мужчин, так и для женщин основной вклад в многомерную бедность вносит относительная доходная бедность. Только 1,3 % бедных по критерию AROPE испытывают существенную материальную депривированность, но не являются бедными по относительному доходному

⁶ Здесь речь идет о досрочном выходе на пенсию. Так, представители традиционно женских в РФ профессий, учителя и медицинские работники, имеют право на досрочный выход на пенсию при наличии определенного стажа.

критерию. Риск относительной доходной бедности среди мужчин составляет 17,6 %. Для женщин данный показатель существенно выше — 21,5 %. Следует также отметить, что женщины по сравнению с мужчинами чаще испытывают существенную материальную депривированность.

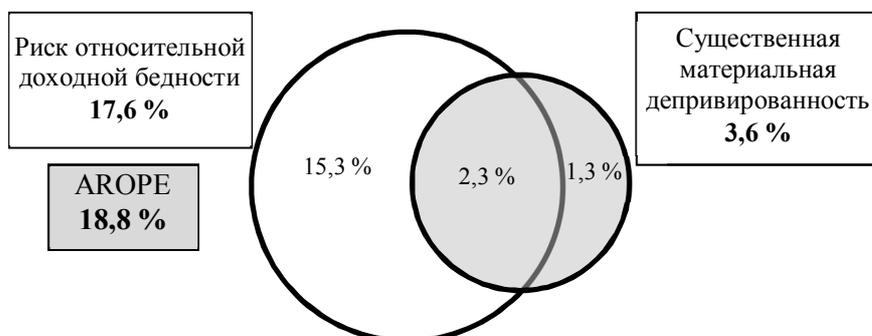

Рис. 3. Компоненты многомерного индекса бедности AROPE, рассчитанные для мужчин старше 25 лет (2016 г.)

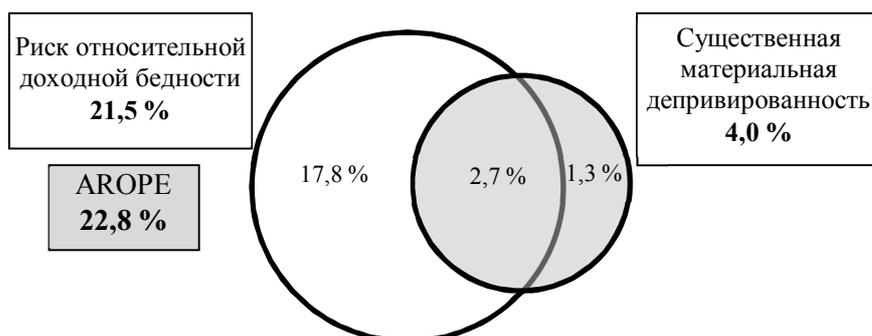

Рис. 4. Компоненты многомерного индекса бедности AROPE, рассчитанные для женщин старше 25 лет (2016 г.)

Структура бедного населения: абсолютная доходная и многокритериальная бедность. В таблице 4 представлена гендерная и возрастная структура бедного населения в возрасте от 25 лет, определенная согласно рассматриваемым подходам к расчету уровня бедности. По абсолютному доходному критерию среди бедных женщины составляют немногим более половины — 55,3 %. При переходе к многомерному индексу доля женщин среди бедных увеличивается до 60,3 %. Это неудивительно: выше было показано, что в отличие от абсолютной доходной бедности риск бедности и социальной исключенности для женщин выше, чем для мужчин, в большинстве возрастных когорт.

Анализ возрастной структуры взрослого бедного населения показал, что при использовании абсолютного доходного критерия бедности 62,9 % бедных — это люди молодых и средних возрастов (от 25 до 49 лет). Люди старших возрастов представлены среди бедных в существенно меньшей степени. По абсолютному доходному критерию только 18,4 % бедных являются людьми в возрасте 55 лет и старше. Применение многомерного подхода AROPE приводит

к изменению возрастной структуры бедного населения. Доля людей молодых и средних возрастов среди бедных снижается до 39,2 %, а доля лиц старших возрастов (55 лет и старше) увеличивается практически в три раза — до 45,3 %. Отдельно следует отметить, что четверть бедных (24,5 %) по критерию AROPE составляют люди в возрасте 65 лет и старше.

Таблица 4

**Гендерная и возрастная структура бедного населения
в возрасте от 25 лет и старше (2016 г.), %**

	Абсолютная доходная бедность	Многокритериальная бедность (индекс AROPE)
Мужчины	44,7	39,7
Женщины	55,3	60,3
Возраст, лет:		
25—29	12,0	8,0
30—34	17,2	10,3
35—39	18,5	11,0
40—44	15,2	10,2
45—49	10,2	7,8
50—54	8,8	7,4
55—59	7,6	10,0
60—64	4,4	10,8
65+	6,4	24,5

Рассмотрим отдельно структуру бедного населения старших возрастов (табл. 5). При использовании абсолютного доходного критерия бедности доля женщин старших возрастов (55+) среди всех бедных женщин составляет 19,6 %. При переходе к многомерному критерию этот показатель существенно растет — до 51,0 % (в 2,6 раза). Другими словами, при использовании многокритериального индекса бедности каждая вторая бедная женщина — это женщина в возрасте 55 лет и старше. При переходе от абсолютного доходного индекса бедности к многокритериальному доля бедных мужчин в возрасте от 55 лет также растет. Доля мужчин старших возрастов среди мужчин, являющихся бедными по абсолютному доходному критерию, составляет 16,6 %. Среди мужчин, бедных по критерию AROPE, доля лиц в возрасте от 55 лет и старше равна 36,9 %.

Таблица 5

Половозрастная структура бедного населения старшего возраста (2016 г.), %

Возраст, лет	Абсолютная доходная бедность		Многокритериальная бедность (индекс AROPE)	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
55—59	6,4	9,0	10,2	9,8
60—64	5,0	3,6	11,4	10,0
65+	8,2	4,0	29,4	17,1

Исходя из вышесказанного можно заключить, что при переходе от абсолютного доходного критерия определения бедности к многокритериальному структура бедных сдвигается в сторону увеличения доли женщин и доли лиц старших возрастов.

Выводы

Результаты исследования показали, что при использовании абсолютного доходного критерия бедности (методика Росстата) уровни бедности мужчин и женщин в возрасте от 25 лет практически не различаются (не превышают 9 %). Таким образом, в работе не было найдено эмпирических подтверждений широко распространенному в СМИ мнению о феминизации российской бедности в целом. Тем не менее исследование выявило существенную вариацию распространенности абсолютной доходной бедности в различных половозрастных группах. Так, в более молодых возрастах (25—39 лет) уровень абсолютной доходной бедности женщин превосходит аналогичный показатель для мужчин, причем максимальный гендерный разрыв приходится на лиц в возрасте 30—34 года. В средних возрастах (40—59 лет) мужчины, напротив, беднее женщин. В старших возрастах (60+) относительное положение мужчин и женщин с точки зрения уровня доходной бедности снова изменяется: пожилые женщины беднее мужчин.

Использование многомерного подхода к определению бедности существенно меняет ее гендерную картину. Бедность, измеренная с помощью адаптированного к российским данным показателя риска бедности и социальной исключенности (индекс AROPE; методика Евростата), действительно имеет «женское лицо». В среднем в РФ уровень многомерной бедности женщин составил 22,8 %, в то время как аналогичный показатель для мужчин равен 18,8 %. Более того, проведенный анализ показал, что с точки зрения многомерного подхода к определению бедности женщины являются более уязвимыми по сравнению с мужчинами практически во всех возрастах. Исключение составляют две возрастные когорты — 45—49 лет и 50—54 года, для которых уровни бедности мужчин и женщин практически одинаковы. Отдельно следует подчеркнуть, что в отличие от абсолютного доходного уровня бедности, распространенность многомерной бедности в старших возрастах достигает своих максимальных значений. В зоне особого риска многомерной бедности находятся женщины старших возрастов (65+): для них уровень бедности AROPE в 1,4 раза выше, чем для мужчин этого возраста. Описанная картина гендерной вариации индекса многокритериальной бедности имеет место при использовании не только обобщенного индекса AROPE, но и его компонентов — относительной доходной и депривационной бедности. Оба компонента существенно более распространены среди женщин, чем среди мужчин.

Вместе с увеличением гендерного разрыва между уровнями бедности мужчин и женщин переход от абсолютного доходного к многомерному критерию измерения бедности приводит к значительному смещению гендерной и возрастной структуры бедности: среди бедных увеличивается доля женщин и доля лиц старших возрастов.

Основными причинами феминизации бедности при переходе от абсолютного доходного к многомерному критерию ее измерения, агрегирующему показателю относительной доходной и депривационной бедности, являются относительно низкие заработные платы женщин, а также относительно низкие пенсии.

Библиографический список

- Беглова Е. И.* Бедность в России: структура и формы проявления // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3. С. 98—111.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С.* Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2006. № 22. С. 90—113.
- Гришина Е. Е.* Различные аспекты бедности семей с детьми // ЭКО. 2018. № 3. С. 7—26.
- Елисеева И. И., Раскина Ю. В.* Измерение бедности в России: возможности и ограничения // Вопросы статистики. 2017. № 8. С. 70—89.
- Зубова Л. Г.* Неравенство и бедность в России: динамика, причины, необходимость преодоления // Народонаселение. 2017. № 3. С. 104—115.
- Овчарова Л. Н.* Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. 398 с.
- Овчарова Л. Н.* Предложения для стратегии содействия сокращению бедности в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 10—11. С. 78—98.
- О совершенствовании методологических положений по расчетам индексов немонетарной бедности по итогам выборочных наблюдений по социально-демографическим проблемам: доклад // Федеральная служба государственной статистики. 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf (дата обращения: 01.08.2019).
- Пишняк А. И., Попова Д. О.* Бедность и благосостояние российских семей с детьми на разных этапах экономического цикла // SPERO. 2011. № 14. С. 57—78.
- Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 35 с.
- Abel-Smith B., Townsend P.* The Poor and the Poorest. London: Bell and Sons, 1965. 78 p.
- Alkire S., Foster J.* Counting and multidimensional poverty measurement // Journal of Public Economics. 2011a. Vol. 95, № 7—8. P. 476—487.
- Alkire S., Foster J.* Understandings and misunderstandings of multidimensional poverty measurement // Journal of Economic Inequality. 2011b. Vol. 9, iss. 2. P. 289—314.
- Alkire S., Santos M. E.* A Multidimensional approach: poverty measurement & beyond // Social Indicators Research. 2013. Vol. 112, iss. 2. P. 239—257.
- Bellani L.* Multidimensional indices of deprivation: the introduction of reference groups weights // Journal of Economic Inequality. 2013. Vol. 11, iss. 4. P. 495—515.
- Gender Inequalities in the Risks of Poverty and Social Exclusion for Disadvantaged Groups in Thirty European Countries. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2006. 190 p.
- Guide on Poverty Measurement / UNECE. New York; Geneva, 2017. 218 p. URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECECESSTAT20174.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).
- Kramer K., Myhrz L., Zuiker V., Bauer J.* Comparison of poverty and income disparity of single mothers and fathers across three decades, 1990—2010 // Gender Issues. 2016. Vol. 33. P. 22—41.
- Ravallion M.* On multidimensional indices of poverty // Journal of Economic Inequality. 2011. Vol. 9, iss. 2. P. 235—248.
- Runciman W.* Relative Deprivation and Social Justice. London: Routledge and Kegan Paul, 1966. 338 p.
- Sen A.* Capability and well-being // Nussbaum M., Sen A. The Quality of Life. Oxford: Oxford University Press, 1993. 455 p.
- Townsend P.* Poverty in the United Kingdom: a Survey of Household Resources and Standards of Living. London: Allen Lane and Penguin Books, 1979. 1217 p.

References

- Abel-Smith, B., Townsend, P. (1965) *The Poor and the Poorest*, London: Bell and Sons.
- Alkire, S., Foster, J. (2011a) Counting and multidimensional poverty measurement, *Journal of Public Economics*, vol. 95, no. 7—8, pp. 476—487.
- Alkire, S., Foster, J. (2011b) Understandings and misunderstandings of multidimensional poverty measurement, *Journal of Economic Inequality*, vol. 9, iss. 2, pp. 289—314.
- Alkire, S., Santos, M. E. (2013) A multidimensional approach: poverty measurement & beyond, *Social Indicators Research*, vol. 112, iss. 2, pp. 239—257.
- Beglova, E. I. (2016) Bednost' v Rossii: struktura i formy proiavleniia [Poverty in Russia: structure and forms], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, no. 3, pp. 98—111.
- Bellani, L. (2013) Multidimensional indices of deprivation: the introduction of reference groups weights, *Journal of Economic Inequality*, vol. 11, iss. 4, pp. 495—515.
- Bogomolova, T. Iu., Tapilina, V. S. (2006) Bednost' v sovremennoi Rossii: izmerenie i analiz [Poverty in the present Russia: measurement and analysis], *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, no. 22, pp. 90—113.
- Eliseeva, I. I., Raskina, Iu. V. (2017) Izmerenie bednosti v Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniia [Measuring poverty in Russia: possibilities and limitations], *Voprosy statistiki*, no. 8, pp. 70—89.
- Gender Inequalities in the Risks of Poverty and Social Exclusion for Disadvantaged Groups in Thirty European Countries* (2006), Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.
- Grishina, E. E. (2018) Razlichnye aspekty bednosti semei s det'mi [Different aspects of poverty among families with children], *ÉCO*, no. 3, pp. 7—26.
- Guide on Poverty Measurement* (2017), New York, Geneva, available from <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2018/ECECESSTAT20174.pdf> (accessed 01.08.2019).
- Kramer, K., Myhraz, L., Zuiker, V., Bauer, J. (2016) Comparison of poverty and income disparity of single mothers and fathers across three decades, 1990—2010, *Gender Issues*, vol. 33, pp. 22—41.
- O sovershenstvovanii metodologicheskikh polozhenii po raschetam indeksov nemonetarnoi bednosti po itogam vyborochnykh nabludenii po sotsial'no-demograficheskim problemam: Doklad (2017) [On improving methodological provisions for calculating non-monetary poverty indices based on the results of sample observers on socio-demographic problems: Report], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki*, available from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf (accessed 01.08.2019).
- Ovcharova, L. N. (2011) *Sotsial'no-demograficheskiĭ profil', faktory i formy proiavleniia bednosti rossiiskogo naseleniia*: Dis. ... d-ra ėkon. nauk [Socio-demographic profile, factors and forms of poverty of the Russian population: Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.
- Ovcharova, L. N. (2012) Predlozheniia dlia strategii sodeĭstviia sokrashcheniiu bednosti v sovremennoi Rossii [Suggestions for a strategy to help reduce poverty in modern Russia], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, no. 10—11, pp. 78—98.
- Ovcharova, L. N. (ed.) (2014) *Uroven' i profil' bednosti v Rossii: ot 1990-kh godov do nashikh dnei* [Poverty level and profile in Russia from the 1990s to the present day], Moscow: Nauchno-issledovatel'skiĭ universitet "Vysshhaia shkola ėkonomiki".
- Pishniak, A. I., Popova, D. O. (2011) Bednost' i blagosostoianie rossiiskikh semei s det'mi na raznykh ėtapakh ėkonomicheskogo tsikla [Poverty and well-being of Russian families with children at different stages of the economic cycle], *SPERO*, no. 14, pp. 57—78.
- Ravallion, M. (2011) On multidimensional indices of poverty, *Journal of Economic Inequality*, vol. 9, iss. 2, pp. 235—248.

-
- Runciman, W. (1966) *Relative Deprivation and Social Justice*, London: Routledge and Kegan Paul.
- Sen, A. (1993) Capability and well-being, in: Nussbaum, M., Sen, A. *The Quality of Life*, Oxford: Oxford University Press.
- Townsend, P. (1979) *Poverty in the United Kingdom: A Survey of household resources and standards of living*, London: Allen Lane and Penguin Books.
- Zubova, L. G. (2017) Neravenstvo i bednost' v Rossii: dinamika, prichiny, neobkhodimost' preodoleniia [Inequality and poverty in Russia: dynamics, causes, need to overcome], *Narodonaselenie*, no. 3, pp. 104—115.

Статья поступила 14.11.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Денисова Ирина Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, denisova.irina@gmail.com (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Карцева Марина Анатольевна — аспирантка кафедры народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, mkartseva@mail.ru (Post-graduate student at the Department of Population, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Institute for Social Analysis and Forecasting of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Хасбулатова О. А., Околотин В. С. Трудовой подвиг женщин в тылу в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) (На примере Ивановской области)	3
Рябов О. В. Символические границы в политике советской идентичности: гендерное измерение (На материале кинематографа Великой Отечественной войны)	10

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Хоткина З. А. Российским гендерным исследованиям 30 лет: ретроспектива и перспективы	26
Силласте Г. Г. Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка	38
Илимбетова А. А. Участие женщин России в STEM-бизнесе	52
Савинская О. Б., Лебедева Н. В. Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов	62
Захарова Л. Н., Саралиева З. Х.-М., Леонова И. С. Субъективное благополучие разновозрастного женского персонала инновационных компаний	76
Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Насилие в отношении женщин: мировые тенденции	89
Андрюшина Е. В., Григорьева Н. С., Панова Е. А. Гендерные аспекты изучения семейных стратегий российской студенческой молодежи: результаты компаративного анализа исследований 2008 и 2019 гг.	99

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. Становление женского политического движения в России (1891—1914 гг.)	114
Долидович О. М., Карчаева Т. Г. Политическая мобилизация женщин в 1920-х гг. (На материалах Енисейской губернии)	129
Денисова И. А., Карцева М. А. Гендерные аспекты бедности в России: абсолютный и многокритериальный подход	138
<i>Информация для авторов</i>	155

CONTENTS

TO COMMEMORATE THE 75th ANNIVERSARY OF VICTORY IN GREAT PATRIOTIC WAR

- Khasbulatova O. A., Okolotin V. S.** Labor feat of women in the rear during the Great Patriotic War (1941—1945) (Case study of the Ivanovo region) 3
- Riabov O. V.** Symbolic boundaries in the politics of Soviet identity: gender dimension (On the materials on the Great Patriotic War's cinema) 10

GENDER SOCIOLOGY

- Khotkina Z. A.** 30 years of Russian gender studies: retrospective and perspectives 26
- Sillaste G. G.** The labor market, employment and professions as an economic space for the formation of a new gender order 38
- Ilimbetova A. A.** Participation of Russian women in STEM business 52
- Savinskaya O. B., Lebedeva N. V.** Why women leave STEM: the role of stereotypes 62
- Zakharova L. N., Saralieva Z. H.-M., Leonova I. S.** Subjective well-being of female employees of innovative companies of different ages 76
- Rostovskaya T. K., Bezverbnaya N. A.** Violence against women: global trends 89
- Andryushina E. V., Grigorieva N. S., Panova E. A.** Gender aspects of family strategies of Russian students: comparing results of 2008 and 2019 surveys 99

GENDER HISTORY

- Pushkareva I. M., Pushkareva N. L.** Formation of women's political movement in Russia (1891—1914) 114
- Dolidovich O. M., Karchaeva T. G.** Political mobilization of women in the 1920s (On materials of the Yenisei province) 129
- Denisova I. A., Kartseva M. A.** Gender poverty gap in Russia: absolute vs. multidimensional concepts 138
- Information for the authors* 155

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 2 — 2020

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.06.2020 г. Печать плоская. Бумага писчая.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 13,8. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 40 экз.
Заказ № 74. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит ежеквартально с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ